

ISSN: 2663-6794

ҚАЗАҚСТАН АРХЕОЛОГИЯСЫ

ҚАЗАҚСТАН АРХЕОЛОГИЯСЫ

1
2020

№ 1
2020

Қазақстан Республикасының Білім және ғылым министрлігі
Ғылым комитеті
Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты

ҚАЗАҚСТАН АРХЕОЛОГИЯСЫ

№ 1 (7)

2020

Бас редактор

ҚР ҰҒА академигі, тарих ғылымдарының докторы Б.Ә. Байтанаев

Редакциялық кеңес:

А.Г. Ситдиқов – ТР ҰҒА корр.-мүшесі, тарих ғылымдарының докторы (Қазань, Ресей) (төраға)
В.Ф. Зайберт – тарих ғылымдарының докторы, профессор (Алматы, Қазақстан)
М.Е. Елеуов – тарих ғылымдарының докторы, профессор (Алматы, Қазақстан)
З. Самашев – тарих ғылымдарының докторы, профессор (Нұр-Сұлтан, Қазақстан)
С.Е. Әжіғали – тарих ғылымдарының докторы, профессор (Алматы, Қазақстан)
И.Л. Қызласов – тарих ғылымдарының докторы, профессор (Москва, Ресей)
П.М. Кольцов – тарих ғылымдарының докторы, профессор (Элиста, Ресей)
А.А. Тишкин – тарих ғылымдарының докторы, профессор (Барнаул, Ресей)
Н.Ю. Смирнов – тарих ғылымдарының кандидаты (Санкт-Петербург, Ресей)
Р.Х. Сулейманов – тарих ғылымдарының докторы, профессор (Ташкент, Өзбекстан)
В.Б. Панковский – тарих ғылымдарының кандидаты (Киев, Украина)
Н. Борофска – археология докторы, профессор (Берлин, Германия)
М. Фрачетти – археология докторы (Сент-Луис, АҚШ)
Т. Уильямс – археология докторы, профессор (Лондон, Ұлыбритания)

Редакциялық алқасы:

Ә.М. Манапова – тарих ғылымдарының кандидаты (Алматы, Қазақстан)
Т.Б. Мамиров – тарих ғылымдарының кандидаты (Нұр-Сұлтан, Қазақстан)
Ж. Құрманқұлов – тарих ғылымдарының кандидаты (Алматы, Қазақстан)
М.Қ. Хабдулина – тарих ғылымдарының кандидаты (Нұр-Сұлтан, Қазақстан)
А.А. Нұржанов – тарих ғылымдарының кандидаты (Алматы, Қазақстан)
А.А. Бисембаев – тарих ғылымдарының кандидаты (Ақтөбе, Қазақстан)
Д.А. Воякин – тарих ғылымдарының кандидаты (Алматы, Қазақстан)
Е. Ақымбек – PhD (Алматы, Қазақстан)
Ж.Р. Утубаев – тарих ғылымдарының кандидаты (Алматы, Қазақстан)

Жауапты хатшылар:

Г.С. Жұмабекова – тарих ғылымдарының кандидаты
Г.А. Базарбаева – тарих ғылымдарының кандидаты

Техникалық редакторы

З.М. Толенова – тарих ғылымдарының кандидаты, доцент

Компьютерлік беттеу және дизайн:

О.В. Кузнецова

Редакцияның мекен-жайы:

050010 Алматы қаласы, Достық даңғылы, 44
Телефон: (727) 293 01 43
E-mail: arch.kaz@archaeolog.kz; archeologiakazahstana@gmail.com
archeokz.com

Жылына 4 рет шығады

Басылым Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрлігі Ғылым комитетінің бағдарламалық-нысаналы қаржыландырылатын ЖТН BR05236565 жобасының шеңберінде жүзеге асырылады

**Министерство образования и науки Республики Казахстан
Комитет науки
Институт археологии имени А.Х. Маргулана**

АРХЕОЛОГИЯ КАЗАХСТАНА

№ 1 (7)

2020

Главный редактор

академик НАН РК, доктор исторических наук Б.А. Байтанаев

Редакционный совет:

А.Г. Ситдииков – член-корреспондент НАН РТ, доктор исторических наук (Казань, Россия) (председатель)
В.Ф. Зайберт – доктор исторических наук, профессор (Алматы, Казахстан)
М.Е. Елеуов – доктор исторических наук профессор (Алматы, Казахстан)
З. Самашев – доктор исторических наук, профессор (Нур-Султан, Казахстан)
С.Е. Ажигали – доктор исторических наук, профессор (Алматы, Казахстан)
И.Л. Кызласов – доктор исторических наук, профессор (Москва, Россия)
П.М. Кольцов – доктор исторических наук, профессор (Элиста, Россия)
А.А. Тишкин – доктор исторических наук, профессор (Барнаул, Россия)
Н.Ю. Смирнов – кандидат исторических наук (Санкт-Петербург, Россия)
Р.Х. Сулейманов – доктор исторических наук, профессор (Ташкент, Узбекистан)
В.Б. Панковский – кандидат исторических наук (Киев, Украина)
Н. Бороффка – доктор археологии, профессор (Берлин, Германия)
М. Фрачетти – доктор археологии (Сент-Луис, США)
Т. Уильямс – доктор археологии, профессор (Лондон, Великобритания)

Редакционная коллегия:

А.М. Манапова – кандидат исторических наук (Алматы, Казахстан)
Т.Б. Мамиров – кандидат исторических наук (Нур-Султан, Казахстан)
Ж. Курманкулов – кандидат исторических наук (Алматы, Казахстан)
М.К. Хабдулина – кандидат исторических наук (Нур-Султан, Казахстан)
А.А. Нуржанов – кандидат исторических наук (Алматы, Казахстан)
А.А. Бисембаев – кандидат исторических наук (Актобе, Казахстан)
Д.А. Вожкин – кандидат исторических наук (Алматы, Казахстан)
Е. Акымбек – PhD (Алматы, Казахстан)
Ж.Р. Утубаев – кандидат исторических наук (Алматы, Казахстан)

Ответственные секретари:

Г.С. Джумабекова – кандидат исторических наук
Г.А. Базарбаева – кандидат исторических наук

Технический редактор

З.М. Толенова – кандидат исторических наук, доцент

Компьютерная верстка и дизайн:

О.В. Кузнецова

Адрес редакции:

050010 г. Алматы, пр. Достык, 44

Телефон: (727) 293 01 43

E-mail: arch.kaz@archaeolog.kz; archeologiakazahstana@gmail.com

archeokz.com

Выходит 4 раза в год

Издание осуществлено в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, ИРН проекта BR05236565

**MINISTRY OF EDUCATION AND SCIENCE OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN
SCIENCE COMMITTEE
A.KH. MARGULAN ARCHEOLOGY INSTITUTE**

KAZAKHSTAN ARCHEOLOGY

№ 1 (7)

2020

Editor-in-Chief:

Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan,
Doctor of Historical Sciences B.A. Baitanayev

Executive Editors:

A.G. Sitdikov – Corresponding Member of the National Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Doctor of Historical Sciences (Kazan, Russia) (chairman)
V.F. Zaibert – Doctor of Historical Sciences, Professor (Almaty, Kazakhstan)
M.E. Eleuov – Doctor of Historical Sciences, Professor (Almaty, Kazakhstan)
Z. Samashev – Doctor of Historical Sciences, Professor (Nur-Sultan, Kazakhstan)
S.E. Ajigali – Doctor of Historical Sciences, Professor (Almaty, Kazakhstan)
I.L. Kyzlasov – Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow, Russia)
P.M. Koltsov – Doctor of Historical Sciences, Professor (Elista, Russia)
A.A. Tishkin – Doctor of Historical Sciences, Professor (Barnaul, Russia)
N.Yu. Smirnov – Candidate of Historical Sciences (Saint Petersburg, Russia)
R.H. Suleymanov – Doctor of Historical Sciences, Professor (Tashkent, Uzbekistan)
V.B. Pankowski – Candidate of Historical Sciences (Kyiv, Ukraine)
N. Boroffka – Doctor of Archaeology, Professor (Berlin, Germany)
M. Frachetti – Doctor of Archaeology (St. Louis, USA)
T. Williams – Doctor of Archaeology, Professor (London, UK)

Editorial Board:

A.M. Manapova – Candidate of Historical Sciences (Almaty, Kazakhstan)
T.B. Mamirov – Candidate of Historical Sciences (Nur-Sultan, Kazakhstan)
Zh. Kurmankulov – Candidate of Historical Sciences (Almaty, Kazakhstan)
M.K. Khabdulina – Candidate of Historical Sciences (Nur-Sultan, Kazakhstan)
A.A. Nurzhanov – Candidate of Historical Sciences (Almaty, Kazakhstan)
A.A. Bisembayev – Candidate of Historical Sciences (Aktobe, Kazakhstan)
D.A. Voyakin – Candidate of historical sciences (Almaty, Kazakhstan)
E.Sh. Akymbek – PhD (Almaty, Kazakhstan)
Zh.R. Utubayev – Candidate of historical sciences (Almaty, Kazakhstan)

Executive Secretaries:

G.S. Jumabekova – Candidate of Historical Sciences
G.A. Bazarbayeva – Candidate of Historical Sciences

Executive Editor:

Z.M. Tolenova – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

Computer layout and design:

O.V. Kuznetsova

Editorial address:

050010 Almaty, Dostyk Ave., 44

Phone: (727) 293 01 43

E-mail: arch.kaz@archaeolog.kz; arheologiakazhastana@gmail.com

archeokz.com

The journal is published four times a year

The publication was carried out within the framework of program-targeted financing of the Committee of Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, IRN of the project BR05236565

МАЗМҰНЫ – СОДЕРЖАНИЕ

Далалық зерттеулер – Полевые исследования

- Байтанаев Б.А., Горячев А.А., Егорова Т.А.** (Алматы, Қазақстан),
Байтанаева А.Б. (Шымкент, Қазақстан), **Байтанаев Е.Б.,**
Чернов М.А. (Алматы, Қазақстан)
 Археологиялық зерттеулер Боралдай ащылында 2019 жылы 11
- Горячев А.А., Потапов С.А., Ильин Р.В.** (Алматы, Қазақстан)
 Археологиялық зерттеулер нәтижелері
 Боралдай ащылындағы Боралдай 2019 жылы 25

Археологияның мәселелері – Вопросы археологии

- Волошин В.С.** (Нур-Султан, Қазақстан)
 Төменгі мәдениеттік горизонттың ескерткіші
 Экибастуз-4 49
- Болелов С.Б.** (Москва, Россия), **Утубаев Ж.Р.** (Алматы, Қазақстан)
 Гончарное производство на территории древней дельты
 Сырдарыя в эпоху античности: новые данные 69
- Тажекеев А.А.** (Қызылорда, Қазақстан), **Дарменов Р.Т.** (Нур-
 Султан, Қазақстан), **Султанжанов Ж.К.** (Тюбинген, Германия)
 Организация охранной зоны и консервационные работы
 на городище Джанкент 88

Нумизматика туралы зерттеулер – Исследования по нумизматике

- Бугарчев А.И.** (Казань, Россия)
 О метрологии медных монет Сарая, Сарая ал-джадида
 и Гулистана в XIV в. 98
- Брагин А.О.** (Алматы, Қазақстан, Казань, Россия),
Леонов Б.И. (Санкт-Петербург, Россия)
 Медный чекан Кунче хана в Узкенде 115

Хабарлар – Хроника

<i>Қасенова Ә.Д., Шағырбаев М.С. (Алматы, Қазақстан)</i> Ақынжанов оқулары – 2019	121
<i>Хабдулина М.К. (Нур-Султан, Қазақстан), Лукпанова Я.А. (Уральск, Қазақстан)</i> О работе Круглого стола, посвященного юбилею Марины Глебовны Мошковой	127
<i>Ускенбай К. (Алматы, Қазақстан)</i> Золотая Орда и ее наследие: Международный симпозиум, посвященный 750-летию государства	140
<i>Лошакова Т.Н., Дубягина Е.В. (Алматы, Қазақстан)</i> О работе международной конференции «Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции)»	148
<i>Мамиров Т.Б. (Нур-Султан, Қазақстан)</i> Казахстанский археолог удостоен японской награды «Орден восходящего солнца с золотыми лучами, с лентой на шее»	156
<i>Шағырбаев М.С. (Алматы, Қазақстан)</i> Екатеринбург қаласына ғылыми іс-сапар туралы	161
Қысқартулар тізімі – Список сокращений	167
Авторларға арналған ережелер – Правила для авторов	

CONTENT

Field studies

- Baitanayev B.A., Goryachev A.A., Egorova T.A.** (*Almaty, Kazakhstan*), **Baitanayeva A.B.** (*Shymkent, Kazakhstan*), **Baitanayev E.B., Chernov M.A.** (*Almaty, Kazakhstan*)
Archeological researches in Boralday gorge
in 2019 (in Russian) 11
- Goryachev A.A., Potapov S.A., Ilin R.V.** (*Almaty, Kazakhstan*)
The results of archaeological exploration of ancient
monuments in the Khantau, Aitau
and Kindyktas mountains (in Russian) 25

Questions of archaeology

- Voloshin V.S.** (*Nur-Sultan, Kazakhstan*)
Lower cultural horizon of stone age
monument Ekibastuz-4 (in Russian) 49
- Bolelov S.B.** (*Moscow, Russia*),
Utubayev Zh.R. (*Almaty, Kazakhstan*)
Pottery production on the territory of the ancient Syrdarya delta
in the age of antiquity: new data (in Russian) 69
- Tazhekeyev A.A.** (*Kyzylorda, Kazakhstan*),
Darmenov R.T. (*Nur-Sultan, Kazakhstan*),
Sultanzhanov Zh.K. (*Tübingen, Germany*)
Organization of conservation zone and conservation
works on Jankent (in Russian) 88

Numismatics research

- Bugarchev A.I.** (*Kazan, Russia*)
About metrology of copper coins of Saray, Saray al-jadid and
Gulistan in XIV century (in Russian) 98
- Bragin A.O.** (*Almaty, Kazakhstan; Kazan, Russia*),
Leonov B.I. (*Saint Petersburg, Russia*)
Copper mintage Kunche khan in Uzkend (in Russian) 115

Chronicle

Kassenova A.D., Shagirbayev M.S. (Almaty, Kazakhstan) Akynjanov readings – 2019 (in Kazakh)	121
Khabdulina M.K. (Nur-Sultan, Kazakhstan), Lukpanova Ya.A. (Uralsk, Kazakhstan) On the work of the Round table dedicated to the anniversary of Marina G. Moshkova (in Russian)	127
Uskenbay K. (Almaty, Kazakhstan) The Golden Horde and its legacy: International symposium dedicated to the 750th anniversary of the state (in Russian)	140
Loshakova T.N., Dubyagina Ye.V. (Almaty, Kazakhstan) On the International conference «Antiquities of Eastern Europe, Central Asia and South Siberia in the Context of communication and interaction in the Eurasian cultural space (new data and concepts)» (in Russian)	148
Mamirov T.B. (Nur-Sultan, Kazakhstan) Kazakhstan archaeologist awarded the Japanese award «Medal of the rising sun with gold rays, with a tape on the neck» (in Russian)	156
Shagirbayev M.S. (Almaty, Kazakhstan) On the scientific training in Yekaterinburg (in Kazakh)	161
List of Abbreviations	167
Submissions	

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
В УЩЕЛЬЕ БОРАЛДАЙ
в 2019 году**

**© 2020 г. Б. А. Байтанаев, А. А. Горячев, Т. А. Егорова,
А. Б. Байтанаева, Е. Б. Байтанаев, М. А. Чернов**

В статье рассматриваются результаты исследований, проводившихся в долине реки Боралдай в полевом сезоне 2019 г. В пещере Туттыбулак-I произведены археологические раскопки пространства у входа в пещеру и вдоль юго-восточной стенки. У входа в пещеру была расчищена конструкция фундамента изгороди (перегородки), перекрывающей вход в пещеру по центру, и конструкция печи тандырного типа раннего средневековья. Вдоль юго-восточной стенки пещеры расчищены каменные плиты, которые в три яруса возвышались над дном раскопа. Они образовались в результате падения разновременных отслоений от стенок и потолка пещеры. В южной части пещеры найдены фрагменты конструкций древнего воздуховода и металлургической печи раннего железного века. Материал, обнаруженный в разных частях и слоях раскопа, представлен фрагментами металлургических шлаков, металлическим наконечником стрелы, керамикой, костяными и каменными инструментами.

Ключевые слова: археология, Каратау, ущелье Боралдай, эпоха бронзы, ранний железный век, средневековье, пещера, печь, воздуховод, орудия труда, керамика

Введение

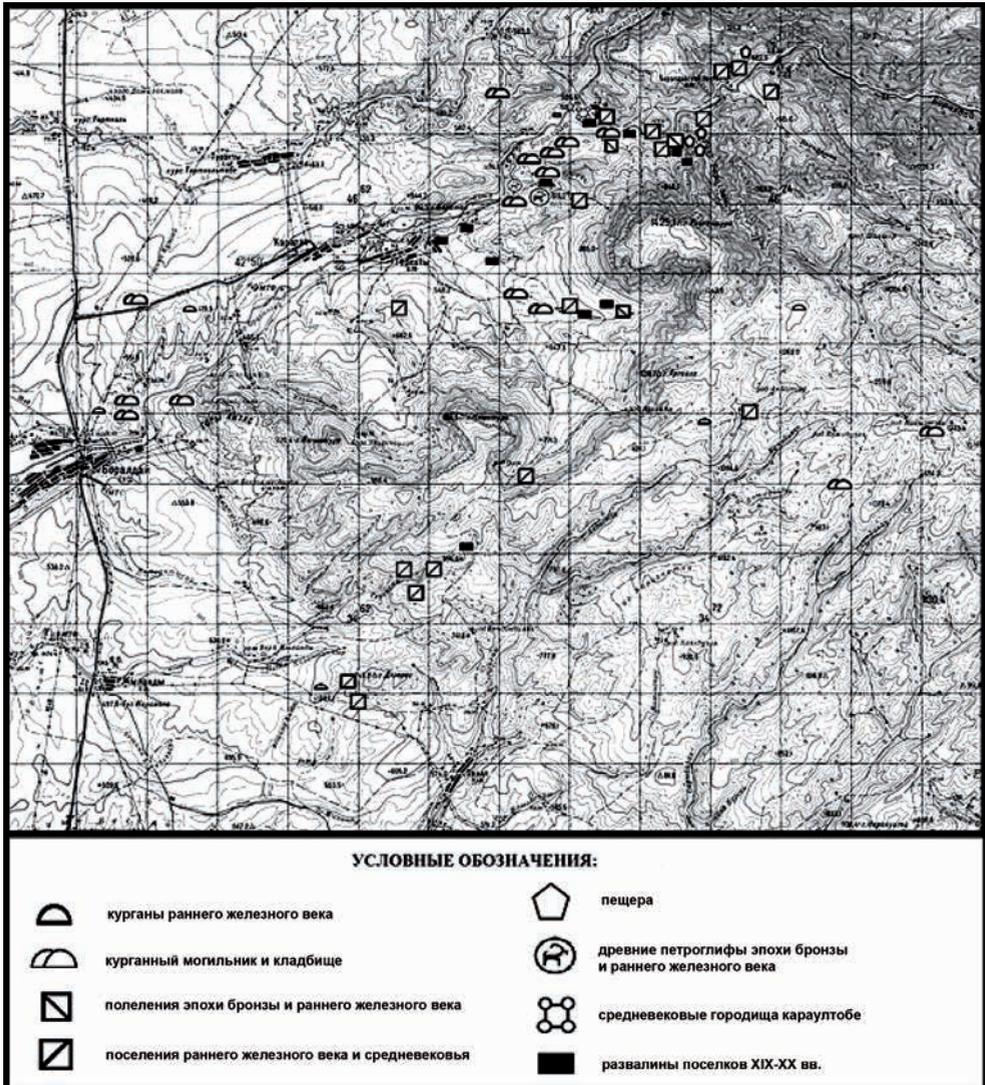
В полевом сезоне 2019 г. были продолжены исследования археологических памятников ущелья Боралдай. Рекогносцировочными раскопками охвачены курган раннего железного века по правому берегу одноименной реки в месте ее слияния с рекой Кошкарата и пещера карстового происхождения Туттыбулак-I, расположенная в боковом ущелье в 300 м к северо-западу от его устья. Предыдущими исследованиями было установлено, что пещера функционировала в эпоху бронзы и в раннем железном веке в качестве стоянки для охотников и собирателей. На поздних этапах древнего периода она используется ранними металлургами для выплавки кричного железа, а в средневековую эпоху с перерывами функционировала как ма-

стерская по выплавке металла [Байтанаев, Горячев и др., 2018]. В результате дополнительной археологической разведки древних памятников были зафиксированы два новых поселения и два могильника древних периодов, что позволило дополнить известную археологическую карту данного микрорайона (рис. 1). Поселения расположены в глубине бокового ущелья близ невысокого горного перевала и скопления петроглифов Жуземды. Они представляли собой серии полуземлянок, устроенных по правому берегу ручья и врезанных в восточные склоны ущелья. Могильники расположены на вершинах небольшого плато и увала по правому берегу р. Боралдай, представляли собой группы из четырех курганов.

Методика исследований

Основной целью исследований в пещере Туттыбулак-I в 2019 г. стало выяснение ее конструктивных деталей в древности и средневековье, а также функционального назначения плит, расположенных с доисторических времен вдоль юго-восточной стенки, поиск новых материалов и их культурно-хронологическая атрибу-

ция с целью определения начальных этапов использования пещеры. В полевом сезоне 2019 г. произведены археологические раскопки пространства у входа в пещеру и вдоль юго-восточной стенки. Разрушения, произошедшие с центральной поперечной бровкой в пещере, вынудили произвести прирезку в 1 м к юго-востоку вглубь пещеры. Археологические

Рис. 1. Карта археологических памятников ущелья Боралдай и прилегающих территорий

Fig. 1. Map of archaeological monuments of Boraldai gorge and adjacent territories

раскопки производились методом по-
слойного (20 см) снятия грунта. Был
зачищен новый поперечный разрез
пещеры размерами 7,5 м в длину и 2 м
в глубину. Общие размеры раскопа со-
ставили 18×7–9 м. Общая площадь ис-
следованной поверхности пещеры со-
ставила примерно 150 кв. м (рис. 2).

*Описание материала пещеры
Туттыбулак-I*

В результате раскопок у входа
в пещеру (квадраты А-1 и Б-1) была
расчищена конструкция фундамента
перегородки, перекрывающей вход в
пещеру по центру и в сторону северо-
восточной стенки в длину 3,5 м, в
ширину 1,7 м, в высоту 0,6 м. Кладка
фундамента представляла собой три
ряда каменных выкладок, скреплен-
ных глиняным раствором. Перего-
родка ориентирована по оси СВ–ЮЗ
(рис. 3, 1-2). У каменной стенки и ка-
менной плиты, стоящей вертикально
по центру пещеры, обнаружены ямы
под опорные столбовые конструкции,
заполненные золой и древесным углем
(вероятно, в результате сгорания этих
конструкций). Судя по вещевому ма-
териалу, найденному среди глиняной
заливки фундамента, она была соору-
жена в раннем средневековье. В по-
следующее время фундамент перегород-
ки слегка оплыл внутрь пещеры.

С внутренней стороны перегород-
ки в квадрате -2 была расчищена
конструкция печи на глубине 40–
50 см (рис. 3, 3–4). Печь - тандырного
типа небольших размеров диаметром
70 см по дну, 80 см в серединной ча-
сти. Яма печи заполнена золой, дре-
весным углем и фрагментами костей
животных. Вероятно, она служила
для приготовления пищи ремесленни-
ками, работавшими в пещере. Высота
печи составляла около 80 см – на это
расстояние наблюдаются разваливши-

ся обломки глиняных стенок с юго-
западной и юго-восточной сторон от
нее. Данное сооружение не было со-
единено ни с одной системой возду-
ховодов, которые были устроены для
металлургических печей. Слой, в ко-
тором яма обнаружена, и вещевой ма-
териал (керамика) позволяют датиро-
вать эту печь ранним средневековьем.

Вдоль северо-восточной стенки
пещеры (квадраты В-1 и В-7) были
расчищены каменные плиты, которые
в три яруса возвышались над дном
раскопа (220 см от уровня поверхно-
сти) на высоту 3–3,5 м (рис. 3, 5–6).
Ярусы каменных плит образовались в
результате падения разновременных
отслоений от стенок и потолка пеще-
ры в доисторическое время. Поверх
плит 2–3 ярусов находились крупные
блоки известняка, вероятно, также от-
слоения от потолка пещеры. Два таких
блока зафиксированы в квадратах В-2
и В-3, один в квадрате В-4 и еще один
на границе квадратов В-5 и В-6. Про-
странство плит закрыто вдоль стенки
пещеры каменными блоками различ-
ных размеров, в результате чего об-
разовались многочисленные ниши
и полочки, при зачистке на которых
в основном зафиксировались кости
мелких грызунов и птиц.

В квадратах В-4 – В-6 верхний
ярус каменных плит образован в виде
площадки подовальной формы, раз-
мерами примерно 7,5×3 м. Простран-
ство между стенкой пещеры было вы-
ровнено за счет укладки квадратных
и прямоугольных каменных блоков
средних размеров. В результате об-
разовалось относительно ровное про-
странство и удобное для устройства
мест отдыха и сна. В 2018 году здесь
был обнаружен заклад металлических
инструментов и медный фельс VIII в.
правителей Чача, что позволяет дати-

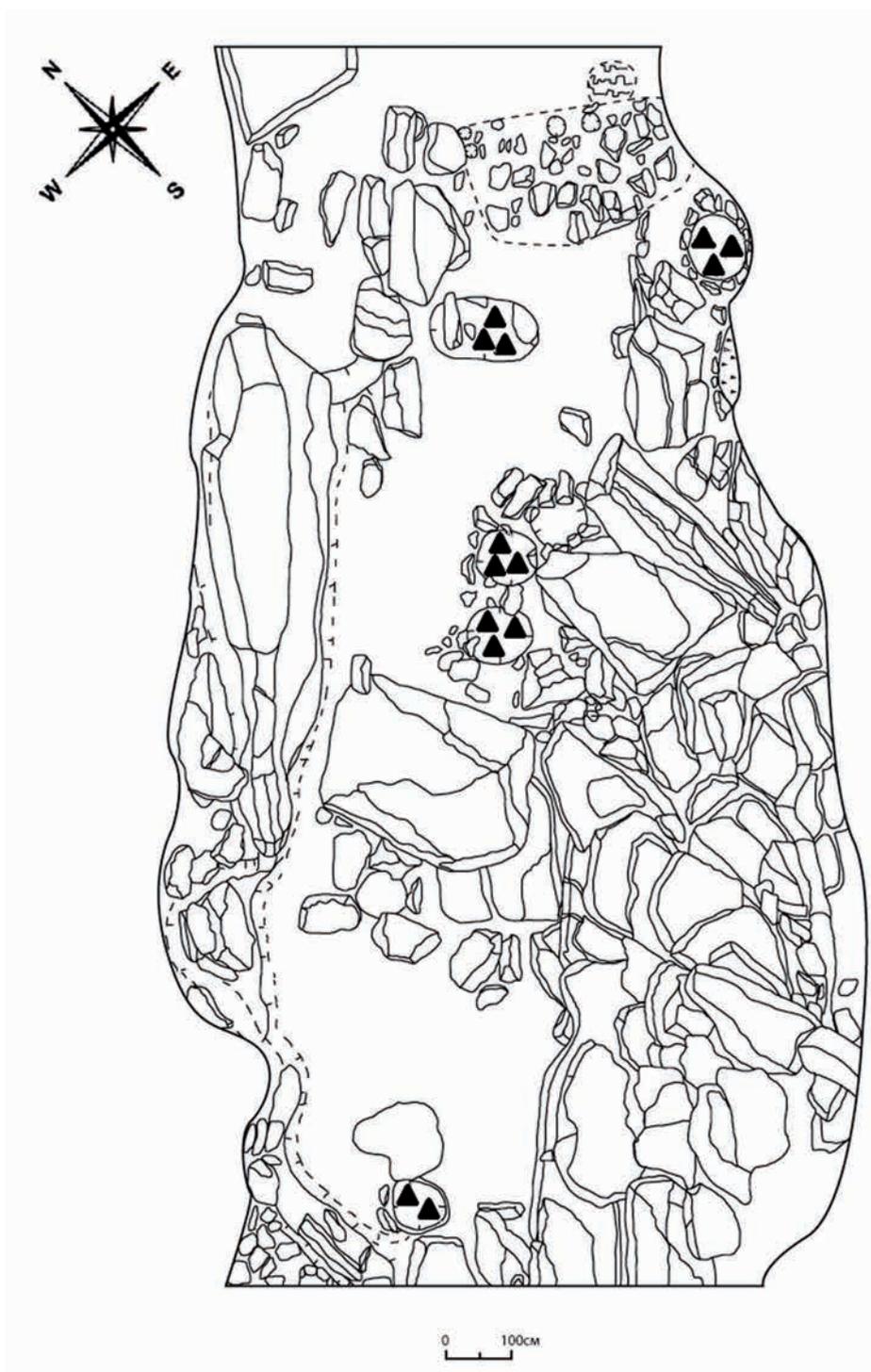

Рис. 2. План раскопа 2019 г. пещеры Туттыбулак-I
Fig. 2. Excavations' plan 2019 of Tuttybulak Cave-I

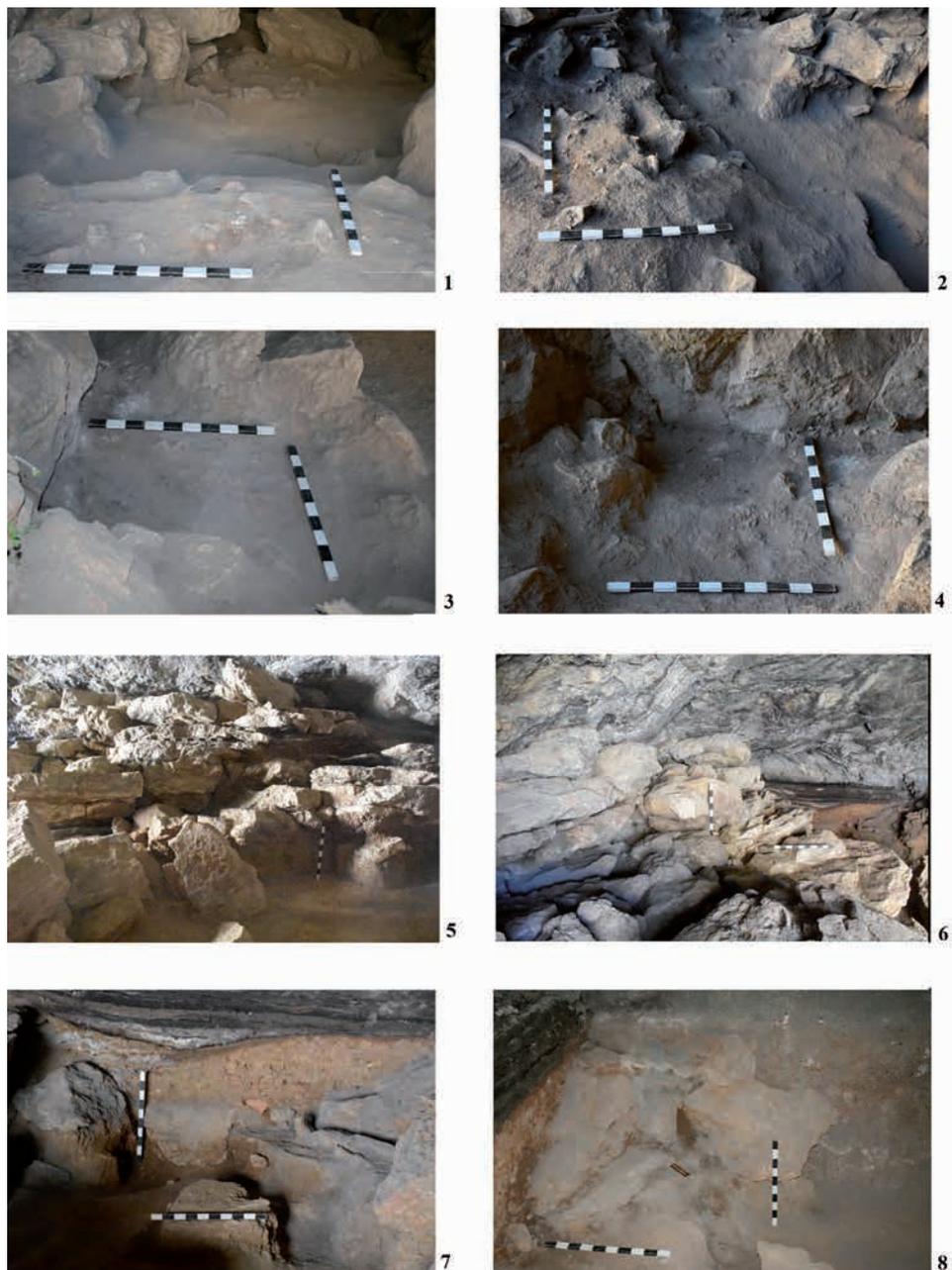

Рис. 3. Раскоп 2019 года в пещере Туттыбулак-I: 1, 2 – каменно-земляная перегородка у входа в пещеру; 3, 4 – развал печи у юго-восточной стенки пещеры; 5, 6 – завал каменных плит, отслоившихся от юго-восточной стенки и потолка пещеры; 7 – развал металлургической печи в южной части раскопа; 8 – фрагмент воздуховода у северо-западной стенки пещеры. Фото авторов

Fig. 3. Excavation 2019 in Tuttybulak Cave-I: 1, 2 – stone-earth septum near cave's entrance; 3, 4 – furnace remains near South-Eastern cave's wall; 5, 6 – block of stone slabs peeling from the southeast wall and ceiling of the cave; 7 – remains of metallurgical furnace in South part of excavation; 8 – air duct's fragment near South-West cave's wall. Authors's photos

ровать кладку на верхнем горизонте ранним средневековьем [Байтанаев, Горячев и др., 2018: рис. 4, 5].

Второй ярус каменных плит, связанный с более масштабным разрушением юго-восточной стенки пещеры, занимает площадь вдоль нее по всему центральному залу примерно 13 м в длину. Эти плиты лежат в два слоя, местами плотно примыкая друг к другу. Пространство между ними было заполнено грунтом пещеры, создавая достаточно удобные проходы как через территорию зала, так и к верхним плитам. Вероятно, данный участок пещеры использовался средневековыми металлургами именно в этих целях.

Третий ярус каменных плит – наиболее ранний среди открытых, находится на глубине 1,5–2 м от верхнего яруса. Это наиболее массивные камни, достигающие в длину от 3,5–7,5 м. Центральная плита откололась с участком не только стенки, но и потолка пещеры. В результате чего она создала «козырек», перекрывавший трехметровый ширины проход от входа в гротовую часть почти по центру основного зала пещеры. Исходные размеры плиты 5,5×3,5 м. В древности в результате падения на «козырек» крупных валунов он обломился приблизительно по центру. Упавшая часть спровоцировала обвал плит-подпорок, под которыми были найдены кости черепа человека, возле которого обнаружены наконечники стрел позднебронзового и раннего железного века.

После снятия крупного каменного блока, упавшего на второй ярус плит у северо-восточной стенки, в квадратах Б-4 – В-4 обнаружен завал из каменных плит средних размеров, закрывший пространство между от-

дельными плитами третьего яруса центральной части пещеры. При их зачистке на уровне второго яруса были обнаружены фрагменты костей животных и средневековой керамики разных этапов (от раннего средневековья до Нового времени). На уровне плит третьего яруса фиксировались фрагменты керамической посуды (горшки, плошки, кувшины раннего железного и бронзового веков). Под плитами третьего яруса обнаружены фрагменты передней части нижней челюсти и черепа человека (вероятно, продолжение костных останков человека, обнаруженного в 2018 г.). Здесь же между камнями зафиксирован сильно разрушенный железный (?) наконечник стрелы.

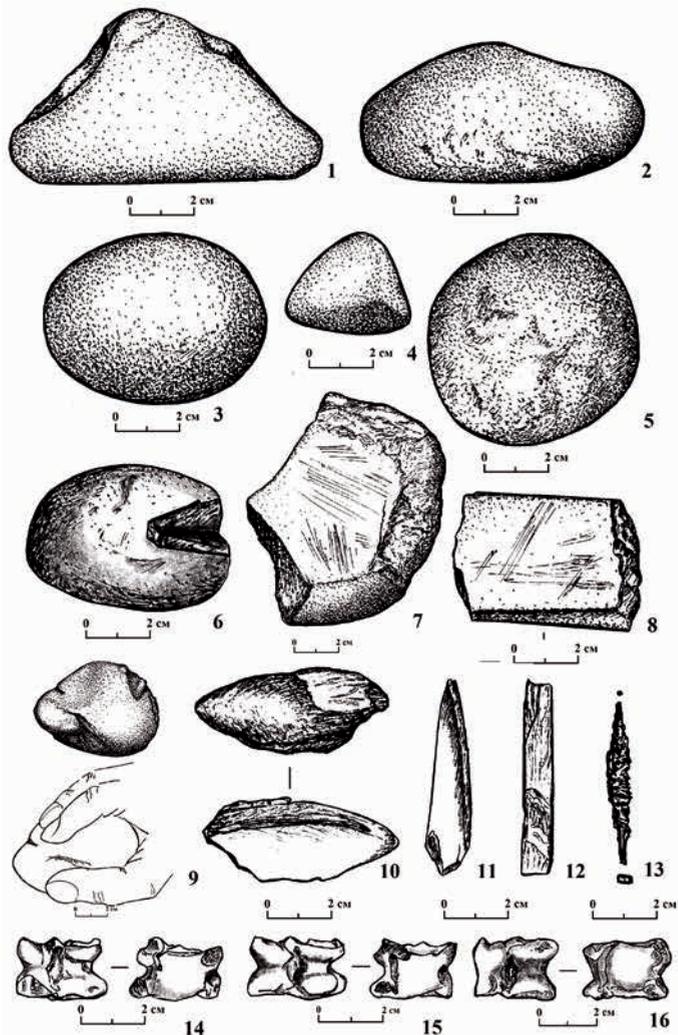
После снятия крупной каменной плиты в квадратах А-6 – А-7 – Б-6 – Б-7, на глубине 150–170 см от дневной поверхности, обнажились фрагменты конструкции металлургической печи раннего железного века, которая представляла собой яму диаметром 70–80 см с толстыми глинобитными стенками (10–15 см). С северной стороны найдена рухнувшая стена печи длиной около 1 м и толщиной до 15 см (рис. 3, 7). Основание печи обложено мелкими каменными плитками. Отмечено место соединения воздуховода к ее нижней части. В квадрате А-7 расчищена конструкция части основного воздуховода с боковыми ответвлениями. Конструкция представляла собой каменную глыбу известняка, прислоненного к юго-западной стенке пещеры длиной более 3,5 м и высотой 2,2 м (рис. 3, 8). Верхняя часть ее была тщательно забутована глиной и перекрыта каменными плитками речного происхождения. Конструкция воздуховода, ведущего к печи, устроена на боковом крае рухнувшей каменной плиты.

Материал, обнаруженный в разных частях и слоях раскопа, представлен фрагментами металлургических шлаков, металлическим наколочником стрелы, керамикой, костяными и каменными инструментами. Каменные орудия труда представлены серией терочных инструментов треугольной, овальной и прямоугольной форм, фрагментом зернотерки и группой камней шаровидной (болас), округло-овальной и треугольной форм, вероятно, использовавшихся как песты-молотки (рис. 4, 1–9). Ложила-терочники изготовлены из речной гальки, рабочий край их сильно заглажен. Торцевые стороны пестов слегка уплощены, со следами сработанности, у шаровидных изделий рабочий край обычно один.

Среди находок в центральной части пещеры под скальной плитой на глубине 150 см был обнаружен второй трёхгранный черешковый железный наконечник стрелы очень плохой сохранности (рис. 4, 13). Вероятно, перо имело трехлопастное сечение, которое не сохранилось. Длина изделия 6 см. Судя по схожести с прошлогодней находкой, наконечник

стрелы относится к середине I тыс. до н.э. [Байтанаев, Горячев и др., 2018, рис. 4, 17].

Интересную серию составляют фрагменты костей животных, особенно, обнаруженных под каменными плитами между разными ярусами завалов от юго-восточной стенки. Там преобладают кости диких животных, как объектов охоты, так и, вероятно,

Рис. 4. Вещевой материал из раскопа 2019 года в пещере Туттыбулак-I: 1–9 – камень, 10–12, 14–16 – кость; 13 – железо

Fig. 4. Material from excavation 2019 in Tuttybulak Cave-I: 1–9 – stone, 10–12, 14–16 – bone; 13 – iron

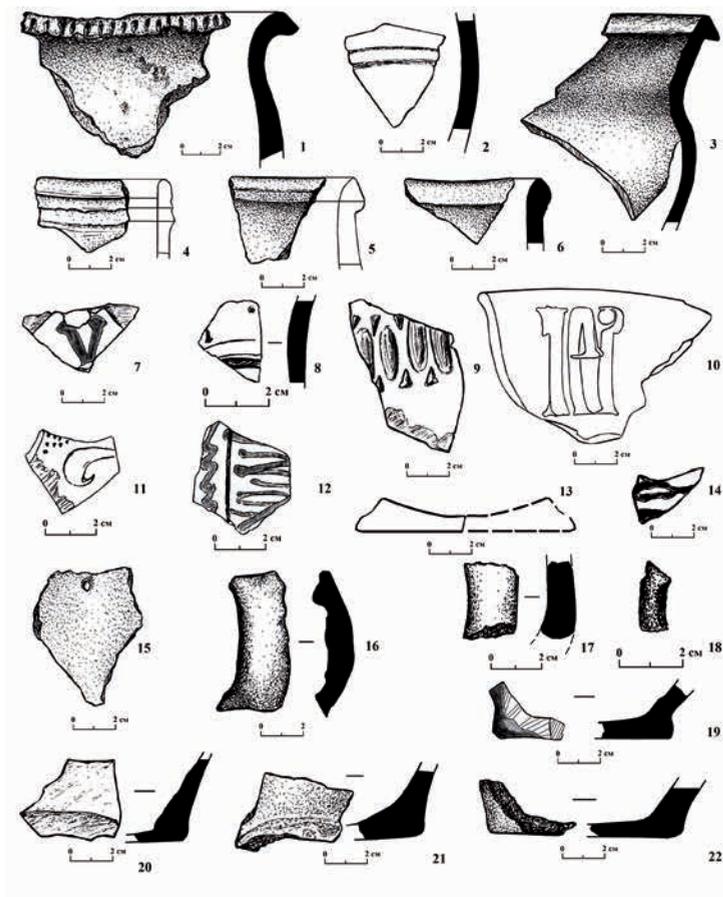

Рис. 5. Средневековая керамика из раскопа 2019 года в пещере Туттыбулак-I

Fig. 5. Middle Age ceramics from excavation 2019 in Tuttybulak Cave-I

обитавших в пещере в глубокой древности. Также обнаружены части расколотых костей крупного и мелкого рогатого скота. Некоторые из них обгоревшие. Ряд костей, обнаруженных на разных уровнях раскопа, имеют следы обработки и применения в качестве инструментов – проколов, скребков, астрагалов-лощил (рис. 4, 10–12, 14–16).

Проколки и скребки изготавливались в основном из фрагментов трубчатых костей животных. Как правило, у проколов с обоих концов от се-

редины заготовки стесыванием кости придавалась узкая удлиненная форма. Их верхние концы имеют форму усеченной пирамиды с площадкой четырехугольной формы. Нижний рабочий край заострен. Эта группа изделий чаще всего обнаруживается во фрагментированном состоянии, вероятно, вследствие их длительного или интенсивного применения. Астрагалы-лощилы, в отличие от найденных здесь ранее, имеют следы незначительной сработанности на торцевых сторонах, что говорит о недлительном их использовании.

Наиболее многочисленную серию составляют фрагменты средневековых керамических сосудов (рис. 5). Она представлена в основном кухонной и тарной посудой. Керамические обломки составляют различные части сосудов котлов, кувшинов, горшков, хумов, хумчи, чаш и блюд от раннего до позднего средневековья. Крупная тарная посуда представлена фрагментами венчиков и стенок хумов. Венчики валикообразные, крупный хум имеет резко отогнутую наружу закраину горловины.

Кухонная посуда представлена разными формами и типами глина-

ных сосудов. Вся керамика выполнена на гончарном круге. Фрагменты некоторых кувшинов и горшков покрыты ангобом. Аналогичные по технологии изготовления и форме сосуды встречаются на средневековых городищах Средней Азии и Южного Казахстана [Смагулов, 2011, с. 387]. Большая часть посуды была местного производства и относится к Караханидскому времени (X–XIII вв.). Часть фрагментов блюд глазурована. Судя по арабиграфичной орнаментации (рис. 5, 7, 10, 12), схожей с материалами из пещеры Акмечеть [Байтанаев, 2011, с. 146, рис. 4, 15], данная посуда относится уже к послемонгольскому времени для данного региона [Акишев и др., 1987, с. 165, 167].

Значительную часть керамического материала из слоев раскопа в глубине и центральной части пещеры составили фрагменты сосудов эпохи бронзы и раннего железного века (рис. 6). Керамика раннего железного века найдена преимущественно в слоях от 100 до 120 см в глубину и представлена фрагментами горшков, кувшинов, чашек и мисок, изготовленных лепным способом из глины серо-черного и кирпичного цвета (рис. 6, 9–18). Большую часть находок составляют венчики сосудов с вертикальными налепными ручками. Для этого времени такая керамика отмечена у северных склонов хребта Каржантау [Байтанаев, 2011, с. 77–79]. Наиболее близкие аналогии керамике раннего железного века пещеры Туттыбулак-I зафиксированы в материалах поселений и могильников Жетысу позднесакского времени Тургень-II и Осербай-I, Тузусай, Цыганка-8 и Талдыбулак-2 [Акишев, Кушаев, 1963, табл. XI; Байпаков, Марьяшев, 2001, с. 53–65; Байпаков, 2008, с. 74–79; Горячев, Егорова, 2015].

Керамика эпохи бронзы обнаружена в раскопах центральной и южной частях пещеры на глубине 120–150 см, вплоть до 180–200 см (рис. 6, 1–8). Она представлена фрагментами крупных плоскодонных сосудов баночной и горшковидной форм. Большинство горшковидной посуды имеют плавную профилировку плечика (рис. 6, 8) и сильно раздутое тулово. Ряд фрагментов имеет характерные налепные валики под венчиками и по тулову. На территории Южного Казахстана и Жетысу подобная керамика встречается в материалах поселений, относящихся к XII–X вв. до н.э. [Байтанаев, 2011, с. 17, рис. 1, 6; Марьяшев, Горячев, 2017, рис. 5, 6].

Подобная серия каменных инструментов хорошо известна в материалах древних поселений Центрального Казахстана и Жетысу и может относиться к поселениям и средней, и поздней бронзы данных регионов [Кадырбаев, Курманкулов, 1992, с. 133–137; Горячев, 2013, с. 348–370].

Обсуждение результатов

Основной целью исследований в пещере Туттыбулак-I было выяснение конструктивных деталей использования ее в древности и средневековье и изучение новых материалов раскопок с целью их культурно-хронологической атрибуции. В результате полевых исследований в 2019 г. на входе в пещеру Туттыбулак-I выявлены конструкции перегородки и печи для приготовления пищи, которые датируются по обнаруженному в них вещевому материалу ранним средневековьем. Установлено, что камни, расположенные вдоль северо-восточной стенки, представляют собой завалы, отколовшихся каменных плит от потолка и стен пещеры. На уровне раскопа отмечено

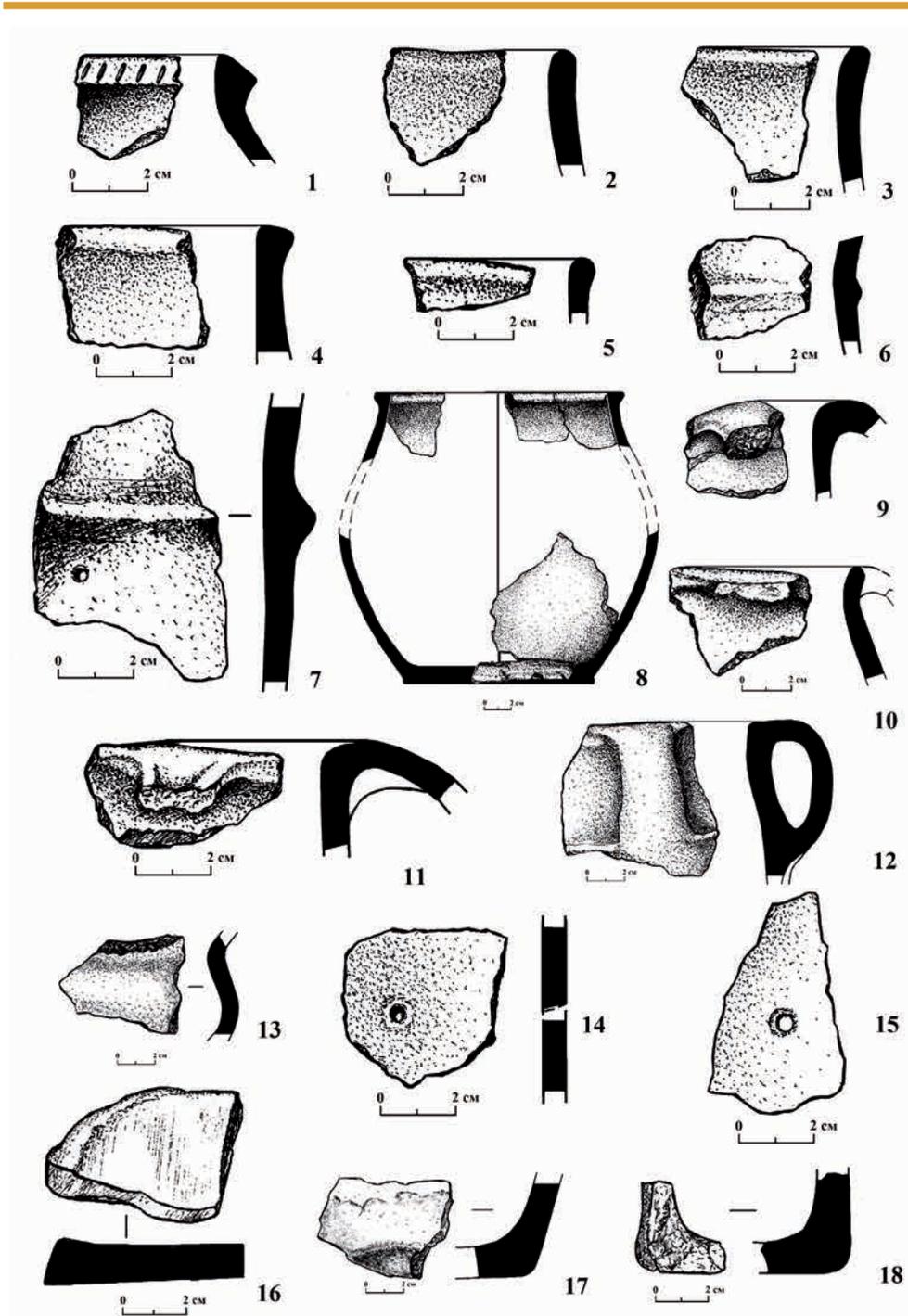

Рис. 6. Древняя керамика из раскопа 2019 года в пещере Туттыбулак-I:
1–8 – эпоха бронзы; 9–18 – ранний железный век

Fig. 6. Ancient ceramics from excavation 2019 in Tuttybulak Cave-I:
1–8 – the Bronze epoch; 9–18 – the Early Iron Age

пока только их три яруса. При расчистке между плитами разных ярусов отмечены материалы, датируемые от позднего средневековья до бронзового века. Костные останки животных, которые можно отнести к палеонтологическим находкам, позволяют предположить, что данные завалы образовались до начала использования пещеры человеком.

В центральной части пещеры на нижних уровнях расчищена конструкция металлургической печи, соединенной с системой воздуховода, идущего от входа в пещеру. Печь была завалена крупной каменной плитой, отколовшейся от потолка пещеры. Ее стратиграфическое положение и вещевой материал, зафиксированный на данном уровне, позволяют датировать сооружение ранним железным веком. Датировка исследованных нижних слоев раскопа поздним этапом эпохи бронзы приемлема и для других находок бронзового века из пещеры. Однако результаты контрольного шурфа у входа в пещеру позволяют предполагать, что в андроновский период бронзового века пещера также использовалась древними охотниками ущелья Боралдай. Наличие значительного культурного слоя на глубину еще минимум 1,5 м позволяет считать дальнейшие исследования памятника перспективными.

Выводы

Древнее и средневековое население ущелья Боралдай занималось металлургическим производством. С

этой целью еще в древности группы скотоводов и ремесленников отделяются от крупных селений земледельцев, расположенных в нижней части ущелья, и перебазируются вверх по ущелью, где имелись в достатке необходимое сырье, а также возможности для дополнительных видов хозяйственной деятельности – скотоводство, садоводства и огородничества. В качестве одной из мастерских по выплавке железа, как минимум с середины I тыс. до н.э., использовалась пещера Туттыбулак-I. Начиная с раннего средневековья, пещера используется достаточно интенсивно, что порой приводило к разрушению отдельных участков ее стен и потолка.

Материалы археологических исследований показывают, что взаимосвязи древнего населения ущелья сохраняются на протяжении всех исторических эпох, позволяя создать здесь локальную самодостаточную экономическую модель по обеспечению населения всеми необходимыми продуктами жизнеобеспечения. Внутри этой модели местность в районе слияния рек Кашкарата и Боралдай становится определенным административно-сакральным центром, где располагались наиболее крупные селения (в средневековье – караултобе), могильники и святилища с петроглифами (Жуземды). Их дальнейшее изучение позволит осветить вопросы хозяйственно-культурного развития древнего и средневекового населения региона.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б.* Отрар в XII–XV веках. Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1987. 256 с.
2. *Акишев К. А., Кушаев Г.А.* Саки и усунь долины реки Или. Алма-Ата: «Наука» КазССР, 1963. 310 с.

3. *Байпаков К.М.* Поселения саков и усуней на территории Жетысу и Алматы. Алматы: «Credo», 2008. 173 с.
4. *Байпаков К.М., Марьяшев А.Н.* Новые данные по изучению поселений эпохи раннего железного века в Жетысу // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. 2001. № 1 (230). С. 53–65.
5. *Байтанаев Б.А.* Древности Бургулюка. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2011. 224 с.
6. *Байтанаев Б.А., Горячев А.А., Егорова Т.А., Ергешибаев А.А., Байтанаева А.Б., Байтанаев Е.Б.* Археологические исследования в пещере Туттыбулак в 2018 году // Қазақстан археологиясы. 2018. № 1–2. С. 272–287.
7. *Горячев А.А.* Вопросы типологии и хронологии поселений эпохи бронзы на северных склонах Заилийского Алатау // Бегазы-дандыбаевская культура Степной Евразии: сб. науч. ст., посвящ. 65-летию Ж. Курманкулова. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана; НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2013. С. 348–370.
8. *Горячев А.А., Егорова Т.А.* Поселения раннего железного века в ущелье Бутаковка (на юго-восточной окраине города Алматы) // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов степной Евразии: сб. науч. ст., посвящ. памяти К.А. Акишева. Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2015. С. 90–99.
9. *Кадырбаев М.К., Курманкулов Ж.* Культура древних скотоводов и металлургов Сары-Арки. Алма-Ата: «Ғылым», 1992. 247 с.
10. *Марьяшев А.Н., Горячев А.А.* Вопросы изучения поселений эпохи бронзы Северного Притяньшанья // Электронный научный журнал «e-history.kz». 2017. № 3 (11). URL: <http://edu.e-history.kz/ru/publications/view/723> (дата обращения 02.02.2020).
11. *Смагулов Е.А.* Древний Сауран. Алматы: АО «АБДИ Компани», 2011. 436 с.

Сведения об авторах:

Байтанаев Бауыржан Абишевич – доктор исторических наук, академик НАН РК, директор, Институт археологии им. А.Х. Маргулана (г. Алматы, Казахстан); baitanaev@mail.ru

Горячев Александр Анатольевич – старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Маргулана (г. Алматы, Казахстан); aga.2805@mail.ru

Егорова Татьяна Александровна – специалист-филолог, Институт археологии им. А.Х. Маргулана (г. Алматы, Казахстан); ega.0108@mail.ru

Байтанаева Асель Бауыржановна – бакалавр-художник, Институт археологии им. А.Х. Маргулана (г. Шымкент, Казахстан); baitasel@mail.ru

Байтанаев Елнар Бауыржанович – инженер, Институт археологии им. А.Х. Маргулана (г. Алматы, Казахстан); ebaitanaev@mail.ru

Чернов Михаил Алексеевич – инженер-художник, Институт археологии им. А.Х. Маргулана (г. Алматы, Казахстан); mihalapych@yandex.kz

2019 ЖЫЛҒЫ БОРАЛДАЙ ШАТҚАЛЫНДАҒЫ АРХЕОЛОГИЯЛЫҚ ЗЕРТТЕУЛЕР

**Б. Ә. Байтанаев, А. А. Горячев, Т. А. Егорова, Ә. Б. Байтанаева,
Е. Б. Байтанаев, М. А. Чернов**

Мақалада Боралдай өзені аңғарындағы 2019 жылғы далалық кезеңдегі зерттеу қорытындысына арналған. Туттыбулак-1 үңгірінің аузынан бастап оңтүстік шығыс бойымен археологиялық қазба жүргізілді. Қазбаның жалпы өлшемі 18×7 (7–9) м. Үңгірдің үстіңгі қабатындағы жалпы зерттеу ауданы шамамен 150 м². Үңгірге кіре берісте қоршау (қалқа) іргетасының конструкциясы тазаланды, үңгірге кіретін жердің

ортасында және ерте ортағасырлық тандыр түріндегі пештің конструкциясын жабады. Үңгірдің оңтүстік-шығыс қабырғасын бойлай 3–3,5 м биіктікке қазбаның түбінен (бетінің деңгейінен 220 см) үш қабатқа көтерілген тас плиталар тазаланды. Олар үңгірдің қабырғалары мен төбесінен әр түрлі кезендік қатпарларының және олардың құлауының нәтижесінде пайда болды. Үңгірдің оңтүстік бөлігінде ежелгі ауа үрлегіш және ерте темір дәуіріндегі металлургиялық пеш конструкцияларының сынықтары табылды. Қазбаның әр түрлі бөліктері мен қабаттарынан табылған заттар металлургиялық қалдықтардың сынықтары, жебенің метал ұштығы, керамика, сүйек және тас құрал-саймандармен көрінеді.

Түйін сөздер: археология, Қаратау, Боралдай шатқалы, қола дәуірі, ерте темір дәуірі, ортағасырлар, үңгір, пеш, ауа үрлегіш, еңбек құралы, керамика

ARCHEOLOGICAL RESEARCHES IN BORALDAY GORGE in 2019

**B. A. Baitanayev, A. A. Goryachev, T. A. Egorova, A. B. Baitanayeva,
E. B. Baitanayev, M. A. Chernov**

This article is devoted to the results of researches in the Boralday river valley in the 2019 field season. In the cave Tuttybulak-1 at the entrance to the cave and along the south-eastern wall there were made archaeological excavations of the room. The total size of the excavation was 18×7 (7–9) m. Total area of the investigated surface of the cave was approximately 150 m². At the entrance to the cave, the foundation structure of the fence (partition) was cleared, blocking the entrance to the cave. In the center there was structure of the tandoor type furnace of the Early Middle Ages. Along the southeastern wall of the cave, stone slabs were cleared. They were overtopped in three tiers over the bottom of the excavation (220 cm from the surface level) to a height of 3–3.5 m. These slabs have formed because of different-time delamination from the walls and ceiling of the cave and their fall. In the southern part of the cave, fragments of the ancient air duct and metallurgical furnace of the Early Iron age were found. The materials, which were found in different parts and layers of the excavation were fragments of metallurgical slag, metal arrowhead, ceramics, bone and stone tools.

Keywords: archaeology, Karatau, Boralday gorge, the Bronze epoch, the Early Iron Age, the Middle Ages, furnace, air duct, tools, ceramics

REFERENCES

1. Akishev, K. A., Baipakov, K. M., Erzakovich, L. B. 1987. *Otrar v XII–XV vekah (Otrar in the XII–XV centuries)*. Alma-Ata: “Nauka” Publ. (in Russian).
2. Akishev, K. A., Kushayev, G. A. 1963. *Saki i usuni doliny reki Ili (Saka and Wusun from valley of Ili river)*. Alma-Ata: “Nauka” Publ. (in Russian).
3. Baipakov, K. M. 2008. *Poseleniya sakov i usuney na territorii Jetysu i Almaty (Saka and Wusun settlements on the territory of Jetysu)*. Almaty: “Credo” Publ. (in Russian).
4. Baipakov, K. M., Maryashev, A. N. 2001. In *Izvestiya NAN RK. Seriya obshchestv. nauk (News of NAS RK. Social Sciences Series)*, 1 (230), 53–65 (in Russian).
5. Baitanaev, B. A. 2011. *Drevnosti Burgulyuka (Antiquities of Burgulyuk)*. Almaty: A.Kh. Margulan Institute of Archeology Publ. (in Russian).
6. Baitanayev, B. A., Goryachev, A. A., Egorova, T. A., Ergeshbayev, A. A., Baitanayeva, A. B., Baitanayev, E. B. 2018. In *Kazakhstan Archeology*, 1–2, 272–287 (in Russian).
7. Goryachev, A. A. 2013. In Beisenov, A. Z. (ed.) *Begazy-dandybaevskaya kultura Stepnoy Evrazii (Begazy-Dandybay culture of steppe Eurasia)*. Almaty: A.Kh. Margulan Institute of Archeology; “Begazy-Tasmola” Publ., 348–370 (in Russian).

8. Goryachev, A. A., Egorova, T. A. 2015. In Beisenov, A. Z. (ed.) *Sakskaya kultura Saryarki v kontekste izucheniya etnosociokulturnykh processov stepnoy Evrazii (Saka culture of Saryarka in the context of studying the ethno cultural processes of steppe Eurasia)*. Almaty: “Begazy-Tasmola” Publ., 90–99 (in Russian).

9. Kadyrbayev, M. K., Kurmankulov, Zh. 1992. *Kultura drevnih skotovodov i metallurgov Sary-Arki (Culture of cattlemen and metallurgists from Sary-Arka)*. Alma-Ata: “Gylym” Publ. (in Russian).

10. Maryashev, A. N., Goryachev, A. A. 2017. In *e-history.kz*, 3 (11). URL: <http://edu.e-history.kz/ru/publications/view/723> (in Russian).

11. Smagulov, E. A. 2011. *Drevniy Sauran (Ancient Sauran)*. Almaty: “ABDI Company” Publ. (in Russian).

About the Authors:

Baitanayev Bauyrzhan A. Doctor of historical sciences, academician of the National Academy of the Kazakhstan, Director, A.Kh. Margulan Archeology Institute, Almaty, Kazakhstan; baitanaev@mail.ru

Goryachev Alexander A. Senior scientific researcher, A.Kh. Margulan Archeology Institute, Almaty, Kazakhstan; aga.2805@mail.ru

Egorova Tatyana. Specialist in Philology, A.Kh. Margulan Archeology Institute, Almaty, Kazakhstan; ega.0108@mail.ru

Baitanayeva Asel B. Bachelor’s degree-artist, A.Kh. Margulan Archeology Institute, Shymkent, Kazakhstan; baitasel@mail.ru

Baitanayev Elnar B. Engineer, A.Kh. Margulan Archeology Institute, Shymkent, Kazakhstan; ebaitanaev@mail.ru

Chernov Michael A. Specialist-artist, A.Kh. Margulan Archeology Institute, Almaty, Kazakhstan; mihalapych@yandex.kz

Мүдделер қактығысы туралы ақпаратты ашу. Авторлар мүдделер қактығысының жоқтығын мәлімдейді.
/ Раскрытие информации о конфликте интересов. Авторы заявляет об отсутствии конфликта интересов.
/ Disclosure of conflict of interest information. The authors claims no conflict of interest.

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.

Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 18.12.2019.

Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 25.12.2019.

Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 08.01.2020.

РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ РАЗВЕДКИ ДРЕВНИХ ПАМЯТНИКОВ В ГОРАХ ХАНТАУ, АЙТАУ И КИНДЫКТАС

© 2020 г. А. А. Горячев, С. А. Потапов, Р. В. Ильин

В статье систематизированы результаты исследований древних памятников в горах Хантау, Айтау, Кулжабасы и Киндыктас. Поскольку предварительные сведения показывали плотную насыщенность региона древними памятниками, первым этапом практических исследований стала их разведка по космическим снимкам с последующим натурным обследованием. Камеральная обработка и систематизация полученных материалов проводилась с целью выяснения хозяйственно-культурных традиций населения региона в эпоху палеометалла. Площадь территории обследования составила около 4000 кв. км. Собран материал по топографии около 500 памятников эпохи палеометалла и раннего железного века, а также планиграфии более 200 из них. Обследовано свыше 20 поселений, 165 могильников и 17 скоплений петроглифов древних периодов. Выявлено пять горных выработок эпохи палеометалла Киндыктаского горно-металлургического центра. Результатом разведки стали данные для определения конкретных маршрутов древних миграций в западной части Хантауского транзитного коридора.

Ключевые слова: археология, Жетысу, Центральный Казахстан, транзитный коридор, эпоха палеометалла, археологическая карта, поселение, могильник, петроглифы, горные выработки, археологический комплекс

Введение

В полевом сезоне 2019 г. было проведено обследование горной цепочки Хантау–Айтау–Киндыктас с целью обнаружения и фиксации древних археологических памятников региона. Эти горные массивы являются основной транспортной магистралью Хантауского транзитного коридора между Центральным Казахстаном и Жетысу. Как было установлено, природно-географические особенности Шу-Илейского эрозийно-тектонического низкогорья с прилегающими равнинами, являясь северо-

западными отрогами Тянь-Шаня, по своим параметрам гораздо ближе относятся к Казахскому мелкосопочнику [Воякин и др., 2019, с. 127]. Это своеобразие характеризуется тем, что растительный и животный мир региона соответствует полупустынным и степным районам Казахстана в большей мере, чем горно-предгорным. Это не могло не сказаться на особенностях хозяйственно-культурного развития древнего населения Шу-Илейского низкогорья.

Работа выполнена при финансовой поддержке Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, ИРН проекта AP05135512

Методика исследований

Основной задачей археологической разведки этого сезона стало выявление структуры археологических комплексов и выяснение характера расселения и хозяйственной модели древних жителей региона. Методика исследований, рассмотренная нами детально в предыдущих работах [Воякин и др., 2019, с. 126–133; Горячев, Ильин, 2019, с. 150–164], включала в себя сбор и анализ имеющихся архивных и библиографических материалов, топографических карт, дешифровки космических снимков региона, натурного обследования объектов и камеральной обработки полученных результатов и их систематизацию.

Обследованы межгорные долины вплоть до правобережья реки Шу и склоны гор Хантау, Айтау, Кулжабасы и Киндыктас. В результате археологической разведки выяснилось, что древние памятники расположены в регионе неравномерно. Наиболее плотное их скопление зафиксировано вдоль юго-западных и северо-восточных склонов хребта Киндыктас и в южной части гор Кулжабасы. В горах Айтау памятники фиксируются на выходе из ущелий и в горных долинах близ родников.

Описание материала гор Хантау

Дополнительная археологическая разведка памятников эпохи палеометалла и раннего железного века гор Хантау позволила дополнить археологическую карту микрорайона (рис. 1). Разведка затронула верховья рек Котыр и Сарыбулак, плато Шубар и примыкающие к нему отдельные ущелья, а также ущелья Сункар и территории, прилегающей к горе Костобе юго-западных склонов хребта. Всего обнаружено свыше 20 новых

археологических памятников: три новых скопления древних петроглифов, обследовано поселение Костобе и три новых поселения древних скотоводов, а также 15 могильников эпохи бронзы и раннего железного века.

Новые поселения отмечены в верховьях отдельных ущелий, берущих свое начало от плато Шубар, где находятся истоки рек Котыр и Сарыбулак. Помимо двух стоянок в боковых отщелках ущелья Сункар, наиболее крупное поселение обнаружено в верховьях ущелья Багыл по левому берегу одноименного ручья – левого притока реки Котыр. Здесь зафиксированы остатки около 10 древних и средневековых полужемлянок в виде неглубоких западин и выровненных площадок. Размеры жилых и хозяйственных построек от 6×4 м до 10×8 м. Они устроены на относительно ровной площадке вдоль берега ручья в северо-западной части достаточно широкой для горной местности долины. Общая площадь поселения около 6000 м². Площадки под хозяйственные строения расположены большей частью на противоположном от поселения берегу ручья (рис. 2, 1–2).

В 300–500 м вверх по ручью по правому берегу ручья Багыл в 10,5–10,8 км к СВ от ст. Хантау обнаружены два скопления древних петроглифов, устроенных на шести скальных грядах двух сопок по северному борту долины (рис. 2, 3–8). Наскальные рисунки расположены на плитах с юго-западной и южной экспозицией. Изображения бронзового века отличаются степенью патинизации и иконографией, близкой к петроглифам тамгалинского стиля [Марьяшев, Горячев, 2002, с. 35]. Фигуры животных раннего железного века выполнены, как правило, в традициях

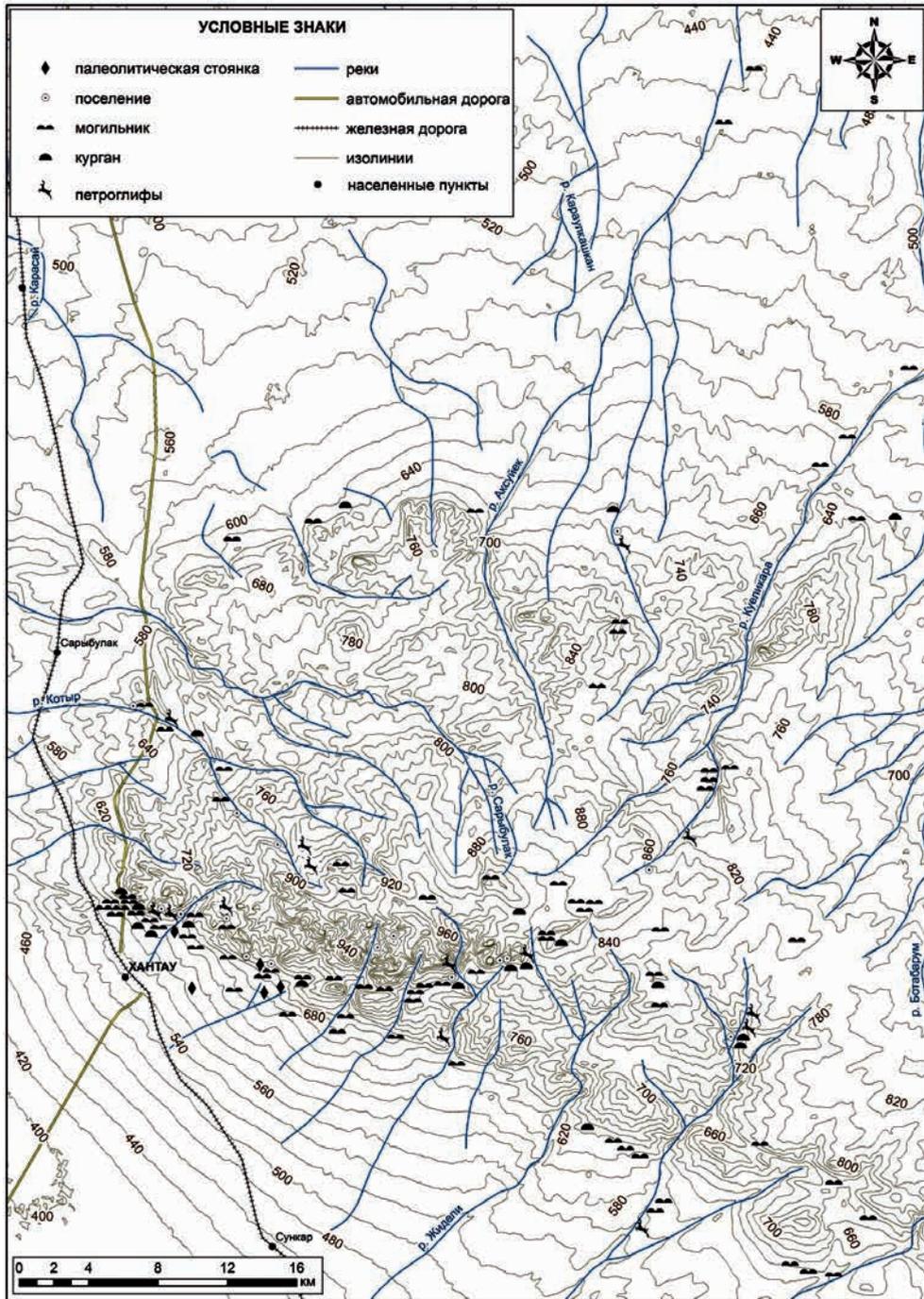

Рис. 1. Топографическая карта расположения археологических памятников в горах Хантау

Fig. 1. Topographic map of location of archaeological monuments in Khantau

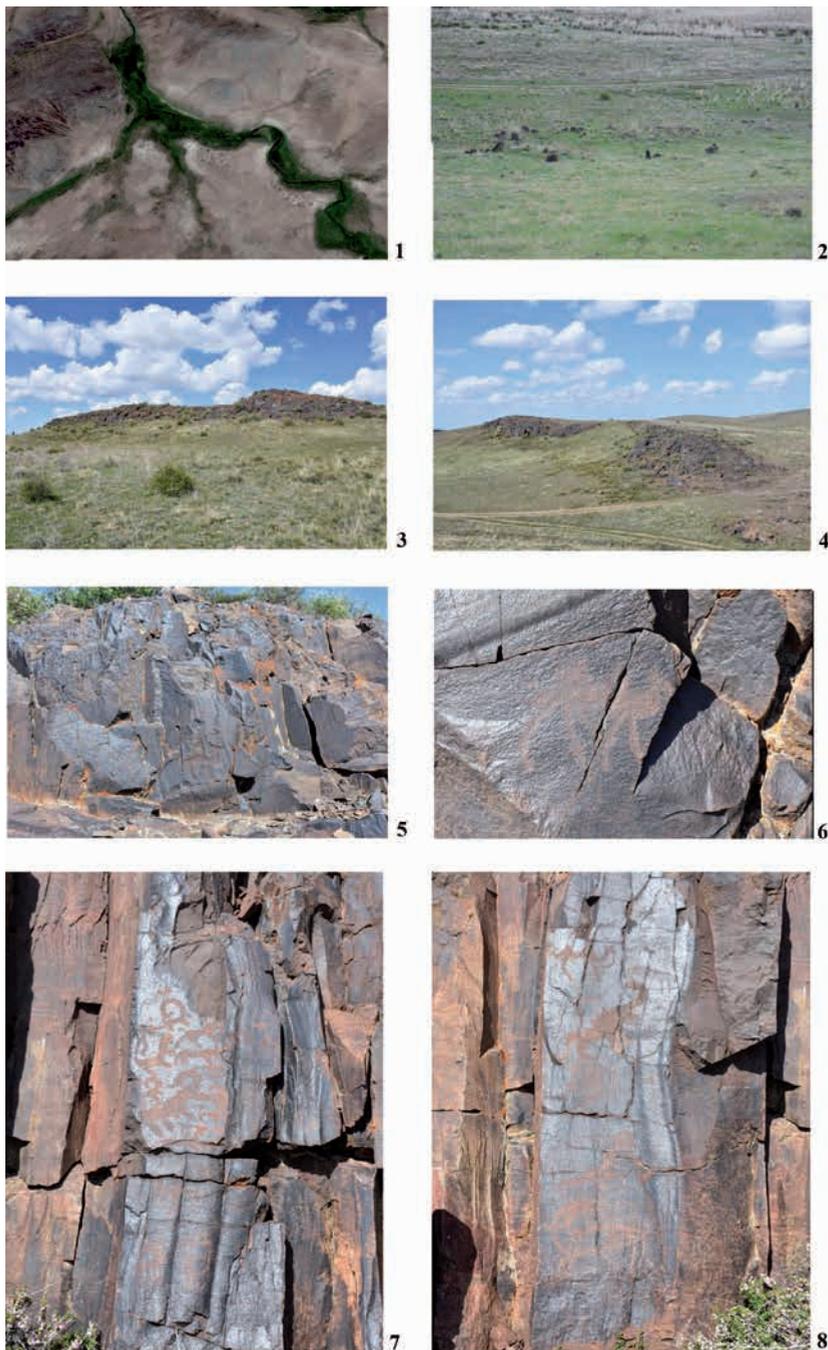

Рис. 2. Поселение и петроглифы в верховьях реки Котыр: 1 – поселение Багыл на космоснимке; 2 – хозяйственные строения в районе поселения Багыл; 3, 4 – скальные гряды с петроглифами по правому берегу ручья Багыл; 5, 6 – изображения верблюдов эпохи бронзы; 7 – композиция с изображением людей и животных эпохи бронзы; 8 – изображения животных эпохи бронзы. Фото авторов

Fig. 2. Settlement and petroglyphs in riverhead Kotyr: 1 – settlement Bagyl in space image; 2 – farm buildings near settlement Bagyl; 3, 4 – rocky ridge on the right bank of the stream Bagyl; 5, 6 – images of camels of bronze epoch; 7 – composition with images of people and animals of bronze epoch; 8 – images of animals of bronze epoch. Authors's photos

скифо-сибирского звериного стиля. Техника нанесения рисунков на скалы точеная выбивка с шлифовкой внутри. Среди рисунков встречаются изображения козлов, архаров, оленей, верблюдов, лошадей; антропоморфные фигуры представляют лучников, всадников, людей в ритуальных позах. Зафиксированы знаки колесницы и геометрические фигуры.

В полевом сезоне 2019 г. в горах Хантау были проведены полевые исследования на поселении Костобе 2, снят топографический план (рис. 3, 1–2). Оно находится в 2,5 км вглубь ущелья по северному склону горы Костобе и расположено на ровной площадке древней морены по правому берегу родника. По склону площадки в массовом порядке фиксируются фрагменты костей и керамики эпохи бронзы, раннего железа и средневековья. Поселение состоит из средневековой усадьбы с хозяйственными постройками и серии заплывших полуземлянок эпохи бронзы и раннего железного века (рис. 3, 3–5).

В ходе исследований на скалах близ поселения обнаружена небольшая группа петроглифов эпохи бронзы и раннего железного века. Сделан контрольный шурф внутри средневекового жилища на глубину 100–110 см размерами 100×100 см (рис. 3, 6–7). Вдоль северо-западной стенки жилища была открыта каменная кладка фундамента, устроенная из двух рядов камней, уложенных плашмя в 3–4 слоя. Общая толщина основания фундамента 60 м, глубина 50 см. Камни были укреплены мелкими плитками-подпорками и скреплены глинистой обмазкой, что соответствует средневековым традициям глинобитных домов в регионе. В ходе раскопок и на поверхности поселения обнаружены фрагменты

древней и средневековой керамики, кости животных и каменные отщепы (рис. 3, 8). Результаты дополнительных исследований выявили, что следы современного вмешательства на территории памятника отсутствуют. Средневековая усадьба полностью перекрыла всю территорию древней стоянки от эпохи палеометалла до раннего железного века, что предполагает его дальнейшее исследование перспективным.

Описание материала гор Кулжабасы и Айтау

Основная археологическая разведка древних комплексов была проведена в районе хребтов Киндыктас, Кулжабасы и в горах Айтау. Дешифрировка космических снимков позволила выявить на исследуемой территории около 500 потенциальных археологических объектов, большая часть из которых (436) предположительно являются курганными могильниками (рис. 4, 1–2). Многочисленные исследования комплекса археологических памятников гор Кулжабасы показали необычайно плотное заселение этого микрорайона по сравнению с близлежащими территориями (рис. 4, 3). Этот факт способствовал созданию одного из наиболее крупных скоплений древних наскальных изображений на территории Южного Казахстана и Жетысу. Датировка наиболее древних из них периодами энеолита и ранней бронзы [Байпаков, Марьяшев, 2004; Сала, 2004; Марьяшев, Железняков, 2013, с. 18–20; Сала, Деом, 2019; Садуакасулы и др., 2017] позволяет считать, что горы Кулжабасы на данном этапе играли ключевую роль в развитии сезонных миграций и торговых путей в регионе.

Археологическая разведка 2019 г. должна была ответить на во-

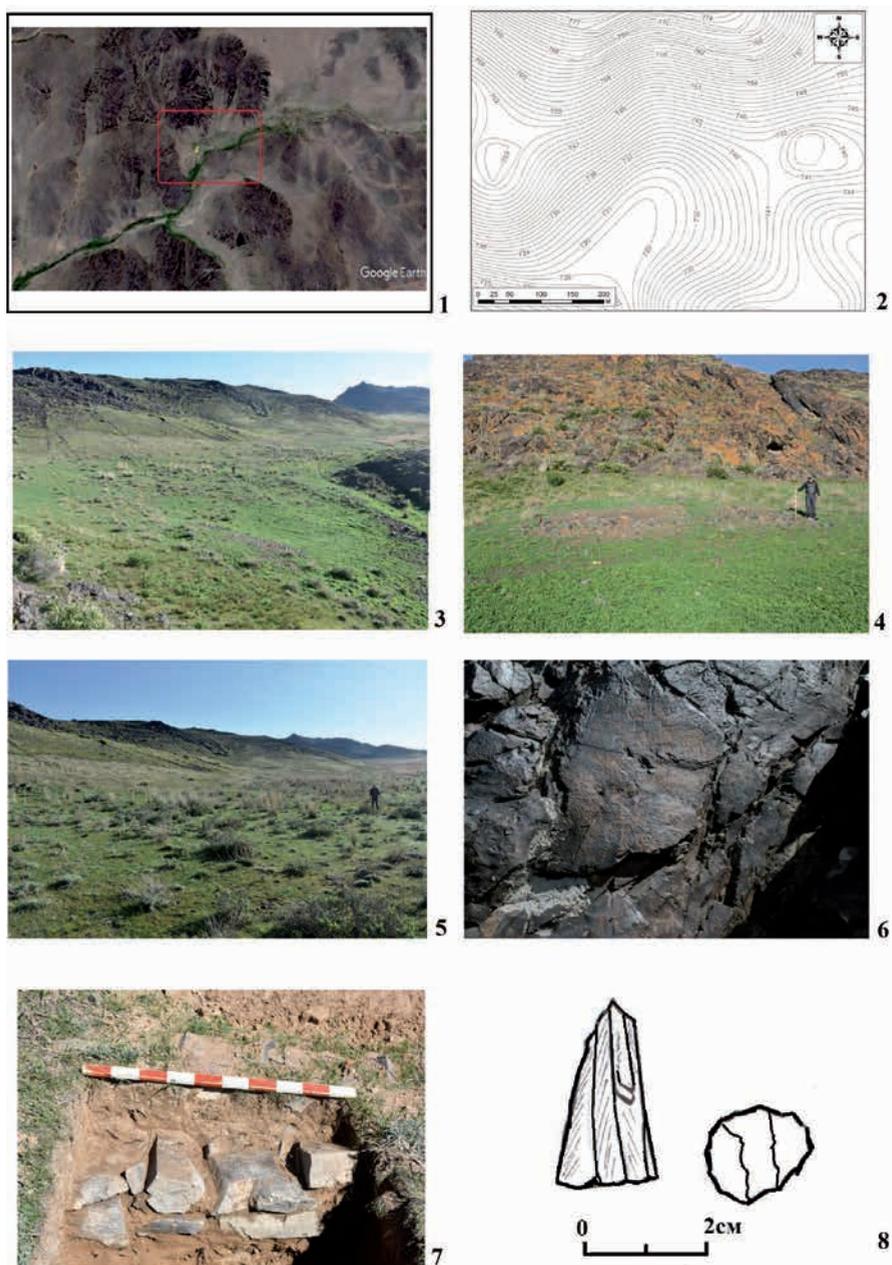

Рис. 3. Древнее поселение Костобе 2 юго-западных склонов гор Хантау: 1 – территория поселения на космоснимке; 2 – топографический план поселения; 3 – вид поселения на северо-восток; 4 – средневековое домостроение в западной части поселения; 5 – площадка с древними полуземлянками; 6 – петроглифы эпохи бронзы на скалах над поселением; 7 – контрольный шурф в западной части поселения; 8 – нуклеус неолитического времени

Fig. 3. Ancient settlement Kostobe 2 in South-West slopes of Khantau: 1 – territory of the settlement in space image; 2 – settlement's topographic plan; 3 – settlement's view to the North-East; 4 – Medieval building in Western part of settlement; 5 – field with Ancient pit houses; 6 – petroglyphs of the bronze epoch on the rocks above the settlement; 7 – control hole in Western part of the settlement; 8 – nucleus, Neolithic age

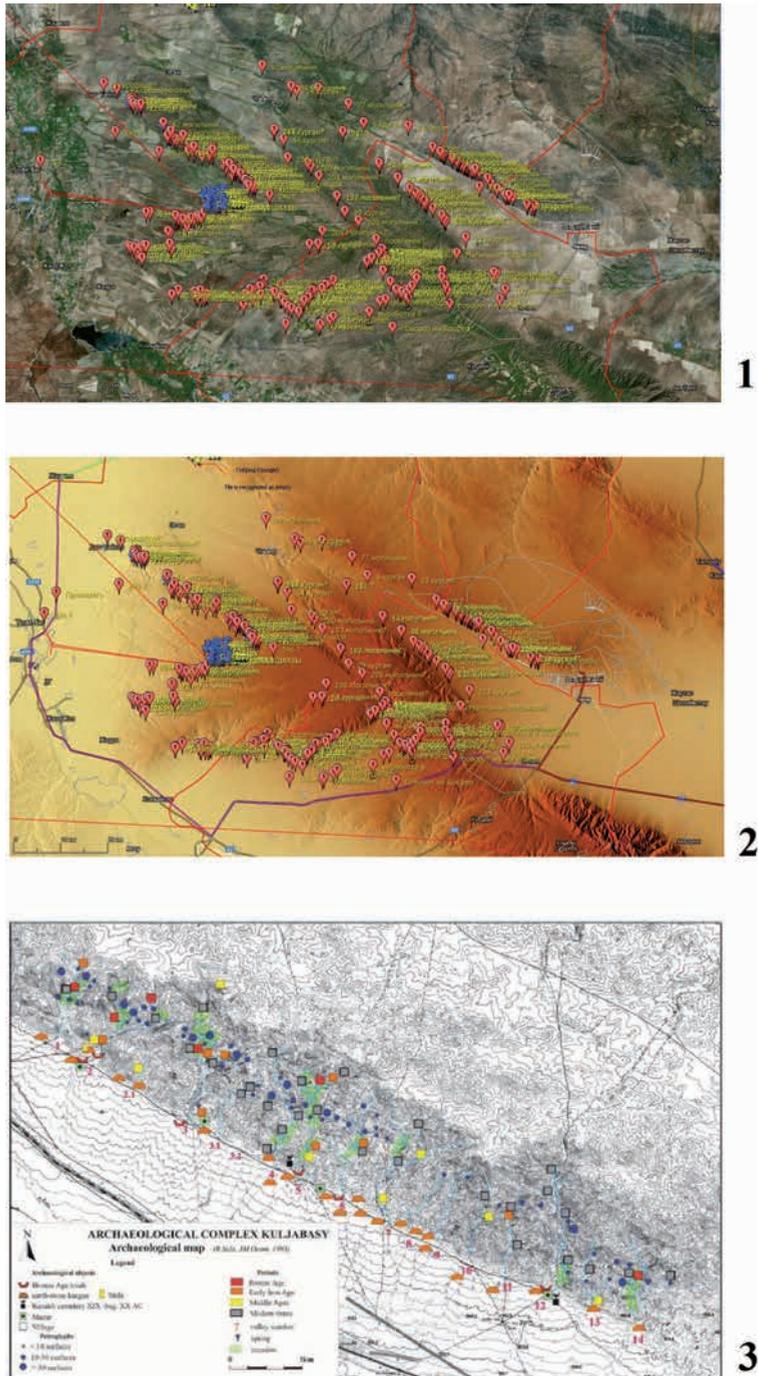

Рис. 4. Карты расположения археологических памятников в горах Киндыктас и Кулжабасы: 1, 2 – расположение потенциальных археологических памятников на космоснимке (1) и на физической карте (2); 3 - карта расположения археологических памятников в западной части гор Кулжабасы (по: [Сала, Деом, 2016])

Fig. 4. Map of location archaeological monuments in Kindyktas and Kuljabasy mountains: 1, 2 – location of possible monuments in space image (1) and in physical map (2); 3 – map of location of archaeological monuments in Western part of Kuljabasy mountains (by: [Sala, Deom, 2016])

прос о возможном существовании маршрутов к горам Кулжабасы от гор Хантау через горные ущелья и долины Шу-Илейских гор. В ходе разведки выявлена ситуация, при которой древние поселения в этом районе располагались в ущельях близ родников, многие из которых функционируют до сих пор. Около 10 древних поселений отмечены в верховьях рек Тесик и Жынгылды и в долине Анкелды (рис. 5, 1–2). Поселения расположены на выровненных площадках близ ручьев под скалистым крутым склоном с петроглифами. На поверхности прослеживаются контуры жилищ прямоугольной формы, размерами от 6×5 м до 9×7 м. В структуре поселений отмечаются 2–3 жилые площадки и каменные конструкции загонов для скота. Древние строения часто перекрыты более поздними конструкциями стоянок средневековой эпохи и Нового времени. Поселения представляют традиционные для региона зимовки скотоводов для отдельных малосемейных групп.

Петроглифы эпохи палеометалла на скалах близ древних поселений обычно представляют собой невыразительные рисунки с изображением животных – козлов, архаров, быков, лошадей, верблюдов и достаточно примитивные антропоморфные фигуры. В каждой группе прослеживается от 5–6 плит до нескольких десятков плоскостей с древними рисунками (рис. 5, 3–4). Среди композиций преобладают сцены охоты, выпаса скота, отмечены несколько сцен с изображением людей в ритуальных позах. Всего отмечено 16 групп петроглифов, наиболее интересные из них сосредоточены в районе долины родника Анкелды и реки Жынгылды.

Основную часть древних могильников составляют курганы и кур-

ганные группы раннего железного века. Они расположены обычно на вершинах сопок или возвышенностях широких долин. Основная масса насыпей курганов сферической или уплощенной формы, сложены из земли и камней, размерами от 3–4 до 10–12 м. Наиболее крупные курганы, диаметром от 20 до 30 м, в этой части Шу-Илейских гор обнаружены в районе ст. Бель, ближе к выходу из горных плато в долину Кулыкбайсай, расположенную между хребтами Кулжабасы и Киндыктас (рис. 5, 5–6).

Могильники эпохи бронзы (4) обнаружены в долинах Тесик, Анкелды и по берегам реки Жынгылды. Они расположены на возвышенностях относительно ровных долин без водных источников. Площадь таких кладбищ составляет от 4000 до 25 000 кв. м, что свидетельствует о длительности использования данной территории в эпоху бронзы. Погребальные конструкции эпохи бронзы насчитывают несколько десятков каменных оград округлой, квадратной и прямоугольной форм в каждом могильнике, размерами от 3×3 м до 8×7,5 м или диаметром 3–4 м (рис. 5, 7–8). К оградкам сделаны пристройки с детскими захоронениями. Внутри оград прослеживаются конструкции захоронений, обычно в каменных ящиках прямоугольной формы, размерами от 0,6×0,4 м до 2×1,2 м. Могилы ориентированы по оси З (ЮЗ) – В (СВ).

Описание материала гор Киндыктас

Натурные обследования для проверки всего массива данных производились на северо-восточных склонах в урочище Ойжайлау/Ой-Джайлау и ущелье Мадьярсай и юго-западных склонах гор Киндыктас по территории водного бассейна р. Как-

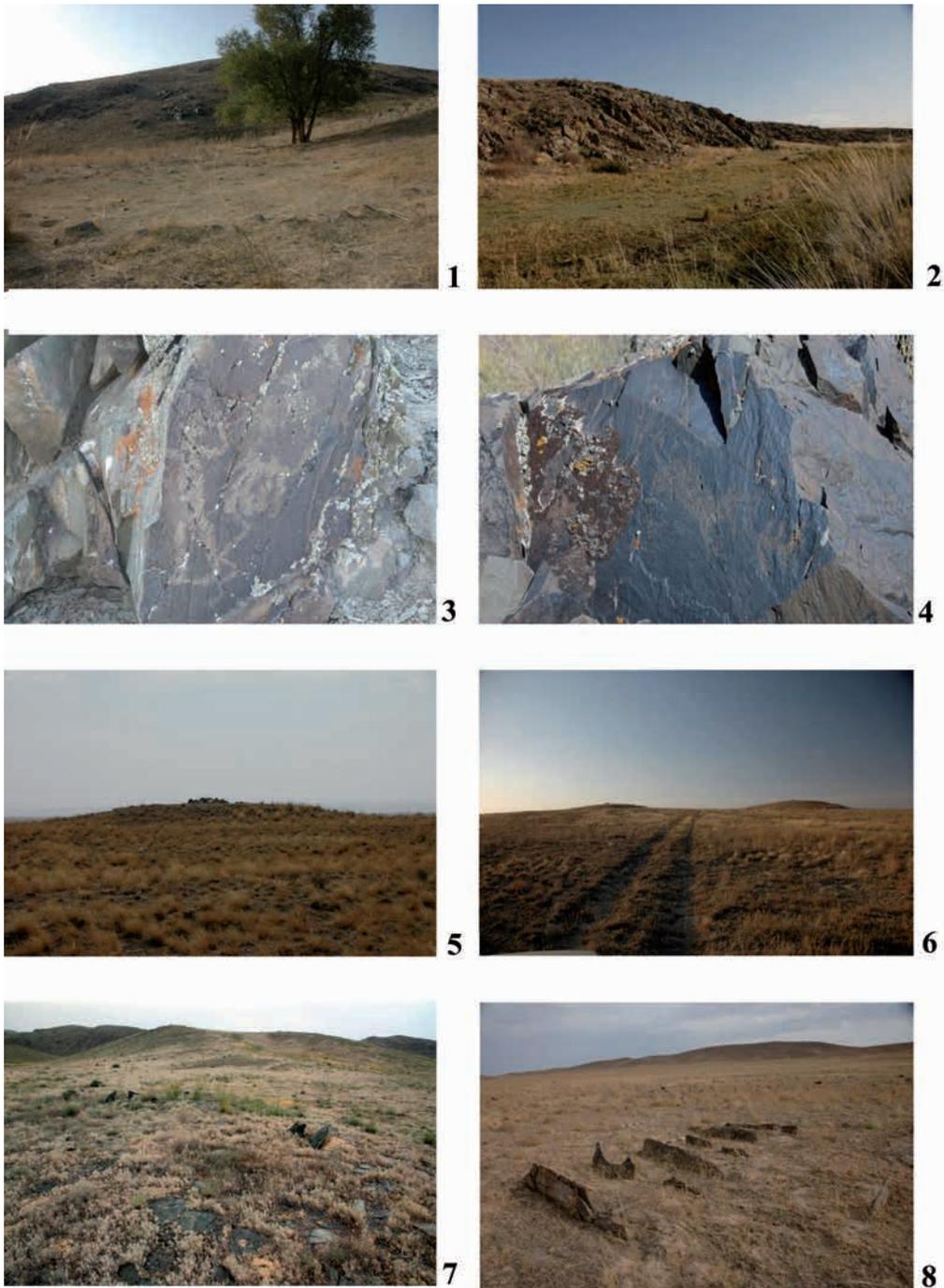

Рис. 5. Древние памятники эпохи бронзы и раннего железного века в горах Айтау:
1, 2 – площадки древних поселений; 3, 4 – наскальные рисунки бронзового века;
5, 6 – курганы раннего железного века; 7, 8 – каменные ограды и ящики эпохи бронзы

Fig. 5. Ancient monuments of bronze epoch and the Early Iron age in Aytay mountains:
1, 2 – fields with Ancient settlements; 3, 4 – rock images of the bronze epoch;
5, 6 – burial mounds of the Early Iron age; 7, 8 – stone fencing and boxes of bronze epoch

патас. В итоге в долине рек Какпатас, Согынды и их притоков было обследовано 156 памятников археологии. Всего было выявлено 24 поселения, свыше 120 могильников, восемь горнорудных выработок месторождений Согынды и Какпатас, четыре скопления петроглифов. Плотность скопления древних памятников вдоль юго-западных склонов хребта Киндыктас позволяет считать данный район наиболее перспективным для дальнейших исследований.

Выяснено, что основная группа поселений представляла собой небольшие семейно-родовые поселки от двух до 10 подворий. Поселения располагались внутри ущелий от 500 м вглубь до 2–3 км. Контрольные сборы на трех объектах показали, что их хронологический диапазон в эпоху палеометалла – от бронзового до раннего железного века. Характер поселений определялся их структурой. Поскольку рельеф местности позволял попасть к ним свободно по невысоким вершинам и широким долинам Киндыктаской возвышенности: имеются основания отнести их к поселениям древних скотоводов (рис. 6, 1–2). Они располагались внутри горных ущелий, по боковым отщелкам близ скальных групп с южной экспозицией и представляли семейно-родовые стоянки от двух до шести подворий. Жилища представляют собой полуземлянки округлой или прямоугольной форм, размерами от 8×6 м до 5×4 м (диаметры округлых строений 5–6 м). Близ жилых помещений фиксируются крупные загоны для скота, размерами от 10×8 м до 20×16 м. Стены жилых и хозяйственных конструкций состоят из двух рядов камней.

Серия поселений (8) обнаружена в верховьях рек Какпатас и Со-

гынды близ горнорудных выработок (рис. 6, 3–4). Несмотря на наличие признаков скотоводческого поселения (крупные загоны для скота), есть основания считать их поселками древних рудокопов. Они представляют собой небольшие шурфы разных форм на склонах и у подножия горных хребтов и отдельных сопок (рис. 6, 5–6). При визуальном осмотре в них и рядом были зафиксированы медно- и железосодержащие куски пород. Близ выработок долины р. Согынды найдено четыре крупных могильника бронзового века, еще один – в срединной части долины - Какпатас 2. Это дает основание считать, что освоение данной территории началось с более доступной согындинской долины, а затем продолжилось в долине реки Какпатас с более сложным рельефом местности. С учетом раннее известных древних месторождений юго-западных склонов хребта Киндыктас (Шатырколь, Унгирли, Жайсан) можно отметить, что данный район являлся крупным металлургическим центром эпохи палеометалла на территории Жетысу помимо известного Хантауского горно-металлургического округа [Берденов, 1998].

Если в горных ущельях проживали скотоводы и рудокопы, то на выходе из них найдены поселения земледельцев, привязанные к древним ирригационным системам (рис. 6, 7–9). Такие поселения отличаются и структурно. Они насчитывают до 10–12 жилых помещений, устроенных по берегу ручья в 2–3 яруса. Жилища-полуземлянки фиксируются в виде площадок и западин квадратной и прямоугольной форм, размерами от 5×5 м до 8×6 м. На противоположном берегу или вплотную к жилищам примыкали хозяйственные постройки

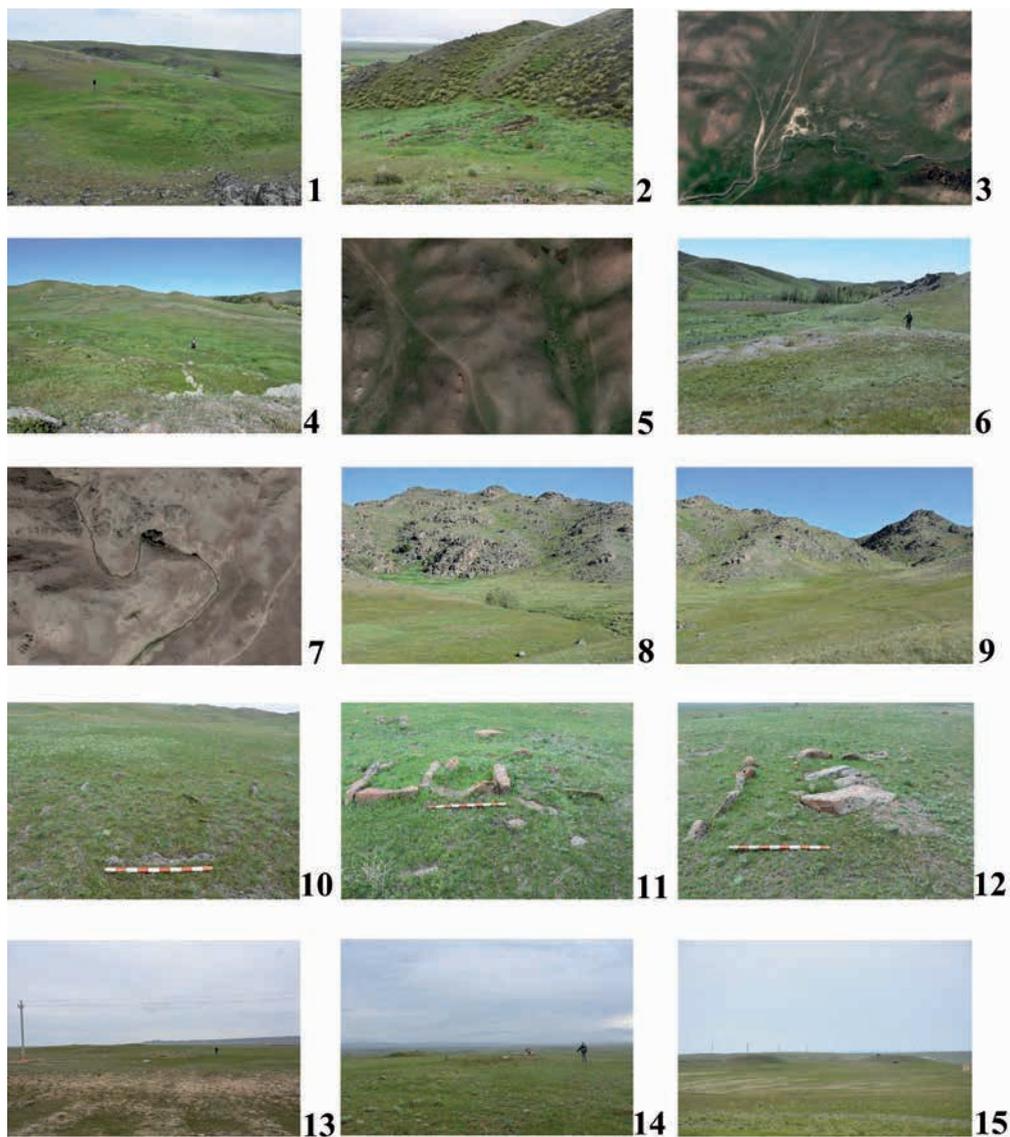

Рис. 6. Древние памятники эпохи бронзы и раннего железного века юго-западных склонов хребта Киндыктас в долинах рек Согынды и Какпатас:
 1, 2 – поселения древних скотоводов; 3, 4 – поселения близ горных выработок;
 5, 6 – горные выработки в долине реки Какпатас; 7, 8 – поселение земледельцев у юго-западных склонов гор; 9 – поливной арык от древнего поселения;
 10–12 – каменные ограды и ящики эпохи бронзы; 13, 14 – курганы раннего железного века; 15 – «царские» курганы по левому берегу реки Какпатас

Fig. 6. Ancient monuments of bronze epoch and the Early Iron age on South-Western slopes of Kandyktas ridge in the valleys of Sogyndy and Kakpatas rivers:
 1, 2 – settlements of Ancient cattlemen; 3, 4 – settlements near mine workings;
 5, 6 – mine workings in Kakpatas river valley; 7, 8 – settlement of farmers near South-Western slopes of mountains; 9 – irrigation ditch of Ancient settlement;
 10–12 – stonefencing and boxes of bronze epoch; 13, 14 – burial mounds of the Early Iron age; 15 – “royal” burial mounds on left Kakpatas riverbank

(кладовые, сараи), размерами от 3×3 м до 5×4 м. От родника проложен арык, выводивший воду на поля. В горной местности это обычно небольшие чеки, ограниченные невысоким валом до 1 м – защита от потравы посевов скотом.

Могильники бронзового века устраивались на выходе из небольших горных саев или на возвышенностях по берегам крупных ручьев и рек и представляли собой цепочки каменных оград или курганов-оград (рис. 6, 10–12). Ограды квадратной или прямоугольной формы, реже округлой, сложены из крупных каменных плит, вкопанных на ребро или уложенных плашмя. Размеры оград от 3×3 м до 7×4 м, диаметр – 3–4 м. Некоторые ограды составлены в цепочки, ориентированные по оси С–Ю. Внутри оград фиксируются одиночные или парные захоронения в каменных ящиках или цистах прямоугольной формы, размерами от 1×0,5 м до 2,2×1,2 м. Погребальные сооружения ориентированы по оси З–В с небольшими отклонениями к югу. Такие сооружения зафиксированы в 12 могильниках обследованного микрорайона.

Как правило, продолжением этих могильников являлись курганы раннего железного века, выстроенные в серии цепочек (рис. 6, 13–14). Количество насыпей в таких могильниках варьируется от 3–4 до нескольких десятков. Наиболее многочисленные объекты сосредоточены по берегам крупных рек Какпатас и Согынды. Насыпи курганов раннего железного века сферической или уплощенной формы сложены из земли и камней, обычно с кольцевой каменной оградой по периметру. Параметры насыпей в диаметре от 3 до 20 м, высотой от 0,1 до 2 м.

Крупные «царские» курганы, диаметром от 25 до 50 м, фиксировались на горных перевалах, по берегам реки Какпатас и на выходе из предгорной долины в пойму реки Шу. Они являлись основой для создания вокруг них могильников численностью свыше 100 погребальных объектов (рис. 6, 15). Крупные погребальные комплексы эпохи палеометалла и раннего железного века отмечены у юго-западных склонов гор Киндыктас в долинах рек Какпатас, Согынды, Унгирли, Шатырколь и Шокпар.

Физико-географические особенности северо-восточных склонов и северо-западной оконечности хребта Киндыктас отразились и в структуре древних памятников. Поселения и могильники, как правило, устроены внутри нешироких ущелий и на горных плато, как в ущельях Йирсу, Мадьярсай, Карасай, Шокпар, Кызылсай, Киндыктас, так и в урочище Ойжайлау. В ущелье Йирсу обнаружено три древних жилых комплекса, в ущельях Кызылнора, Киндыктас и Шокпар по два, в узких горных саях Карасай и Кызылсай по одному (рис. 7, 1–3). Поселения состоят как из серии древних жилищ, так и хозяйственных комплексов средневековья. Их общая площадь составляла от 500 до 4000 м².

На поверхности отмечаются выровненные площадки под жилые и хозяйственные конструкции, размерами от 5×4 м до 10×8 м, расположенные в несколько ярусов относительно берега ближайшего ручья. Контуры строений фиксируются по фрагментам проступающих каменных оснований фундаментов стен. В каждом поселении просматриваются от 4–5 до 12 древних жилых конструкций. Конструкции эпохи бронзы отличаются традицией устройства основа-

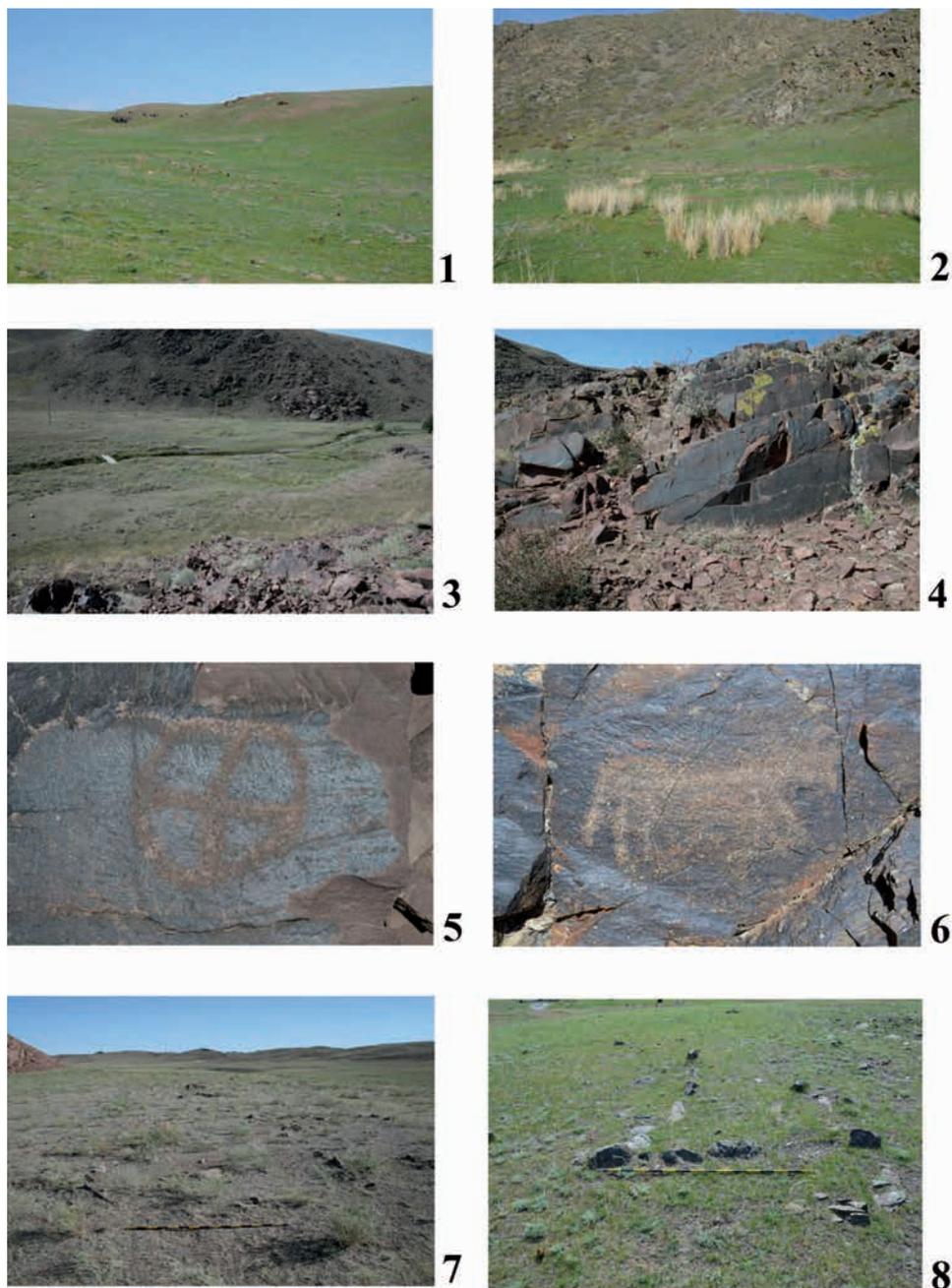

Рис. 7. Древние памятники эпохи бронзы северо-восточных склонов и северо-западной оконечности хребта Киндыктас: 1–3 – древние поселения в ущельях Йирсу (1), Карасай (2) и Кызылкора (3); 4–6 – петроглифы близ поселений в ущельях Шокпар (4), Кызылкора (5) и Киндыктас (6); 7, 8 – могильники бронзового века в ущельях Шокпар (7) и Карасай (8)

Fig. 7. Ancient monuments of bronze epoch of North-Eastern slopes and North-Western part of Kandyktas ridge: 1–3 – Ancient settlements in gorges: Ersu (1), Karasay (2), Kyzylkora (3); 4–6 – petroglyphs near settlements in Shokpar gorge (4), Kyzylkora (5) and Kandyktas (6); 7, 8 – burials of bronze epoch in gorges Shokpar (7) and Karasay (8)

ний фундаментов в один ряд камней. В раннем железном веке кладки оснований фундаментов жилищ состояли из двойного ряда камней, сами жилые помещения врезались в склоны ущелья. Близ поселений отмечены рисунки на скалах (рис. 7, 4–6).

Могильники устраивались обычно на выходе из ущелий или на ровных площадках по берегам ручьев. Погребальные сооружения эпохи бронзы представлены цепочками каменных оград округлой или квадратной форм. Размеры оград 4×4 м или до 4 м в диаметре. Внутри оград видны конструкции погребений в виде каменных ящиков и цист (рис. 7, 7–8). Могилы, размерами от 80×60 см до 2×1,2 м, ориентированы по оси ЮЗ–СВ. Всего прослеживается от 10 до 50 конструкций.

На северо-восточных склонах детально обследованы урочище Ойжайлау и ущелье Мадьярсай, где документировано около 50 памятников эпохи палеометалла и раннего железного века, из них 14 древних поселений, свыше 30 могильников, пять скоплений петроглифов и два святилища из камней с чашевидными лунками [Горячев, Ильин, 2019]. Из всех районов хребта Киндыктас наиболее исследованным является урочище Ойжайлау (рис. 8, 1), первые сведения об археологических памятниках которого появились в конце XIX в. [Краснов, 1888].

Современные исследования древних памятников микрорайона проводились Семиреченской археологической экспедицией (рук. К. А. Акишев), экспедицией КазПИ им. Абая (рук. А. Н. Марьяшев) и Ой-Джайляуским отрядом Института археологии им. А. Х. Маргулана (рук. Ю. А. Мотов) в 1980–1990-е годы и в

2000-е гг. Основные работы производились на могильниках бронзового и раннего железного веков, тюркских погребально-поминальных комплексах и наскальных рисунках урочища [Марьяшев, Горячев, 1992; 1993; 2002; Мотов, 2011б]. Результаты исследований показали, что данный историко-географический микрорайон играл одну из ключевых ролей в формировании облика древних культур от эпохи палеометалла до раннего средневековья.

В западной части урочища в долине реки Узынсу расположено наиболее крупное скопление наскальных рисунков (рис. 8, 2) от эпохи бронзы до средневековья [Медоев, 1979; Марьяшев, Горячев, 2008; Мотов, 2011а]. В районе скал с петроглифами отмечена серия небольших поселков с сохранившимися каменными стенками домостроений позднего средневековья и Нового времени. Ранее в результате контрольных шурфов установлено, что наиболее древние слои этих поселков относятся к эпохе бронзы и раннему железному веку. Серия таких поселений зафиксирована на широких площадках ручьев – притоков реки Узынсу. Всего в урочище отмечено три поселения со слоями эпохи бронзы и 10 раннего железного века, где зафиксированы материалы и конструкции (рис. 8, 3). Могильники эпохи бронзы и раннего железного века устроены на вершинах крупных увалов. К эпохе палеометалла относятся пять погребальных комплексов, к раннему железному веку – 10 (рис. 8, 4–5).

В юго-западной части урочища зафиксирован археологический объект, именуемый «Уйтас» (рис. 8, 6–7). Это массивный валун гранитного происхождения юртообразной фор-

Рис. 8. Древние археологические памятники урочища Ойжайлау:
 1 – карта памятников археологии урочища Ойжайлау на космоснимке;
 2 – сопка с петроглифами в верховьях реки Узынсу; 3 – поселения эпохи бронзы, раннего железного века и средневековья в долине ручья Узынсу; 4 – погребальные конструкции могильника эпохи бронзы Ой-Джайлау-IX; 5 – вещевой материал из могильников бронзового века урочища Ойжайлау; 6, 7 – камень с чашевидными лунками «Уйтас» в центральной части урочища Ойжайлау

Fig. 8. Ancient archaeological monuments of Oyjaylau gorge: 1 – map archaeological monuments of Oyjaylau gorge in space image; 2 – hill with rock images in riverhead of Uzynsu; 3 – settlements of bronze epoch, the Early Iron age and Middle ages in the valley of Uzynsu stream; 4 – burial structures of bronze epoch of Oyjaylau gorge-IX; 5 – material from burials of bronze epoch of Oyjaylau gorge; 6, 7 – stone with cup-shaped wells “Yitas” in the center of gorge

мы, диаметром ~7,5 м. Часть валуна отколота с западной стороны и «опрокинута» местом раскола кверху. По боковой части уйтаса насчитываются около 20 чашевидных углублений, диаметром 4–6 см, а по периметру основания валуна отмечена каменная выкладка шириной 30–40 см. В районе камня отмечены площадки квадратной и прямоугольной форм, ограниченные по периметру неглубокими рвами, за которыми устроены каменные ограды, схожие по форме на ограды эпохи бронзы. Вероятно, данный камень использовался в древности в ритуальных целях как своеобразное святилище.

Ущелье Мадьярсай расположено на северо-восточном склоне гор Киндыктас. Его общая протяженность с юго-запада на северо-восток 5,5 км. В центральной части оно раздваивается на узкий каньон одноименного ручья и относительно широкую долину его бокового притока, где находится основная группа древних археологических памятников ущелья (рис. 9, 1). По итогам разведки здесь обнаружено четыре древних поселения и две средневековые усадьбы, в районе которых зафиксировано три скопления наскальных рисунков. Еще одна их группа найдена на вершине сопки, разделяющих ущелье на южный и северный отщелки. Поселения устроены у западных бортов ущелья и в боковых саях, как правило, близ выхода скальных групп, где и отмечены наскальные рисунки (рис. 9, 2–3). По вершинам сопок и увалов и на склонах подошв ущелья отмечен 21 могильник эпохи бронзы (2) и раннего железного века (рис. 9, 4–7). Они представляют собой цепочки каменных оград и каменно-земляных курганов, устроенных как вблизи древних поселений,

так и на гребнях водоразделов или горных перевалах.

В отличие от петроглифов урочища Ойжайлау, расположенных компактно, наскальные изображения в ущелье Мадьярсай устроены отдельными небольшими скоплениями от 3–8 фигур на одной–двух плитах до серии разновременных рисунков, устроенных на 6–14 плитах (рис. 10). Среди технических приемов изготовления петроглифов этих периодов преобладает точечная выбивка с прошлифовкой. Всего в ущелье отмечено около 70 петроглифов на 23 скальных плитах или отдельных камнях. Самое значительное по количеству скопление петроглифов обнаружено в верховьях левого притока ручья Мадьярсай по северо-западному борту ущелья. Среди них найдены два знака колесниц (рис. 10, 1–2), композиции с фигурами собак, хищников и людей. Здесь же встречаются сцены с изображением лошадей, кабана и всадника на коне, преследующего хищника. Основную часть изображений составляют образы козлов и архаров, среди которых встречаются отдельные рисунки, выполненные в традициях звериного стиля раннего железного века. Здесь же на гранитном валуне на плоскостях, обращенных вверх, найдено четыре чашевидных углубления, диаметром 5–8 см и глубиной до 1 см. На боковой грани камня высечена фигура козла, выполненная в традициях, характерных для эпохи бронзы данного региона (рис. 10, 3).

Другая группа петроглифов найдена в верховьях бокового сая, примыкающего к основному ущелью с северной стороны. В 100 м перед поселением по правому берегу ручья обнаружен крупный гранитный валун, на верхней грани которого отмечены

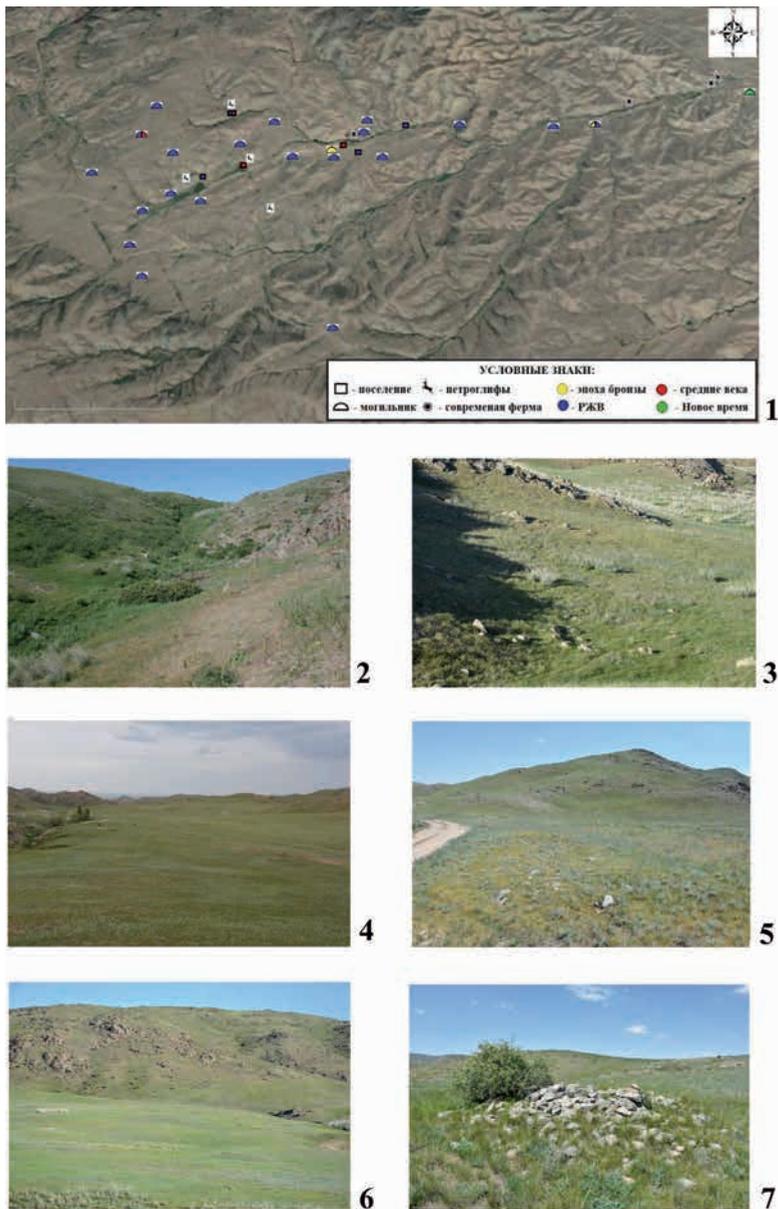

Рис. 9. Древние археологические памятники ущелья Мадьярсай: 1 – карта памятников археологии ущелья Мадьярсай на космоснимке; 2 – древнее и средневековое поселение в боковом сае ущелья Мадьярсай; 3 – древнее поселение в верхьях западного ущелья Мадьярсай; 4 – могильник эпохи бронзы Мадьярсай-I; 5 – могильник эпохи бронзы и раннего железного века в устье ущелья; 6, 7 – могильники раннего железного века в верхьях ущелья

Fig. 9. Ancient archaeological monuments of Madyarsay gorge: 1 – map archaeological monuments of Madyarsay gorge in space image; 2 – ancient and Medieval settlements in flank gorge in uppers in Madyarsay gorge; 3 – ancient settlement in upper reaches of Madyarsay gorge; 4 – burial of bronze epoch of Madyarsay gorge-I; 5 – settlements of bronze epoch, the Early Iron age in the mouth of the gorge; 6, 7 – burials of the Early Iron age in the mouth of the gorge

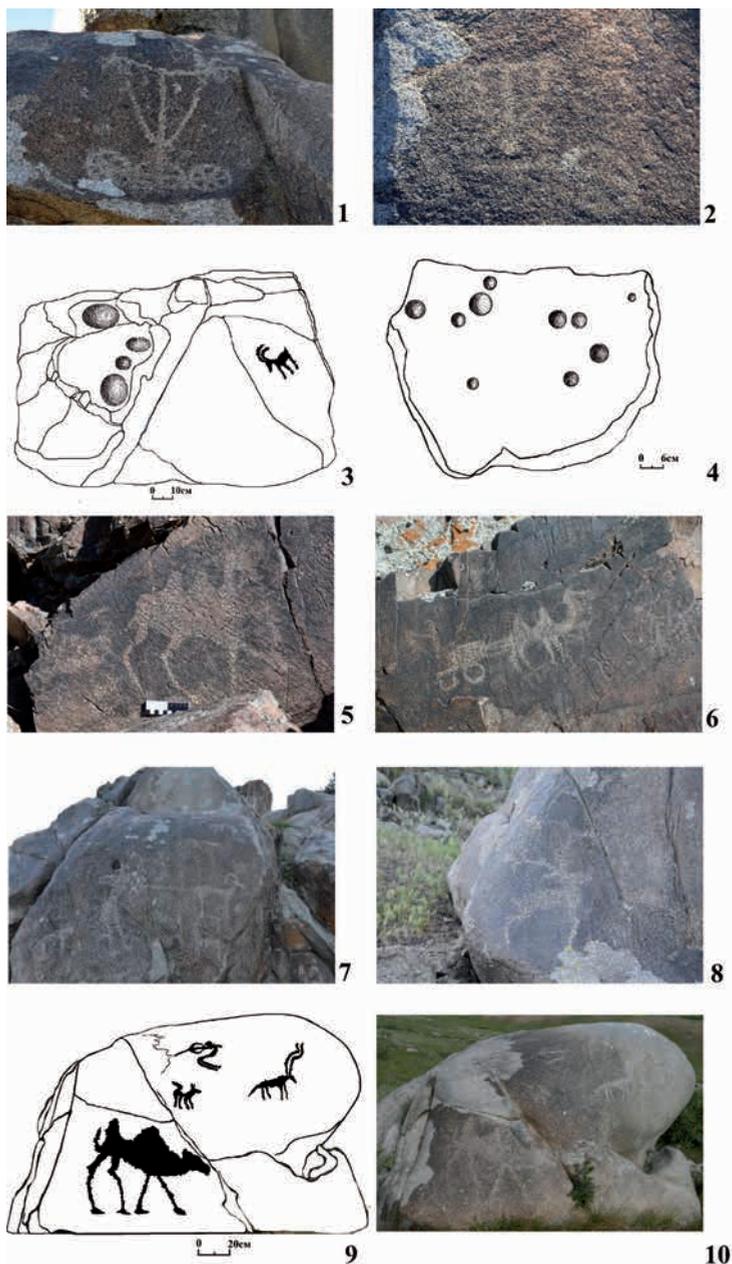

Рис. 10. Древние петроглифы ущелья Мадьярсай: 1, 2 – изображения знака колесницы эпохи бронзы в 1 группе; 3, 4 – камни с чашевидными лунками близ поселений; 5, 6 – изображения верблюдов раннего железного века в рисунках 2 группы; 7 – сцена охоты раннего железного века в петроглифах 3 группы; 8 – фигура оленя раннего железного века в петроглифах 8 группы; 9, 10 – камень с петроглифами эпохи бронзы на вершине сопки между восточным и западным ущельями Мадьярсай

Fig. 10. Ancient petroglyphs of the Madyarsay gorge: 1, 2 – images of the sign of the chariot of the Bronze Age in 1 group; 3, 4 – stones with cup-shaped holes near settlements; 5, 6 – images of camels of the Early Iron age in the drawings of group 2; 7 – scene of the hunting of the Early Iron age in petroglyphs of group 3; 8 – figure of deer of the Early Iron age in petroglyphs of group 8; 9, 10 – stone with petroglyphs of the Bronze Age on the top of a hill between the East and West gorges of Madyarsay

12 чашевидных лунок, диаметром 4–6 см и глубиной 0,5–0,7 см (рис. 10, 4). К древним рисункам здесь можно отнести два сюжета с изображением верблюдов (рис. 10, 5–6). В одном из них показан идущий верблюд, выполненный в характерных традициях звериного стиля раннего железного века. За ним прослеживается неясная фигура животного. Другой сюжет демонстрирует изображение верблюда, запряженного в повозку. Сцена перекрывает более древние неясные рисунки с двумя козлами и хищником (?). Композиция была существенно подновлена в средневековую эпоху, особенно колеса повозки и фигура верблюда.

Третья группа петроглифов найдена близ средневековой усадьбы на скальном выходе. Первая сцена демонстрирует крупную фигуру лучника (50 см в высоту), стреляющего в козла (рис. 10, 7). На другом скальном блоке демонстрируется крупная фигура оленя (40 см) с ветвистыми рогами в скифо-сибирском зверином стиле (рис. 10, 8).

Наскальные изображения четвертой группы зафиксированы на отдельном гранитном валуне и относятся к эпохе бронзы (рис. 10, 9–10). Камень овальной формы размерами 2,2×1,6 м и высотой 1,1 м. На патирированной нижней части изображен идущий верблюд, в правой верхней боковой грани – бык с длинными вытянутыми рогами. На верхней грани камня показана фигура лучника, стреляющего с колен. Объект охоты неизвестен, так как участок камня перед лучником выщерблен. Фигуры крупных размеров: верблюда – 50 см, быка – 25 см. Высота лучника от головы до ног 30 см. Основные образы наскального искусства бронзового века в пе-

троглифах урочища Ойжайлау и ущелья Мадьярсай очень показательны по своей стилистике и характерны для наскального искусства всего региона Шу-Илейских гор.

Обсуждение результатов

Исследования археологических комплексов эпохи бронзы Хантауского транзитного коридора ставят своей задачей выяснение характера историко-культурного развития древнего населения Юго-Западного Жетысу. Древние поселения в горах Киндыктас представляли собой небольшие семейно-родовые поселки от 2 до 10 подворий, располагавшиеся внутри ущелий. Достаточно регулярно, особенно на северо-восточных склонах и у западной оконечности хребта, близ поселений фиксируются наскальные рисунки. На выходе из ущелий и на возвышенностях межгорных долин, а также по берегам рек юго-западных склонов устроены древние могильники эпохи бронзы и раннего железного века. Новым видом, обнаруженных археологических объектов в регионе являются древние горнорудные выработки. С учетом раннее известных древних месторождений юго-западных склонов хребта Киндыктас можно отметить, что данный район являлся крупным металлургическим центром того времени на территории Жетысу.

Исследованные в 2019 г. районы Хантауского транзитного коридора относятся к западным направлениям маршрутов древних миграций между Центральным Казахстаном и Жетысу. Подобные транспортные пути здесь имелись в горной и предгорной зоне хребтов Жайтау–Хантау–Айтау–Кулжабасы и Киндыктас. Если от хребта Жайтау маршрут пролегал до гор Хантау, где имелась целая система

родников в пустынной местности, то отсюда возможности для относительно свободного и безопасного прохода к северным склонам Тянь-Шаня было несколько направлений. Первым транзитным маршрутом являлась предгорная полоса гор Айтау от гор Хантау до хребта Киндыктас в районе урочища Шокпар (54 км) и далее в долине реки Шу. Данный маршрут имеет несколько ответвлений маркированных серий известных археологических памятников древности и средневековья.

Характер расположения памятников в исследуемом районе предполагает, что этот путь был наиболее удобным для скотоводческого населения степных районов Казахстана. Ситуация в южных районах гор Хантау и примыкающего к нему хребта Айтау такова, что наиболее южным насыщенным поселениями, могильниками и петроглифами было ущелье Актас, от которого до Шуской долины в районе хребта Киндыктас было менее 30 км. Маловодные юго-западные склоны хребта Айтау и тот период и позднее были заселены слабо. Между ущельями с водными источниками было необходимо пройти 7–10 км. Даже пешком это незначительные расстояния для дневного перехода даже с отягощениями в виде скарба и необходимостью выпаса скота.

Южная оконечность хребта Айтау насыщена серией ущелий с водными источниками – притоками речки Шокпар (Шольадыр, Далакайнар, Дерменсай, Куланшысай и т.д.), долина которой предваряла западные склоны хребта Киндыктас. Через долину реки Шокпар по разным его притокам маршруты расходились к северо-восточным и юго-западным склонам и межгорным долинам хребта Киндыктас. Северная ветка маршрута выво-

дила в долину между горами Костобе и Кулжабасы с севера и Киндыктас с юга, где практически каждое ущелье было насыщено древними поселениями и могильниками, составлявшими единые древние хозяйственно-жилые и сакральные комплексы, в том числе и эпохи палеометалла.

Хребет Киндыктас обладает целой серией легко проходимых горных ущелий и плато, через которые было возможно продвижение и расселение в регионе древних скотоводов [Свод памятников ... Кордайский район, 2010; Свод памятников ... Чуйский район, 2012]. К таковым относятся долины Унгирли, Шатырколь, Какпатас, Коккайнар и другие, плато Жайсан, Атжайлау, Ойжайлау и т.д. Данные территории на своих археологических картах фиксируют систему их массового заселения (отмечено свыше 500 археологических памятников), наиболее ранние этапы, которого относятся к эпохе палеометалла (около 70 поселений, могильников и скопления петроглифов).

Вторым основным направлением является выяснение древних маршрутов от гор Хантау до хребтов Костобе и Кулжабасы через горные и межгорные долины. Они начинались от северных склонов гор Хантау, где расположены основные выработки цветных металлов Хантауского горно-металлургического центра эпохи палеометалла [Берденов, 1998, с. 188–189]. Ущелья Куйеликара, Ботаборум и Тесик, расположенные в северо-восточной и восточной части гор Хантау, были практически непроходимы из-за узких каньонов горных ручьев, которыми они образовывались.

Ближайшим за пределами гор Хантау транзитным потенциалом по

северной оконечности Шу-Илейских гор обладали урочища Жынгылды и Копалы. По руслу одноименных ручьев через относительно широкие долины древние маршруты выводили на горные плато, структурно схожие с традиционными местами кочевков на территории Казахского мелкосопочника. Древние археологические комплексы эпохи бронзы, обнаруженные в долинах ручьев Тесик, Шолак, Жынгылды и Копалы, отличаются значительным количеством захоронений, которые тянутся на несколько сот метров, что свидетельствует о длительном использовании этой территории. Могильники раннего железного века представляют небольшие группы курганов, которые скорее отмечают отдельные микрорайоны обитания скотоводов того времени.

Выводы

При анализе археологической ситуации по данному маршруту древних миграций прослеживается закономерность следующего порядка. Серия ущелий или крупное горное урочище содержат до десятка древних археологических памятников. Однако при по-

следующем передвижении на юг их количество значительно сокращается как на вершинах водоразделов, так в горных ущельях вплоть до следующей группы ущелий. Подобный алгоритм сохраняется вплоть до гор Костобе и Кулжабасы (80–90 км), которые в древности были достаточно плотно заселены. Хребет Кулжабасы расположен на пересечении Копинской и Анрахайской долин, которые своими южными сторонами ограничивались северными склонами гор Киндыктас и отрогов Иле Алатау.

Ключевую роль в системе древних коммуникаций населения Центрального Казахстана и Жетысу через западную часть Хантауского транзитного коридора играли северо-восточные и юго-западные склоны горной системы Киндыктаса, наиболее насыщенные памятниками всех исторических периодов. Ведущей транспортной артерией в эпоху палеометалла для данного микрорайона являлась так называемая среди местного населения «Ханская дорога» по маршруту Жайтау–Хантау–Айтау–Киндыктас.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Байпаков К.М., Марьяшев А.Н.* Петроглифы в горах Кулжабасы. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2004. 27 с. [1] с., [43] л. ил., цв. ил., карт; 29 см.
2. *Берденов С.А.* Казахстанская горно-металлургическая область // Вопросы археологии Казахстана. Алматы; М.: «Гылым», 1998. Вып. 2. С. 180–190.
3. *Воякин Д.А., Горячев А.А., Ильин Р.В., Дуйсебаева Т.Н.* Археологические комплексы эпохи палеометалла в горах Хантау // XI Оразбаевские чтения: матер. междунар. науч.-метод. конф. «Семь граней Великой Степи и актуальные вопросы археологии и этнологии Евразии». Алматы: «Қазақ университеті», 2019. С. 126–132.
4. *Горячев А.А., Ильин Р.В.* Итоги археологической разведки памятников эпохи палеометалла и раннего железного века в горах Киндыктас // Методы и методология естественных наук в полевых археологических исследованиях: матер. междунар. науч.-практ. конф. (г. Алматы, 19 сентября 2019 г.). Алматы: «Қазақ университеті», 2019. С. 150–164.

5. *Краснов А.Н.* Очерки быта семиреченских киргиз // Известия ИРГО. 1888. Т. 23. С. 436–481.
6. *Марьяшев А.Н., Горячев А.А.* Археологические памятники эпохи бронзы урочища Ой-Джайлю (Семиречье) // Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата: КазПИ им. Абая, 1992. С. 3–15.
7. *Марьяшев А.Н., Горячев А.А.* Вопросы периодизации и хронологии памятников эпохи бронзы Семиречья // РА. 1993. № 1. С 5–19.
8. *Марьяшев А.Н., Горячев А.А.* Наскальные изображения Семиречья. Алматы: Фонд «XXI век», 2002. Изд. 2-е. 264 с.
9. *Марьяшев А.Н., Горячев А.А.* Петроглифы поздней бронзы и раннего железного века в урочище Ой-Джайлю // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. 2008. Вып. 1 (254). С. 101–109.
10. *Марьяшев А.Н., Железняков Б.А.* Древности Кулжабасы. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2013. 150 с.
11. *Медоев А.Г.* Гравюры на скалах. Сары-Арка, Мангышлак. Ч. 1. Алма-Ата: «Жалын», 1979. 175 с.
12. *Мотов Ю.А.* Петроглиф из урочища Ой-Джайлю // История и археология Семиречья. Алматы: ОФ «Родничок», 2011а. Вып. 4. С. 158–164.
13. *Мотов Ю.А.* Керамический тагарский сосуд из погребения в урочище Ой-Джайлю // История и археология Семиречья. Алматы: ОФ «Родничок», 2011б. Вып. 4. С. 192–194.
14. *Садуакасулы А., Железняков Б.А., Херманн Л.* Наскальное искусство хребта Кулжабасы. Алматы: Жамбыл, 2017. 240 с.
15. *Сала Р.* Памятники Казахстана: Кулжабасы // Памятники наскального искусства Центральной Азии. Алматы: «Археологическая экспертиза», 2004. С. 60–74.
16. *Сала Р., Деом Ж-М.* Пространственный анализ археологического комплекса Кулжабасы // Новые методы исследования в археологии: матер. междунар. науч.-практ. конф., приуроч. 25-летию Независимости РК. Алматы: «Қазақ университеті», 2016. С. 55–72.
17. Свод памятников истории и культуры Жамбылской области. Кордайский район. Алматы: «Археологическая экспертиза», 2010. 396 с.
18. Свод памятников истории и культуры Жамбылской области. Чуйский район. Алматы: «Археологическая экспертиза», 2012. 368 с.

Сведения об авторах:

Горячев Александр Анатольевич – старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Маргулана (г. Алматы, Казахстан); aga.2805@mail.ru

Потапов Станислав Александрович – научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Маргулана (г. Алматы, Казахстан); potapov-stas@yandex.ru

Ильин Роман Владимирович – младший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Маргулана (г. Алматы, Казахстан); ilin-roman@mail.ru

**ХАНТАУ, АЙЫРТАУ ЖӘНЕ КІНДІҚТАС ТАУЛАРЫНДАҒЫ ЕЖЕЛГІ
ЕСКЕРТКІШТЕРГЕ ЖҮРГІЗІЛГЕН АРХЕОЛОГИЯЛЫҚ БАРЛАУДЫҢ
НӘТИЖЕЛЕРІ**

А. А. Горячев, С. А. Потапов, Р. В. Ильин

Мақалада Хантау, Айыртау және Кіндіқтас тауларындағы ежелгі ескерткіштерге жүргізіген зерттеулер жүйеленді және қосымша археологиялық барлау жүргізілді. Алдын ала алынған мәліметтер аймақта ежелгі ескерткіштердің тығыз орналасқандығын көрсетуіне орай бірінші тәжірибелік зерттеу кезеңі космостық суреттер бойынша барлау жүргізу болды, одан кейін тікелей зерттеу болды. Алынған материалдарды камералдық өңдеу мен жүйелеу палеометал кезеңіндегі тұрғындардың шаруашылық –

мәдени дәстүрін анықтау мақсатында жүргізілді. Зерттеу аймағы іргелес жазықтарды қосып алғанда ауданы 4000 шаршы км-ге жуық территорияны қамтыды. Топографиясы бойынша палеометал мен ерте темір дәуірінің 500-ге жуық, ал планиграфиясы бойынша 200-ге жуық ескерткіш материалдары жиналды. Ежелгі заманның 20-дан көп қоныс, 165 қорым және 17 петроглифтер шоғыры зерттелді. Кіндіктас тау-кен металлургиялық орталығының палеометал кезеңінің 5 тау-кен қазбалары анықталды. Барлау нәтижесінде Хантау транзиттік коридорының батыс бөлегідегі ежелгі қоныс аударудың нақты бағыттарын анықтайтын мәліметтер алынды.

Түйін сөздер: археология, Жетісу, Орталық Қазақстан, транзиттік дәліз, палеометал кезеңі, археологиялық карта, қоныс, қорым, петроглифтер, тау-кен қазбалары, археологиялық кешен

THE RESULTS OF ARCHAEOLOGICAL EXPLORATION OF ANCIENT MONUMENTS IN THE KHANTAU, AITAU AND KINDYKTAS MOUNTAINS

A. A. Goryachev, S. A. Potapov, R. V. Ilin

In the framework of this project, researches of Ancient monuments were systematized and additional archaeological exploration was carried out in the mountains of Khantau, Aitau, Kuljabasy and Kindyktas. As preliminary data showed a dense saturation of the region with ancient monuments, the first stage of practical researches was their exploration by using satellite images with subsequent full-scale researches. Cameral processing and systematization of the obtained materials was carried out in order to clarify the economic and cultural traditions of the population of the region in the paleo metallic era.

Total area of the survey including adjacent valleys was about 4000 km². There is collected topographic material of about 500 monuments of the paleo metallic era and the Early Iron Age, as well as the planigraphy of more than 200 of them. We have more than 20 settlements, 165 burial grounds and 17 clusters of petroglyphs of Ancient periods. There were revealed 5 mine workings of the paleo metal period in Kindyktas metallurgical center. Data to determine the specific routes of Ancient migrations in the Western part of the Khantau transit corridor has been the result of the exploration.

Keywords: archaeology, Jetysu, Central Kazakhstan, transit corridor, paleo metallic epoch, archaeological map, settlement, burial ground, petroglyphs, mine workings, archaeological complex

REFERENCES

1. Baipakov, K. M., Maryashev, A. N. 2004. *Petroglify v gorah Kuljabasy (Petroglyphs in Kuljabasy mountains)*. Almaty: A.Kh. Margulan Institute of Archeology Publ. (in Russian).
2. Berdenov, S. A. 1998. In Samashev, Z. (ed.) *Voprosy arheologii Kazahstana (Issues of archeology of Kazakhstan)*, 2. Almaty; Moscow: "Gylym" Publ., 180–190 (in Russian).
3. Voyakin, D. A., Goryachev, A. A., Ilin, R. V., Duysebayeva, T. N. 2019. In *11-Orazbaev chteniya (11-Orazbaev reading)*. Almaty: "Kazakh University" Publ., 126–132 (in Russian).
4. Goryachev, A. A., Ilin, R. V. 2019. In *Metody i metodologiya estestvennykh nauk v polevykh arheologicheskikh issledovaniyakh (Methods and methodology of natural Sciences in field archaeological research)*. Almaty: "Kazakh University" Publ., 150–164 (in Russian).
5. Krasnov, A. N. 1888. In *Izvestiya Russkogo geograficheskogo obshchestva (Proceedings of the Russian Geographical Society)*, 23, 436–481 (in Russian).
6. Maryashev, A. N., Goryachev, A. A. 1992. In *Arheologicheskie issledovaniya v Kazahstane (Archaeological researches in Kazakhstan)*. Alma-Ata: Abay Kazakh Pedagogical Institute Publ., 3–15 (in Russian).

7. Maryashev, A. N., Goryachev, A. A. 1993. In *Rossiyskaya arheologiya (Russian archeology)*, 1, 5–19 (in Russian).
8. Maryashev, A. N., Goryachev, A. A. 2002. *Naskalnye izobrazheniya Semirechiya (Rock images of Semirechiye)*. Almaty: “Fond «XXI vek»” Publ. (in Russian).
9. Maryashev, A. N., Goryachev, A. A. 2008. In *Izvestiya NAN RK. Seriya obshchestv. nauk (News of NAS RK. Social Sciences Series)*, 1 (254), 101–109 (in Russian).
10. Maryashev, A. N., Zheleznyakov, B. A. 2013. *Drevnosti Kulzhabasy (Antiquities of Kuljabasy)*. Almaty: A.Kh. Margulan Institute of Archeology Publ. (in Russian).
11. Medoev, A. G. 1979. *Gravyury na skalah. Sary-Arka, Mangyshlak (Engravings on the rocks)*. Alma-Ata: “Jalyn” Publ. (in Russian).
12. Motov, Yu. A. 2011a. In *Istoriya i arheologiya Semirechiya (History and archaeology of Semirechie)*, 4. Almaty: “OF «Rodnichok»” Publ., 158–164 (in Russian).
13. Motov, Yu. A. 2011b. In *Istoriya i arheologiya Semirechiya (History and archaeology of Semirechie)*, 4. Almaty: “OF «Rodnichok»” Publ., 192–194 (in Russian).
14. Saduakasuly, A., Zheleznyakov, B. A., Hermann, L. 2017. *Naskalnoe iskusstvo hrebta Kulzhabasy (Rock art of Kuljabasy ridge)*. Almaty: “Zhambyl” Publ. (in Russian).
15. Sala, R. 2004. In *Pamyatniki naskalnogo iskusstva Tsentralnoy Azii (Monuments of rock art in Central Asia)*. Almaty: “Arheologicheskaya ekspertiza” Publ., 60–74 (in Russian).
16. Sala, R., Deom, Zh.-M. 2016. In *Novye metody issledovaniya v arheologii (New researches in archaeology)*. Almaty: “Kazakh University” Publ., 55–72 (in Russian).
17. *Svod pamyatnikov istorii i kul'tury Jambylskoy oblasti. Kordayskiy rayon (Arch of historical and cultural monuments of Jambyl region. Korday ditrict)*. 2010. Almaty: “Arheologicheskaya ekspertiza” Publ. (in Russian).
18. *Svod pamyatnikov istorii i kul'tury Jambylskoy oblasti. Chuyskiy rayon (Arch of historical and cultural monuments of Jambyl region. Chu ditrict)*. Almaty: “Arheologicheskaya ekspertiza” Publ. (in Russian).

About the Authors:

Goryachev Alexander A. Senior scientific researcher, A.Kh. Margulan Archeology Institute, Almaty, Kazakhstan; aga.2805@mail.ru

Potapov Stanislav A. Scientific researcher, A.Kh. Margulan Archeology Institute, Almaty, Kazakhstan; potapov-stas@yandex.ru

Ilyin Roman V. Junior scientific researcher, A.Kh. Margulan Archeology Institute, Almaty, Kazakhstan; ilin-roman@mail.ru

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Авторлар мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді.
/ Раскрытие информации о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
/ Disclosure of conflict of interest information. The authors claims no conflict of interest.

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 18.12.2019.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 25.12.2019.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 08.01.2020.

НИЖНИЙ КУЛЬТУРНЫЙ ГОРИЗОНТ ПАМЯТНИКА КАМЕННОГО ВЕКА ЭКИБАСТУЗ-4

© 2020 г. В. С. Волошин

В статье даётся описание памятника каменного века Экибастуз-4, приводятся стратиграфические и геоморфологические данные, описана коллекция артефактов из качественного кварцита эоцена, полученная в зачистке 1988 г. из нижнего культурного горизонта. Дается характеристика специфического типа индустрии, для которой свойственны: в первичном расщеплении – сочетание ниже-среднепалеолитических приёмов скалывания отщепов и верхнепалеолитических приёмов снятия пластин, во вторичном расщеплении – тейякский компонент, широкое развитие техники рассечения заготовок и комбинаторика рабочих частей (элементов) орудий, серия специфических вкладышевых орудий из отщепов, а также крупных и грубых рубящих орудий. Приводятся аргументы в пользу геологического возраста индустрии как позднекаргинского – раннесартанского.

Ключевые слова: археология, Экибастуз-4, памятник, индустрия, орудие, рабочая часть, ретушь, слой, верхний палеолит, техника

Введение

Открытые местонахождения каменного века на западном побережье озера Экибастуз к юго-востоку от угольного разреза «Северный» отличаются редким богатством археологического материала. Среди развалин построек Старого Экибастуза последний залегает, практически, непрерывной площадью на протяжении сотен метров, делая границы между выделенными здесь пунктами чисто условными, а в ближайшем окружении образует локальные скопления, подчас также достаточно крупные. К сожалению, всё это богатство ныне, после значительного расширения угольного разреза, в значительной мере утрачено.

В геоморфологическом отношении местность представляет собой слегка всхолмлённую равнину с абсолютными отметками 180–200 м, сформированную на породах палео-

гена и возвышающуюся над днищем солёного озера на 18–19 м; стоянки-мастерские древнего человека располагались вблизи или непосредственно на выходах толщи светло-серых кварцитов эоцена. В ходе работ нашей экспедиции в 1988 г. основные сборы археологического материала производились на памятнике Экибастуз-1, расположенном в ложбине в стороне от развалин домов, а также в Экибастузе-2, условном пункте среди развалин бывших городских построек.

Описание материала

Предметом нашего внимания здесь является другой памятник, а именно условно выделенный пункт Экибастуз-4, расположенный в 300 м от берега озера и в 530 м к юго-западу от ближайшего тригопункта с отметкой 193 м и привязанный к заброшенному котловану и выбросам из него

(рис. 1, А). В 1988 г. здесь, помимо выборочного сбора археологического материала, была произведена зачистка стенки котлована длиной 6 м и глубиной 2 м. Результатом стало получение необходимого стратиграфического профиля (рис. 1, Б), а также

новых коллекций артефактов каменного века.

В основании стратиграфического профиля памятника находится пласт светло-серых тонко-мелкозернистых кварцитовидных песчаников эоцена. Выше залегает толща рыхлых, пы-

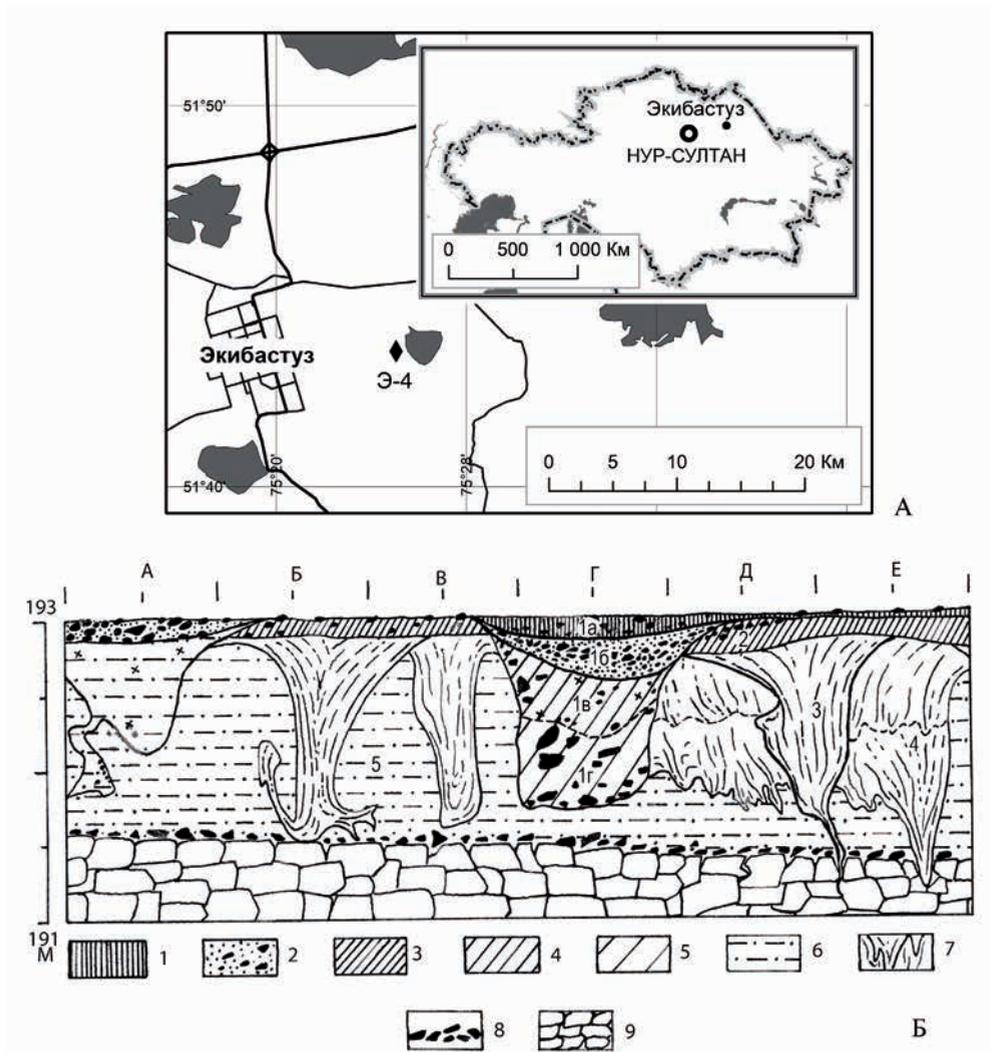

Рис. 1. Экибастуз-4. А – локализация памятника; Б – стратиграфический профиль: 1 – супесь гумусированная; 2 – песок эоловый; 3 – супесь коричневатобурая; 4 – супесь с щебнем; 5 – щебень с супесью; 6 – супесь палевая; 7 – криогенные образования; 8 – кварцитовые обломки, блоки и артефакты; 9 – пласт эоценовых кварцитов

Fig. 1. Ekibastuz-4. A – localization; Б – stratigraphic profile: 1 – humous sand clay; 2 – aeolian sand; 3 – brownish-brown sand clay; 4 – sand clay with crushed stone; 5 – crushed stone with sand clay; 6 – straw-colored sand clay; 7 – cryogenic formations; 8 – quartzite debris, blocks and artifacts; 9 – Eocene quartzite formation

леватых отложений (пески, супеси и суглинки) мощностью не более 1,5 м с базальным грубообломочным элювиальным горизонтом и разрушенная сверху несколькими (2–3) генерациями полигональных криогенных клиновидных трещин. В эту толщу вложены заполнения древней траншеи, вырытой, очевидно, уже в голоцене в целях добычи ценного качественного сырья (кварцитов). Траншея, вероятно, соответствует чёткому культурному горизонту в верхней части слоя коричневато-бурой супеси (слой 2): данный слой перекрывает указанную выше толщу и местами, в свою очередь, перекрывается маломощными осадками – светлыми эоловыми песками и супесями, а также тёмно-серой гумусированной супесью (современной почвой). Таким образом, на памятнике выделены следующие слои (сверху вниз):

1а – супесь тёмно-серая гумусированная мощностью до 20 см, залегает линзой на месте древней траншеи, содержит отдельные кварцитовые артефакты;

1б – песок и супесь светло-серые эоловые мощностью до 30 см, залегает также линзами поверх заполнений траншеи, а также заполнений одной из клиновидных трещин (самой поздней), содержит многочисленные кварцитовые артефакты, скорее всего, переотложенные из указанного выше слоя коричневато-бурой супеси;

1в – супесь коричневато-бурая с обилием щебня кварцитов мощностью до 40 см, представляет собой верхнюю часть заполнений древней траншеи, содержит редкие кварцитовые артефакты;

1г – супесь коричневато-серая с бурым оттенком, включает кварцитовый щебень и артефакты мощностью

до 55 см, представляет собой нижнюю часть заполнений древней траншеи;

2 – супесь коричневато-бурая мощностью до 23 см, в верхней части содержит культурный горизонт из кварцитовых артефактов мощностью около 5–7 см;

3 – супесь и песок серые карбонатизированные, являются заполнением верхней генерации криогенных клиньев, без артефактов;

4 – супесь и суглинок коричневато-серые сильно карбонатизированные, являются заполнением нижней генерации криогенных клиньев;

5 – супесь пылеватая коричневато-палевая неслоистая, карбонатизированная мощностью до 1,2 м, в основании – грубообломочный элювиальный горизонт из кварцитов мощностью до 10 см, к которому приурочен нижний культурный горизонт: слой залегает поверх пласта эоценовых кварцитов.

Каменная индустрия нижнего горизонта Экибастуз-4

В зачистке из нижнего культурного горизонта получена коллекция из 220 кварцитовых артефактов, которая, безусловно, является выборкой, поскольку мелкие обломки и сколы (меньше 3 см) в данном случае не брались и не учитывались при раскопках и таковых было, по меньшей мере, вдвое больше отобранных предметов. Сырьём для изготовления орудий служил светло-серый тонкозернистый (значительно реже – мелкозернистый) окремнённый кварцит высокого качества, который добывался из поверхностной части эоценового пласта, подвергшейся ранее многочисленным трещинам. Для обработки использовались блоки и обломки различных размеров, нередко с острыми

краями и углами и с поверхностями двух типов. К первому типу относятся поверхности с толстой коркой (до 5 мм) от интенсивного химического выветривания, буроватого цвета и сглаженные водной или ветровой эрозией; ко второму типу – относительно «свежие» поверхности естественных расколов тусклого серого цвета (в отличие от «блестящих» фасов) с округло-овальными коническими лунками от морозного выветривания. Фасы обработки отличаются совершенно «свежим» характером, в местах ударов просматриваются светлые «воздушные» пятнышки, имеются также небольшие лунки от морозного выветривания; края изделий обычно острые. Достаточно часто на изделиях наблюдаются налепы сгустков кристаллов гипса, большая часть которых связана с поверхностями первого типа; присутствуют они и на поверхностях обработки фасов.

В коллекции имеются нуклеусы и нуклевидные предметы (4 экз.), отщепы и пластины (30 экз.), вспомогательные сколы (30 экз.) и орудия труда (156 экз.).

Нуклеусов всего 3 экз. Первый из них отличается особенно крупными размерами (19,7×12,7×5,0 см) и представляет собой вариант одноплощадочного одностороннего плоскостного продольного приготовленного нуклеуса (рис. 2, 1). Он оформлен достаточно грубо: боковыми широкими крутыми и отвесными фасадами с лицевой стороны и более пологими фасадами на одном боку с обратной стороны. Нижний конец сужен и заострён небольшими двухсторонними фасадами. Скошенная ударная площадка оформлена 3–4 фасадами. Изделие фиксирует начальную стадию утилизации: широкий и короткий фронтальный фас

от основного отщепа, в свою очередь, вместе с рядом наложенных на него небольших плоских фасов и фасеток определяют последующее вероятное снятие короткого основного отщепа с острым краем и боковым обушком-гранью – формы, характерной для данной индустрии. Второй нуклеус также отличается крупными размерами (16,5×12,2×4,8 см). Он изготовлен из расколотого блока и относится к группе краевых продольных ядрищ (рис. 2, 2). Здесь примечательна манера оформления изделия, весьма характерная для оформления орудий в данной индустрии, а именно использование в этих целях поперечных расколов и широких (равным образом и небольших) сечений на краях, углах и окончаний изделий (это не исключало дополнительное нанесение уплощающих фасов и фасеток). Ударная площадка нуклеуса прямая и гладкая. Для снятия пластин использовался посредник. Третий нуклеус небольших размеров относится также к группе продольных краевых ядрищ (рис. 3, 3). Из-за скошенной (гладкой) площадки и фасеток уплощения латералей, направленных от площадки, его легко принять за тип клиновидного ядрища, однако, внимательный осмотр заметит здесь отсутствие каких-либо признаков намеренного приготовления клина. При оформлении и расщеплении данного нуклеуса также использовался посредник. Помимо трёх нуклеусов в коллекции имеется один небольшой нуклевидный предмет со следами фасов и фасеток («преформа»).

В группе отщепов и пластин (30 экз.) имеются отщепы не-леваллуа (24 экз.) и пластины (6 экз.) (рис. 4, 5, 8). Последние почти все широкие и толстые, неправильной формы,

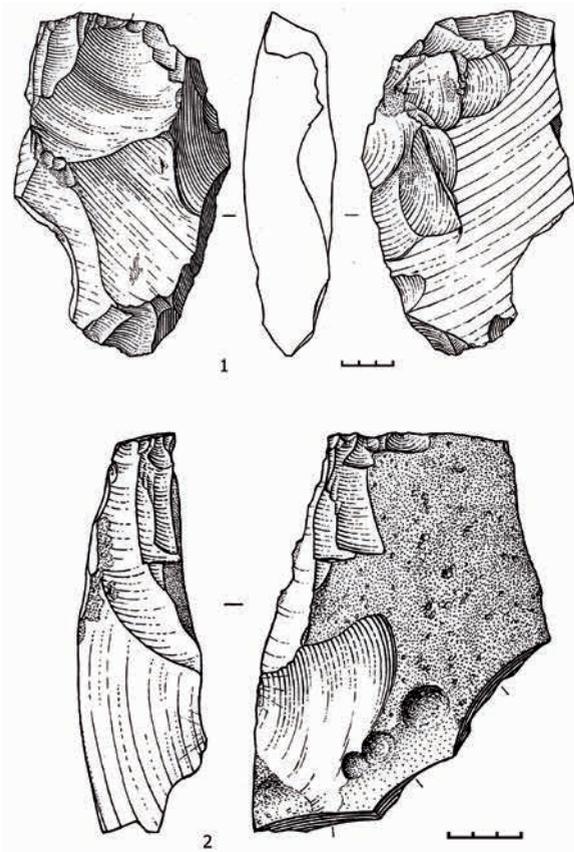

Рис. 2. Экибастуз-4. Кварцитовые артефакты:
1–2 – нуклеусы

Fig. 2. Ekibastuz-4. Quartzitic artifacts.
1–2 – nucleus

треугольные в поперечнике, иногда с выраженной стрелкой прогиба, со скошенной гладкой площадкой и небольшим бьюльбом (сняты без посредника с помощью тяжёлого и лёгкого отбойников). Есть одна массивная реберчатая пластина. Среди орудий имеется ещё пять пластин (включая фрагменты и сечения) со следами вторичной обработки – они мало чем отличаются от форм, описанных выше, одна пластина снята с помощью посредника.

Таким образом, индустрия Экибастуза-4 не является пластинчатой. Основная масса орудий из-

готовлена здесь из отщепов и сколов (123 экз.), меньшая часть – из обломков (32 экз.) и только одно орудие – из широкой пластины. Вместе с тем эта индустрия – нелеваллуазская и не клектонская. Из 153 сколов-заготовок (включая орудия) к леваллуазским (черепаховидным) относятся только два (рис. 4, 2), а к клектонским – всего шесть отщепов (рис. 4, 1). Из 127 отщепов и пластин более половины (68,5%) сняты с помощью тяжёлого отбойника и имеют бьюльбы (3 пластины), остальные – с помощью мягкого отбойника – 29,1% (3 пластины) и посредника – 2,4% (1 пластина). Нужно иметь в виду, что хотя выборка артефактов в зачистке производилась на месте разработки залежей кварцитового сырья палеолитическим человеком, памятник этот не может быть идентифицирован как грубая мастерская. Об этом наглядно свидетельствует, с одной

стороны, обилие в коллекции изделий с вторичной обработкой, с другой, – характер отщепов и сколов: из 88 целых заготовок у 44 экз. (50%) на дорзальных поверхностях отсутствуют участки естественной корки, ещё у 39 экз. (44,3%) – они охватывают небольшую площадь; такие показатели естественны для стоянок-мастерских. Метрические данные получены у 88 целых отщепов и пластин (измерение длины заготовок проводилось по оси скалывания). Длина заготовок варьирует в пределах 3–15 см, большинство (63,8%) – в пределах 3–7 см, крупных заготовок (более 10 см) – всего

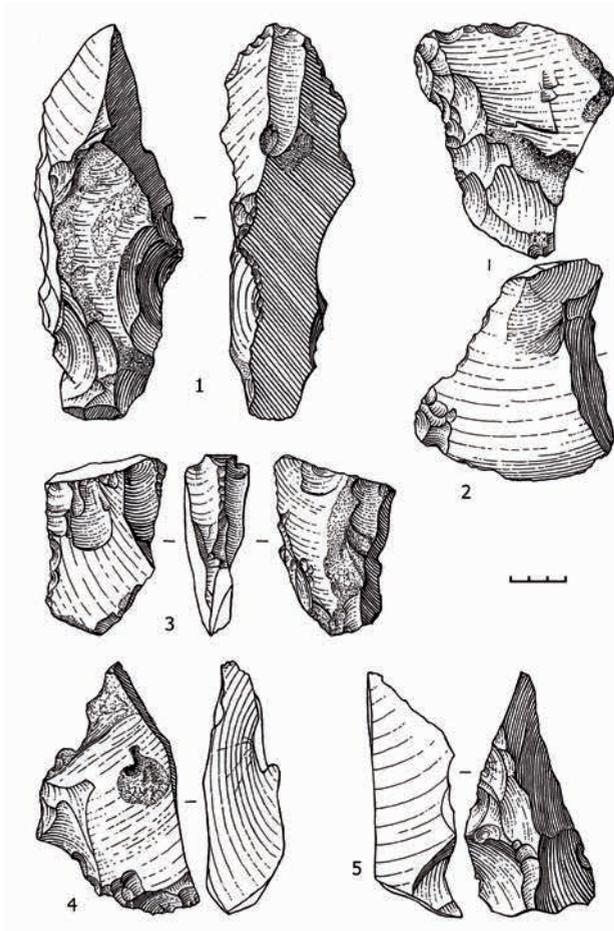

Рис. 3. Экибастуз-4. Кварцитовые артефакты: 1 – орудие типа «кирка»; 2 – скребловидное орудие; 3 – нуклеус; 4–5 – крупные остроконечные орудия

Fig. 3. Ekibastuz-4. Quartzitic artifacts. 1 – “spaddle” type tool; 2 – thumb flint shaped tool; 3 – nucleus; 4–5 – large pointed tools

10%. Ширина заготовок – в пределах 2–11 см, большинство (67%) – в пределах 3–7 см. Толщина заготовок – в пределах 0,5–4,0 см. Тонкие заготовки (до 1 см) составляют 30%, средние (1,1–2,0 см) – 45,5%, толстые (2,1–3,0 см) – 20% и очень толстые (свыше 3 см) – 4,5%. По отношению длины к ширине заготовок (показатель удлинённости) большинство изделий (60,2%) варьирует в пределах 0,7–1,3,

пластины (7 шт.) составляют 8%. По отношению толщины к ширине заготовок (показатель массивности) большинство изделий (63,6%) – в пределах 0,11–0,30. По отношению длины ударной площадки к ширине заготовки большинство изделий (около 82%) варьирует в пределах 0,31–0,90. Показатель скошенности ударных площадок к нижней поверхности даёт следующие величины: прямые и слегка скошенные площадки (2 пластины) – 39%, скошенные площадки (100–130°) – 46% (3 пластины), сильно скошенные площадки (4 пластины) – 15%. Абсолютно доминируют гладкие площадки (67%), двухгранные – 17%, грубофасетированные – 9,2%, тонкофасетированные – 0,9%, натуральные – 2,5%, микроплощадки – 3,4%. Таковы основные характеристики первичного расщепления в данной индустрии.

Исходными заготовками для изготовления орудий служили отщепы и сколы (122 шт.), обломки (32 шт.) и пластины (2 шт.). К крупным орудиям, размерами более 10 см, относится 12 изделий, почти все они изготовлены из обломков кварцита. Опишем их по отдельности.

Удлиненное двухконечное орудие типа кирки (21,2×7,8×6,4 см) грубо оформлено редкими фасами на

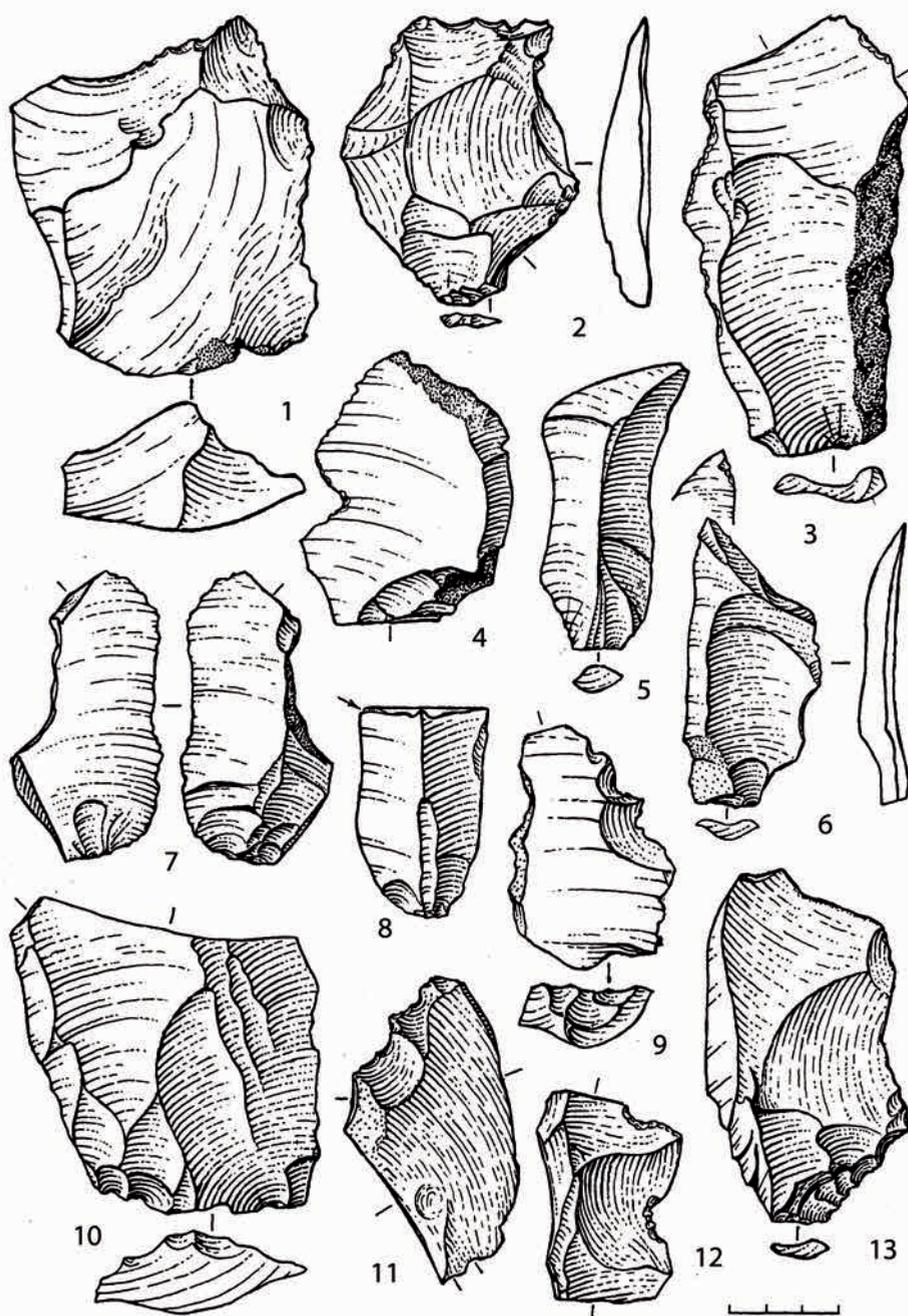

Рис. 4. Экибастуз-4. Кварцитовые артефакты: 1 – крупное режущее орудие; 2 – угловой резчик; 3, 4, 7 – ножи; 5, 8 – пластины; 6 – проколка; 9 – зубчатый нож; 10 – режущее орудие; 11 – зубчатый скобель; 12 – выемчатый скобель; 13 – скребло

Fig. 4. Ekibastuz-4. Quartzitic artifacts: 1 – large cutting tool; 2 – angular cutter; 3, 4, 7 – knives; 5, 8 – plates; 6 – piercer; 9 – serrate knife; 10 – cutting tool; 11 – serrate scraper; 12 – retuse scraper; 13 – thumb flint

краях, в поперечнике – подтреугольное. Лезвие на верхнем конце сильно закругленное и оформлено односторонними пологими снятиями. Нижнее лезвие более узкое, долотовидное, острое, образовано пересечением двух плоскостей от расколов; оно ориентировано поперёк верхнему лезвию (рис. 3, 1).

Остроконечное орудие со скошенной пяткой ($14,2 \times 8,5 \times 4,2$ см) оформлено боковым поперечным расколом и в сечении также подтреугольное. Пятка оформлена двухсторонними фасами. На окончании орудия наблюдается узкая поперечная кромка с альтернативными фасетками ретуши (рис. 3, 4).

Остроконечное орудие с широкой пяткой в основании ($13,3 \times 7,0 \times 4,1$ см), в поперечнике подтреугольное, сходное с остриём кинсон; орудие грубо оформлено несколькими фасами (рис. 3, 5).

Орудие с поперечным лезвием типа струга ($12,5 \times 7,4 \times 4,1$ см) имеет

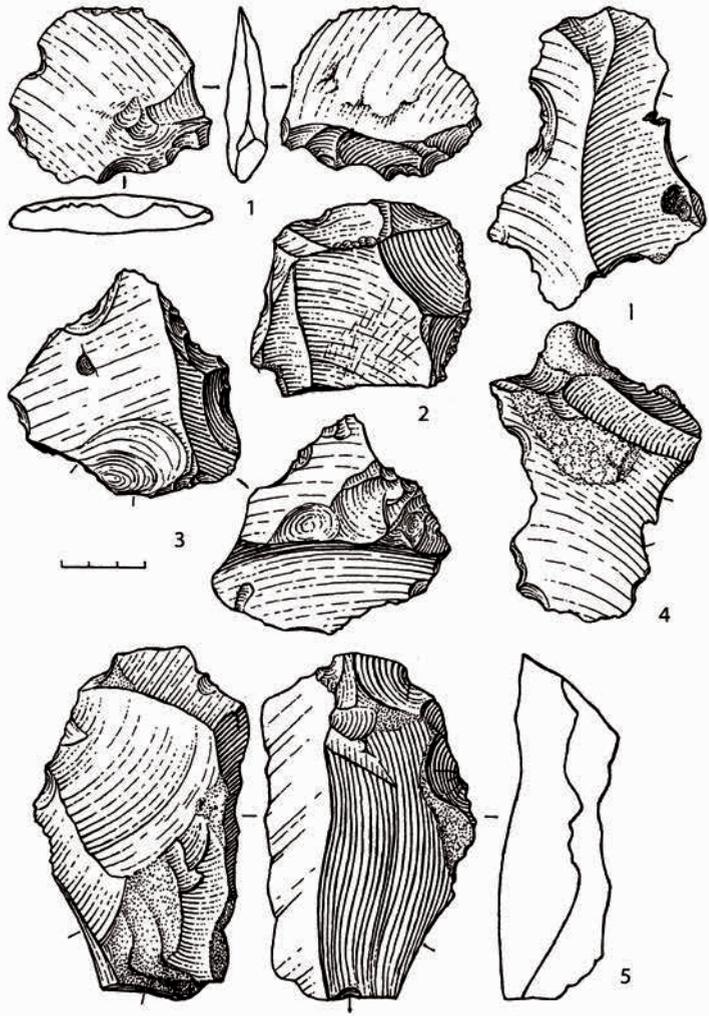

Рис. 5. Экибастуз-4. Кварцитовые артефакты: 1 – вкладыш из отщепя; 2 – скребло; 3 – угловой резчик; 4 – орудие с выступами; 5 – струга

Fig. 5. Ekibastuz-4. Quartzitic artifacts: 1 – flake insert; 2 – thumb flint; 3 – angular cutter; 4 – tool with ledges; 5 – adz

массивный боковой обушок (плоскость раскола) и оформлено скупом – фасами на одном боковом краю. Лезвие прямое и достаточно узкое (2,6 см), по бокам выделено двумя нижними фасами и смещено к нижней стороне (рис. 5, 5).

Орудие типа сечки (11,9×10,4×3,0 см) подтреугольной формы с боковым обушком от поперечного раскола и с прямым лезвием со следами ретуши и с угловым выступом. Орудие дополнительно осложнено широким выступом скребущего профиля (1,7 см), выделенным с боков глубокими выемками, а также угловой поперечной резцевидной кромкой.

Орудие с боковым выпуклым рубящим-режущим лезвием, образованным от пересечения двух лицевых плоскостей расколов с нижней поверхностью (13,4×8,2×3,0 см). Один из концов орудия наискось усечён и имеет фасетки утончения.

Удлиненное двухконечное орудие с боковым натуральным обушком (15,2×4,9×3,0 см). На одном из концов орудия скупо оформлено трёхгранное в поперечнике остриё с коротким резцовым сколом на окончании. На другом конце – толстое клювовидное острие (угловой резчик), оформленное клетонской выемкой и противолежащей притупливающей ретушью (рис. 6, 5).

Орудие с рабочими элементами (10,9×7,7×3,1 см): боковым выступом в форме трёхгранного зуба, оформленного с боков глубокими выемками-фасетками; массивным выступом с диагональной режущей кромкой на окончании, оформленной небольшими фасетками (рис. 5, 4). Данное орудие оформлено на боку двумя небольшими вогнутыми сечениями, а на более тонком конце – рядом небольших выемок-фасеток, формирующих извилистый острый край; последний мог служить режущим лезвием или вставляться в рукоять составного орудия.

Орудие с двумя боковыми крупными выемками (2,5 и 2,9 см), оформленными чешуйчатыми фасетками ретуши (скобель). Орудие грубо оформлено поперечными фасадами и сечениями (14,3×5,8×2,7 см).

Фрагмент остроконечного рубящего орудия подтреугольной формы с лицевым срединным ребром (треугольное в поперечнике) и с пяткой в основании, последняя оформлена двумя отвесными фасадами. Обработке также подверглось окончание орудия несколькими пологими фасадами частично с двух сторон. Длина орудия превышала 17 см, ширина – 11,8 см, толщина – 4,5 см.

Рубящее – скребловидное орудие из отщепы с угловатым лезвием, оформленным отёсывающей ретушью, преимущественно дорзальной (10,4×11,6×3,0 см), и противолежащим обушком от широкого поперечного раскола-сечения (рис. 3, 2).

Режущее боковое орудие из клетонского отщепы (10,2×7,9×3,2 см) с угловатым гранёным обушком. Режущее лезвие на верхнем конце граничит с острым выступом, отделяющим его от концевого вогнутого лезвия скребла с лёгкой дорзальной ретушью (рис. 4, 1). Грани данного орудия несут следы лёгкого выветривания, форма изделия к тому же имеет некоторое сходство с орудиями ашельского комплекса Вишнёвка-3, поэтому нельзя исключить возможность его более древнего возраста.

Остальные 144 орудия меньших размеров изготовлены, преимущественно, из отщепов. Прежде, чем привести описание орудий по выделенным группам, отметим следующее. Здесь в качестве заготовок использовались отщепы с одним боковым острым краем (41%), двумя кра-

ями (25,8%), с дугообразным острым краем (10%), а также с острым краем по всему периметру (10%); остальные 13,2% приходятся на заготовки с очень незначительным участком острого края по периметру заготовки. Использовались также обломки квар-

цита (22 шт.). Одной из отличительных особенностей данной индустрии является частое использование при изготовлении орудий приёма расщепления заготовки, это касается в равной степени как отщепов, так и достаточно плоских обломков породы.

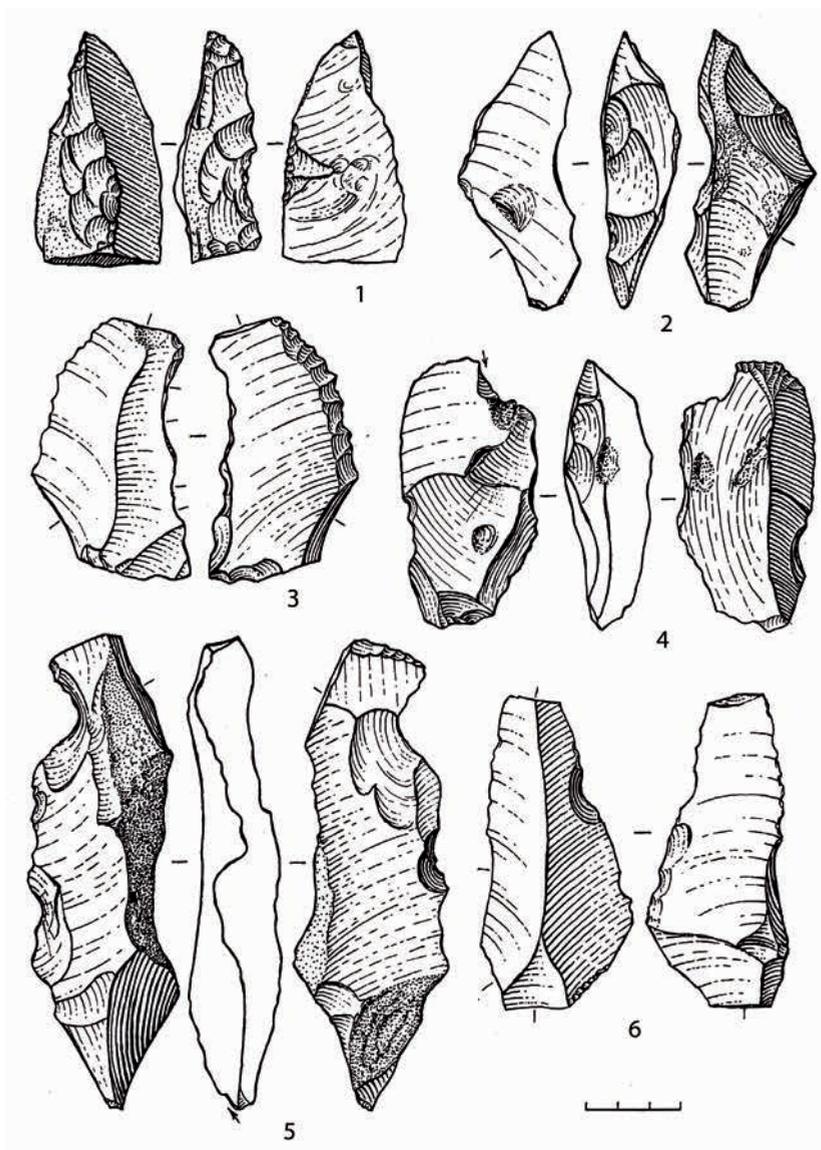

Рис. 6. Экибастуз-4. Кварцитовые артефакты: 1, 2 – остроконечники; 3 – скребло; 4 – скребок; 5 – двухконечное орудие; 6 – нож

Fig. 6. Ekibastuz-4. Quartzitic artifacts: 1, 2 – pointers; 3 – thumb flint; 4 – scraper; 5 – two-point tool; 6 – knife

Сечения могли быть широкими, разделяющими заготовку на две или три, примерно, равные части, а также небольшими – концевыми и боковыми или совсем маленькими, срезающими угол, или выступ на краю заготовки.

Всего подверглось сечению около 70% орудий: у 73 орудий наблюдается одно сечение, чаще всего дистальное-концевое, а у 25 орудий – более интенсивное рассечение, включающее от 2 до 4 сечёных участков края. Ещё одной отличительной чертой индустрии является удаление ударной площадки отщеп-заготовки. Последняя либо отсекалась (20 шт.), либо удалялась отдельными или несколькими фасадами и фасетками (13 шт.) с одной или двух сторон. Ниже даётся описание орудий.

Описание орудий по выделенным группам

Двухсторонне-обработанные орудия – 1 шт. Это маловыразительное орудие, изготовленное из обломка, с частичной двухсторонней обработкой и острым слегка вогнутым поперечным лезвием (3 см) на конце, образованным от пересечения двух плоскостей расколов (9,0×6,0×3,2 см); орудие напоминает кливер. На нижней (плоской) стороне наблюдаются небольшие (до 1 см в диаметре и глубиной в несколько мм) конусовидные лунки, вероятно, от морозного выветривания.

Орудия топорovidные или сечки – 1 шт. Это относительно небольшое (7,5×7,5×2,8 см) орудие подтреугольной формы, весьма грубое в оформлении, с рубящим дугообразным лезвием в основании, оформленным фасетками частично с двух сторон и извилистым в профиль. Оба скошенных боковых края являются натуральными обушками.

Скрёбла – 5 шт. Здесь представлены разнообразные формы. Скребло с выпуклым лезвием на конце короткого отщеп (рис. 7, 3), комбинировано с элементом – боковой нож с обушком-гранью, утончёнными вентральными фасетками. У другого изделия лезвие скребла расположено в базальной части бокового края и оформлено дорзальными пологими отёсывающими фасетками с заломами (рис. 4, 13); орудие опять же комбинировано с элементом бокового обушкового ножа. Третье изделие представляет собой довольно крупное скребло с выпуклым лезвием, оформленным нестандартной ретушью с лицевой стороны (рис. 5, 2); в основании орудия – сечение, на уголках которого оформлены выступы скребущего профиля и с поперечной резцевидной кромкой. Четвёртое изделие – вентральное боковое выпуклое скребло, оформленное стандартной чешуйчатой ретушью (рис. 6, 3). Данное орудие представляет собой единственный в коллекции образец с такой протяжённой и ровной отделкой лезвия. Орудие комбинировано с базальным клювовидным выступом (резчиком), оформленным вентральными фасетками. Если принять во внимание наличие у данного орудия двух сечёных участков, формирующих, в частности, привершинную площадку для упора пальца руки, то становится возможной иная интерпретация «лезвия скребла» – в качестве обушка клювовидного резчика. Последнее изделие изготовлено из укороченного отщеп с отсечённой площадкой, неровное выпуклое лезвие скребла оформлено крутой дорзальной ретушью на узком боковом краю.

Остроконечники – 2 шт. Первое изделие представляет собой короткий

и толстый образец с пяткой-гранью в основании со срединным ребром на лицевой стороне и в поперечнике – подтреугольный (рис. 6, 1). Орудие оформлено по одному боковому краю,

срединному ребру и окончанию фасетками ретуши и напоминает остриё кинсон. Другое изделие – это тейякский остроконечник с толстым трёхгранным в сечении остриём, оформ-

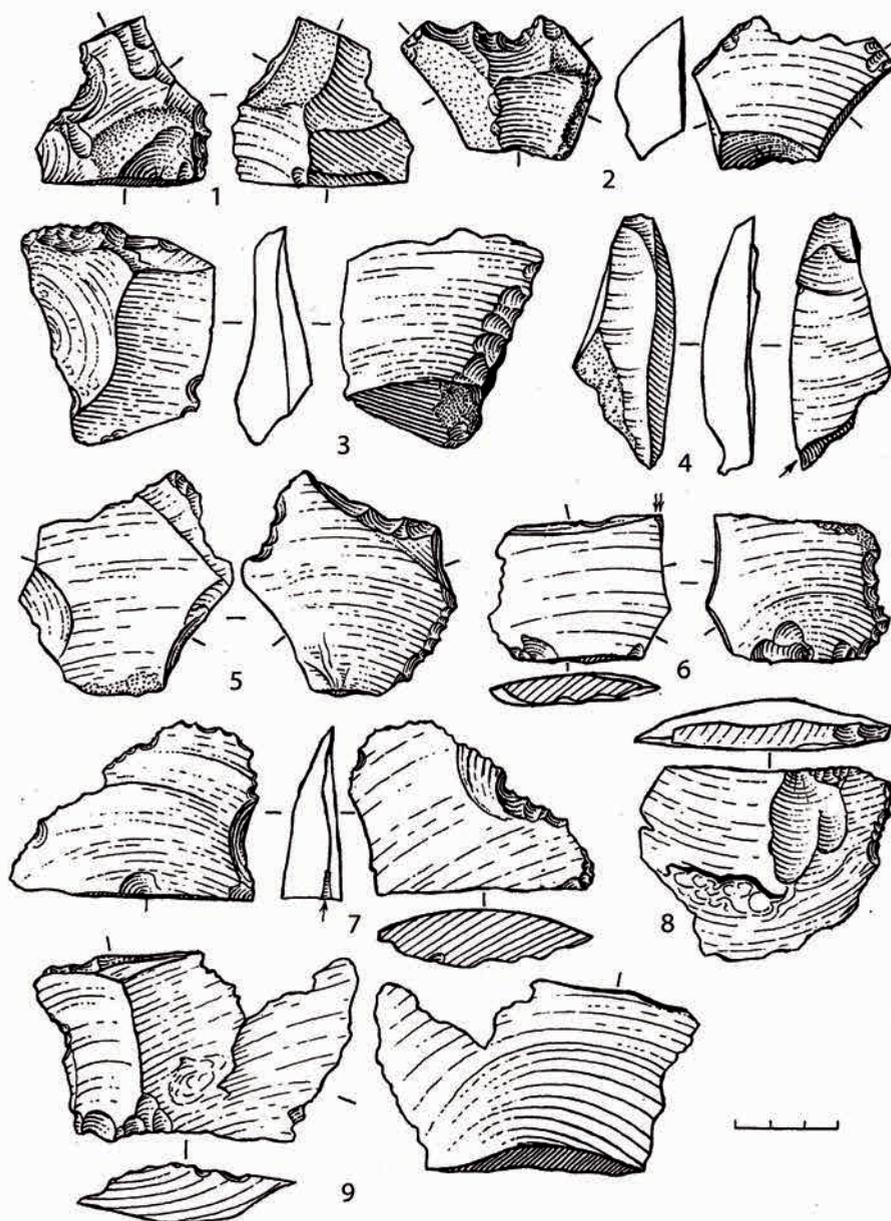

Рис. 7. Экибастуз-4. Кварцитовые артефакты: 1 – выемчатый скобель; 2 – зубчатый скобель; 3 – скребок; 4 – долотовидное орудие; 5, 9 – угловые резчики; 6–8 – вкладыши

Fig. 7. Ekibastuz-4. Quartzitic artifacts: 1 – retuse scraper; 2 – serrate scraper; 3 – scraper; 4 – chisel-shaped tool; 5, 9 – angular cutters; 6–8 – inserts

ленный односторонне широким боковым сечением и рядом крутых и полукрутых фасов и фасеток (рис. 6, 2). Максимальная толщина приходится на верхнюю половину орудия, нижняя часть более тонкая с фасетками

ретуши на узком основании. Орудие могло крепиться к рукоятке или в торец древка копья.

Острия – проколки – 6 шт. Первое орудие (рис. 8, 5) имеет ретушированные выемки на боковых краях и

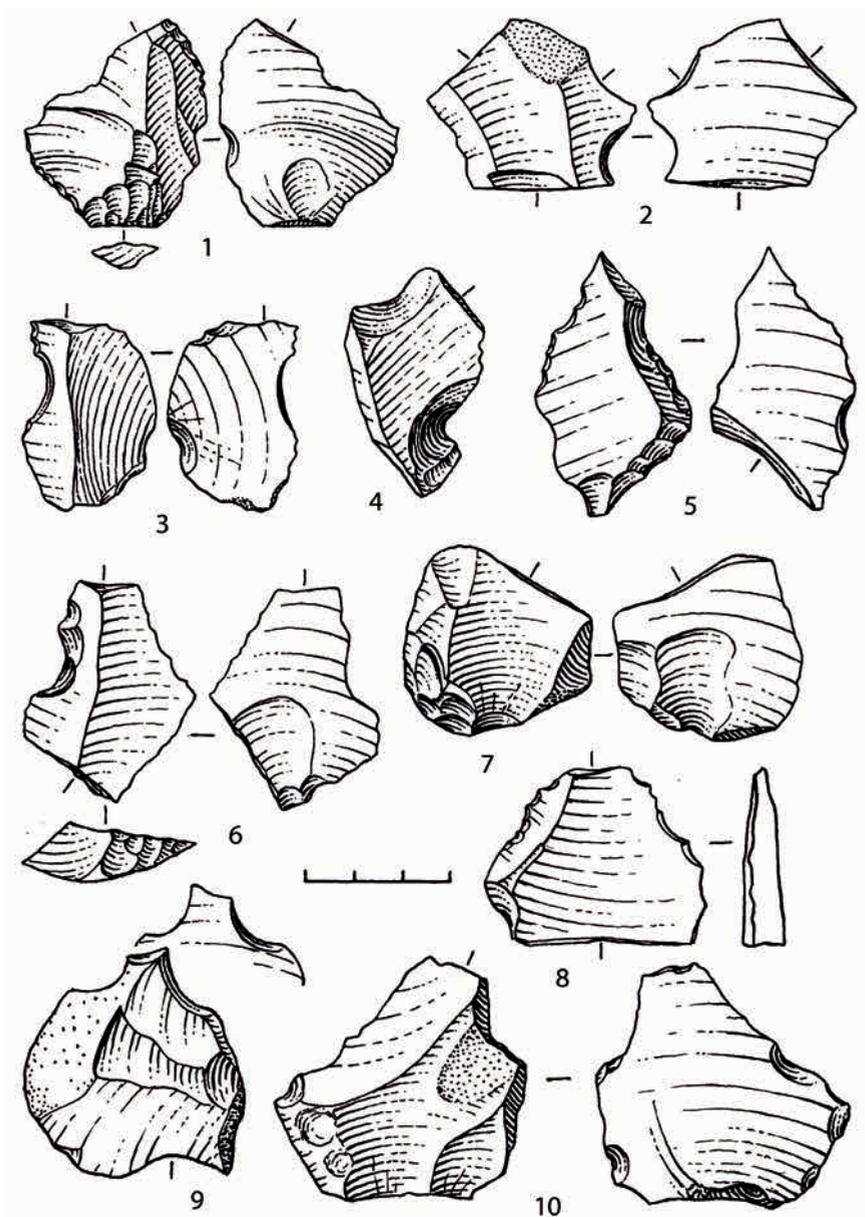

Рис. 8. Экибастуз-4. Кварцитовые артефакты: 1 – скребок; 2, 7 – сеченные формы; 3, 5, 9 – проколки; 4 – выемчатый скобель; 6, 8 – вкладыши; 10 – режущее орудие

Fig. 8. Ekibastuz-4. Quartzitic artifacts: 1 – scraper; 2, 7 – sectioned shapes; 3, 5, 9 – piercers; 4 – retuse scraper; 6, 8 – inserts; 10 – cutting tool

комбинируется с клювовидным резчиком в основании; в базальной части имеются дорзальные фасетки утончения вогнутой поверхности сечения. Второе орудие изготовлено из плоского обломка и представляет собой проколку с коротким клювовидным жалом, оформленным двумя лицевыми и обратной выемками-фасетками (рис. 8, 9); в основании орудия – глубокая выемка от нижней фасетки. Ещё одно орудие – удлинённое трёхгранное остриё-проколка с широкой ретушированной выемкой на боковом краю. Четвёртое орудие – сходно с предыдущим, но имеет в основании натуральную пятку. Пятое орудие изготовлено из тонкого пластинчатого отщепя, снятого от посредника (рис. 4, 6); короткое жало оформлено на дистальном угловом окончании дорзальной фасеткой и вентральной мелкой ретушью. Последнее орудие – угловая проколка из небольшого укороченного скола (рис. 8, 3); жало оформлено с боков сечением и широкой и глубокой выемкой-фасеткой, а также краевой ретушью.

Скребки – 4 шт. Первое орудие изготовлено из продолговатого массивного обломка с боковым обушком-гранью, подверглось, особенно в нижней части, некоторому оформлению с помощью отдельных фасов и фасеток, в том числе с выемкой (рис. 6, 4); лезвие выпуклое и толстое приготовлено на массивном конце полукрутой пластинчатой и крутой чешуйчатой ретушью и сбоку срезано коротким краевым резцовым сколом. У второго орудия, изготовленного из небольшого плоского отщепя, слегка выпуклое лезвие скребка оформлено чешуйчатой ретушью на боку в дистальной части (рис. 8, 1); лезвие ограничено с боков косым

концевым сечением и вентральной выемкой-фасеткой на боковом краю. Ещё одно изделие – укороченный отщеп с угловым скребковидным лезвием от дорзальной крутой чешуйчатой ретуши, комбинируется с режущим лезвием (3,7 см) с двумя вентральными выемками-фасетками. Последнее орудие – из массивного обломка имеет также угловое скребковидное лезвие, выделенное с боку выемкой-фасеткой, и комбинировано с массивным трёхгранным выступом с двухсторонними фасетками; орудие несёт следы подтёски фасетками с нижней (более плоской) стороны.

Долотовидные орудия – 1 шт. Изделие изготовлено из неправильной пластины, снятой, вероятно, от посредника (рис. 7, 4). Лезвие расположено на месте площадки, узкое и оформлено пологими фасетками с двух сторон; на дистальном окончании пластины скошенный краевой резцовый скол.

Выемчатые скобели – 4 шт. Первое орудие из обломка оформлено тремя толстыми сечениями и имеет широкую клетонскую выемку (рис. 7, 1); на противоположном краю – неровно ретушированное лезвие скребущего профиля. Второе орудие – также из обломка, имеет две ретушированные выемки на боковом краю (рис. 4, 12) и оформлено двумя концевыми сечениями. Третье орудие – небольшое, с двумя клетонскими выемками и косым сечением (рис. 8, 4). Последнее орудие фрагментировано, имеет выемку от вентрального фаса, комбинировано с выступом на углу площадки с поперечной резцевидной кромкой, оформленной микрофасетками.

Зубчатые скобели – 3 шт. Все изготовлены из обломков. Первое и

одно из самых выразительных орудий в коллекции оформлено по периметру четырьмя толстыми сечениями, лезвие – от глубоких полукрутых фасеток отёсывающей ретуши (рис. 7, 2); с боков лезвие ограничено серией нижних фасеток. Второе орудие также оформлено сечениями и имеет аналогичное лезвие (рис. 4, 11), комбинированное с выпуклым зубчатым режущим лезвием, расположенным в нижней части орудия между двумя широкими сечениями. Ещё одно орудие имеет тонкое боковое лезвие (напротив обушка-границы), оформленное пологой нестандартной ретушью; в нижней части – два косых сечения.

Зубчатые ножи и режущие орудия – 2 шт. Орудия изготовлены из отщепов. Короткий нож с боковым натуральным обушком имеет выпуклое зубчатое лезвие (4,7 см) с дорзальными полукрутыми чешуйчатыми фасетками (рис. 4, 9); лезвие ограничено с боков небольшим дистальным сечением и в базальной части – вентральной выемкой-фасеткой. Другое изделие изготовлено из плоского отщепа и имеет зубчатое режущее лезвие по всему периметру, зубчики оформлены серией небольших выемок-фасеток; орудие имеет одно сечение.

Ножи – 13 шт. Это в основном ножи (отщепы) с боковым обушком: натуральным (4 шт.) или с гранью (7 шт.). Наиболее простая форма представлена ножом с отсечённой площадкой (рис. 4, 4), более сложная – с утончёнными фасетками основанием и косым дистальным сечением (рис. 4, 7), либо в комбинации с ретушированными выемчатыми скобелями в дистальной части, оформленными кроме того сечениями (рис. 4, 3); в последнем случае орудие изготовлено из удлинённого отщепа, снятого с

помощью посредника (центральный дорзальный фас также снят от посредника). Одно изделие изготовлено из широкой пластины при помощи четырёх сечений и выемок-фасеток (рис. 6, 6). Ещё один нож имеет привершинную площадку и прямое боковое лезвие, оформленное альтернативной разнофасеточной ретушью.

Режущие орудия – 39 шт. К этой самой многочисленной группе отнесены орудия с одним, реже двумя острыми (режущими) участками на краях, дополненными 1–2 сечениями (рис. 4, 10), а иногда – отдельными или серией фасеток на краю. У девяти изделий на лезвии наблюдаются микровыемки-фасетки, иногда придающие последнему мелкий зубчатый характер; у пяти – сами лезвия с одного или обоих боков выделены выемкой-фасеткой (рис. 8, 10). У одного орудия основание на месте площадки утончено двухсторонними фасетками, у другого – площадка удалена вентральным фасом, у третьего – площадка отсечена. Одно орудие комбинировано с угловым резчиком. Ещё у трёх орудий помимо сечения на краю наблюдаются отдельные фасетки ретуши.

Сечёные формы отщепов – 14 шт. Орудия данной группы во многом сходны с режущими орудиями, но отличаются меньшими размерами – длина их обычно не превышает 4 см. Здесь представлены концевые дистальные формы (6 шт.), средние (7 шт.) и базальные (1 шт.). Последнее изделие с одним скошенным сечением и боковым острым лезвием несёт признаки утончения бюльба вентральной фасеткой (рис. 8, 7), что предполагает возможность использования его как вкладыша. Ещё одно изделие – укороченное среднее сечение ослож-

нено двумя боковыми выступами, оформленными выемками-фасетками (рис. 8, 2). Некоторые сечения имеют геометрические формы: подтреугольную (3 шт.), параллелограмма (1 шт.) и неправильной трапеции (1 шт.).

Вкладышевые орудия – 15 шт. Сюда относятся разные формы. Рассмотрим, прежде всего, изделия с острым лезвием и противоположным широким основанием, которое, как мы предполагаем, предназначалось для вкладывания в боковой паз метательного оружия (5 шт.). Наиболее интересны здесь два изделия. Первое имеет подтреугольную асимметричную форму со скошенным острым лезвием, осложнённым выемкой и фасетками ретуши (рис. 7, 7); основание широкое прямое в виде плоскости сечения. Размеры – 7,0×5,1×1,7 см. Второе изделие имеет высокую сегментовидную форму с дугообразным острым лезвием с частичной ретушью (рис. 7, 8), основание такое же сечёное; изделие утончено плоскими односторонними фасетками, направленными от обушка. Размеры – 7,3×5,8×1,4 см. С ним сходно другое высокое сегментовидное изделие с дугообразным острым лезвием со следами ретуши и с выемками-фасетками (рис. 8, 8); обушок широкий прямой сечёный. Размеры – 4,3×3,5×0,8 см. Ещё одно изделие имеет подпрямоугольную форму с обушком-гранью в основании (рис. 7, 6), оно оформлено тремя сечениями и вентральной чешуйчатой ретушью на краю, а также небольшими фасетками утончения основания от обушка; на боковом выступе – тонкие резцовые сколы. Размеры – 5,4×4,2×1,1 см. Последнее изделие высокой сегментовидной формы с дугообразным лезвием, осложнённым ретушированной выемкой,

и с широким прямым основанием, оформленным фасетками частично с двух сторон (рис. 5, 1); размеры – 7,2×6,1×1,4 см.

Помимо такого рода изделий в коллекции представлены вкладыши с узким основанием для насада в торец рукоятки или метательного оружия. Одно такое изделие имеет узкое острое поперечное лезвие на конце, оформленное на месте площадки небольшими дорзальными фасетками. Оно изготовлено из короткого и тонкого отщепы, насадом служил дистальный сечёный конец, а на боковом краю двумя небольшими вогнутыми сечениями оформлен зубчатый «рогатый элемент» с парой острых выступов; размеры – 5,3×3,0×0,4 см, показатели удлинённости – 1,77 и массивности – 0,13.

Остальные изделия относятся к группе остроконечных вкладышей в торец составной основы. Они делятся на две группы в зависимости от характера заострённого окончания: в виде массивного выступа, трёхгранного в сечении (4 шт.), и в виде более тонкого острия (5 шт.). Среди первых отметим, прежде всего, изделие из короткого отщепы с широким асимметричным пером и поперечной кромкой (1,2 см) на окончании, оформленными с боков сечением и притупляющей ретушью, а с брюшка – фасетками; на боковом краю отретуширована широкая выемка, насадом выступает дистальное концевое сечение (рис. 8, 6). Размеры – 4,7×3,6×1,2 см, показатели удлинённости – 1,31 и массивности – 0,33. Ещё у одного изделия остроконечный выступ оформлен вентральным фасом на углу площадки, верхняя часть утончена вентральными фасетками, насад тонкий и с косым сечением; размеры – 6,3×4,4×1,4 см,

показатели удлинённости – 1,43 и массивности – 0,32. Остальные два изделия этой группы изготовлены из укороченных отщепов, причём остроконечный выступ располагается на относительно толстом боковом краю, а насад – на противоположном тонком краю. У одного выступ оформлен широким косым сечением, у другого – тремя толстыми сечениями, у обоих – насад подработан микросечениями, фасетками и выемками-фасетками. Размеры у первого – 10,4×6,0×2,2 см, а также 1,73 и 0,37 и у второго – 8,7×5,5×2,4 см, а также 1,58 и 0,44.

Среди изделий с тонким остроконечным окончанием один образец изготовлен из удлинённого плоского отщепа, остриё – с микроретушью, на боковом краю – острый шип, базальная часть сужена вентральными фасетками. Размеры – 7,3×3,2×1,1 см, а также 2,28 и 0,34. Два других изделия – из коротких желобчатых сколов. У одного остриё оформлено небольшим сечением и двумя выемками-фасетками, а черешок на месте тонкой изогнутой площадки; размеры – 5,8×3,2×0,9 см, а также 1,81 и 0,28. Второе изделие в форме ромба с сечением и дорзальной притупляющей ретушью на краю, насад – с крутой вентральной фасеткой. Размеры – 4,8×4,1×0,5 см, а также 1,17 и 0,12. Остальные два изделия – из укороченных сколов. У одного удлинённо треугольного изделия остриё оформлено на боковом краю косым сечением и дорзальной фасеткой, размеры – 7,2×3,2×1,1 см, а также 2,25 и 0,34. У другого – подтреугольного изделия остриё с косым микросечением и острым шипом сбоку, размеры – 5,6×3,8×0,6 см, а также 1,47 и 0,16.

Орудия с выступами – 29 шт. У большинства из них (18 шт.) на-

блюдаются два и более выступов, т.е. комбинации рабочих элементов (частей) одинаковых или различных функциональных назначений. К угловым резчикам, у которых на выступах имеется острая продольная или диагональная кромка, относятся 12 изделий. Оформление выступа и рабочей кромки велось с боков ретушированными выемками (рис. 7, 5, 9), различными фасетками (рис. 4, 2), выемками-фасетками (рис. 5, 3) и ретушью и сечениями. Одно орудие изготовлено из черепаховидного отщепа (рис. 4, 2). Имеются комбинации резчика с другими рабочими частями. На втором месте (6 шт.) находятся орудия с массивными остроконечными и трёхгранными в сечении выступами, оформленные весьма скупо отдельными фасетками и сечениями. Некоторые из этих орудий могли выполнять рубящие функции. Ещё одну форму представляют орудия с выступами скребущего профиля (5 шт.), для которых более характерна крутая односторонняя ретушь на выступе, оформленном с боков выемками и сечениями. Орудий с элементом шиповидного выступа-проколки – 4 шт. Резцевидные орудия – 2 шт. У последних присутствует узкая режущая кромка на выступе, но резцовые сколы обычно маловыразительны. Таким образом, «орудия с выступами» – здесь достаточно широкая и разнообразная категория орудий, включающая помимо описанного ещё режущие рабочие части, неровные ретушированные скребущие части, элементы углового резака.

Отщепы с ретушью – 6 шт. Здесь представлены маловыразительные орудия с ретушью на одном или нескольких краях – ретушь обычно непротяжённая, краевая, чешуйчатая,

или отдельными фасетками с одной или двух сторон.

Заключение

Как видим, индустрия нижнего горизонта Экибастуз-4 достаточно специфична. В первичном расщеплении здесь наблюдается сочетание ниже-среднепалеолитических приёмов снятия отщепов с помощью тяжёлого и лёгкого отбойников, в частности обушковых и черепаховидных форм, и верхнепалеолитических приёмов снятия пластин, в том числе с помощью посредника. В комплексе орудий отсутствуют типичные мустьерские остроконечники, скрёбла, ножи, а также типичные верхнепалеолитические формы скребков, острий и резцов; напротив, широко представлены тейякский компонент, техника рассечения заготовок и комбинаторика рабочих частей (элементов) орудий; характерны также крупные, грубо приготовленные орудия, чаще всего с заострённым окончанием, которые могли использоваться для добычания из эоценового пласта сырьевых отдельностей кварцита. Наличие серии специфических вкладышей из отщепов говорит в пользу развитого характера индустрии, по времени, вероятно, соответствующей эпохе верхнего палеолита. Аналогии данной индустрии очевидны – это кварцитовые материалы памятника Дузоке-3 [Волошин, 2011], а также индустрия из

мелкообломочной брекчии карбона в Баршин 3 [Волошин, 1982]. На обоих этих памятниках присутствуют бифасы. Отсутствие последних в нижнем горизонте Экибастуза-4, вероятно, случайно и обусловлено незначительным объёмом выборки; о вполне возможном производстве бифасов в данной индустрии свидетельствует наличие здесь орудий с распространённой ретушью (рис. 3, 2) и характер оформления нуклеусов двухсторонними фасадами (рис. 2, 1).

При оценке геологического возраста индустрии отметим, что генерации криогенных клиньев в верхней части отложений, скорее всего, относятся к позднеледниковью, а пылеватая карбонатизированная супесь слоя 5 – к известной «палевой толще» или к преображенским эоловым отложениям Прииртышья, имеющим возраст в пределах 15–17 тыс. л.н. [Кривоногов, 1988, с. 83]. Отмечено, что в сартане южная часть Западной Сибири, в том числе Среднее Прииртышье, входили в область развития дефляционных котловин и эоловых песков [Зыкина, Зыкин, 2012, с. 404]. Принимая во внимание эти обстоятельства, возраст нижнего горизонта Экибастуза-3, вероятно, следует определить как позднекараганский – раннесартанский.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волошин В.С. Местонахождение каменного века Баршин 3 в Тенгизской степи // Вопросы археологии и этнографии Центрального Казахстана. Караганда: изд-во КарГУ, 1982. С. 42–57.
2. Волошин В.С. Палеолитическая стоянка-мастерская Дузоке-3 // Вопросы археологии Казахстана. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана; НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2011. Вып. 3. С. 199–211.
3. Зыкина В.С., Зыкин В.С. Лёссово-почвенная последовательность и эволюция природной среды и климата Западной Сибири в плейстоцене. Новосибирск: «ГЕО», 2012. 477 с.

4 *Кривоногов С.К.* Стратиграфия и палеогеография Нижнего Прииртышья в эпоху последнего оледенения. Новосибирск: Наука, 1988. 231 с.

Сведения об авторе:

Волошин Валерий Степанович – научный сотрудник, Филиал Института археологии им. А.Х. Маргулана (г. Нур-Султан, Казахстан); voloshin49@list.ru

**ЕКІБАСТҰЗ-4 ТАС ҒАСЫРЫ ЕСКЕРТКІШІНІҢ
ТӨМЕНГІ МӘДЕНИ КӨКЖИЕГІ**

В. С. Волошин

Мақалада Екібастұз-4 тас ғасыры ескерткішінің сипаттамасы беріледі, стратиграфикалық және геоморфологиялық мәліметтері келтіріледі, 1988 ж. төменгі мәдени қабатын тазалау кезінде алынған сапалы эоцен кварцитті артефактілер жиынтығы суреттелген. Өзіне тән ерекше түрлері бар өндіріс түрлерінің мынандай сипаттамасы беріледі: бастапқы ыдырауда – жаңқалықтарды жарудың төменгі-ортапалеолиттік әдісінің және тілімшелерді алудың жоғарыпалеолиттік әдістерінің үйлесуі, екінші реттегі ыдырауда – тейяктік құрамдасы, дайындауды қабаттық техникасын және жұмыс құралдары бөлшектерінің (элементтерін) комбинаторикасын кеңінен дамыту, жаңқалықтан жасалынған қосалқы саймандардың, сондай-ақ ірі және тұрпайы жарғыш құралдардың ерекше топтамасы. Соңғы қарғалық – ерте сартандық секілді өндірістің геологиялық жасының пайдасына дәлелдер келтіріледі.

Түйін сөздер: археология, Екібастұз-4, ескерткіш, өндіріс, құрал, жұмысшы бөлшегі, өңдеме, қабат, жоғарғы палеолит, техника

**LOWER CULTURAL HORIZON OF STONE AGE
MONUMENT EKIBASTUZ-4**

V. S. Voloshin

The article describes the monument of the Stone Age Ekibastuz-4, it provides stratigraphic and geomorphological data, describes the collection of artifacts from the qualitative quartzite of the Eocene, obtained in the cleaning of 1988 from the lower cultural horizon. There is given a characteristic of specific type of the industry for which the following is peculiar: in primary splitting – combination of lower middle paleolithic techniques of flakes cleaving and the upper paleolithic methods of plates removal, in secondary splitting – a Tayac component, widespread development of technology of sectioning of blanks and combinatorial set of working parts (elements) of tools, a series of specific insert tools from flake and also large and rough chopping tools. Arguments are made in favor of the geological age of the industry as late Kargin – early Sartana.

Keywords: archaeology, Ekibastuz-4, monument, industry, tool, working part, re-touch, layer, upper paleolithic, technique

REFERENCES

1. Voloshin, V. S. 1982. In *Voprosy arheologii i etnografii Tsentralnogo Kazahstana. (Questions of archeology and ethnography of Central Kazakhstan)*. Karaganda: Karaganda State University Publ., 42–57 (in Russian).

2. Voloshin, V. S. 2011. In Beisenov, A. Z. (ed.). *Voprosy arheologii Kazahstana (Questions of archeology of Kazakhstan)*, 3. Almaty: A.Kh. Margulan Institute of Archeology; “Begazy-Tasmola” Publ., 199–211 (in Russian).

3. Zykina, V. S., Zysin, V. S. 2012. *Lyossovo-pochvennaya posledovatel'nost i evolyutsiya prirodnoy sredy i klimata Zapadnoy Sibiri v pleystocene (Loess-soil sequence and evolution of the natural environment and climate of Western Siberia in the Pleistocene)*. Novosibirsk: “GEO” Publ. (in Russian).

4. Krivonogov, S. K. 1988. *Stratigrafiya i paleogeografiya Nizhnego Priirtyshiya v epohu poslednego oledeneniya (Stratigraphy and paleogeography of the Lower Irtysh Region during the last glaciations)*. Novosibirsk: “Nauka” Publ. (in Russian).

About the Author:

Voloshin Valery S. Researcher, Branch of the A.Kh. Margulan Archeology Institute, Nur-Sultan, Kazakhstan; voloshin49@list.ru

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді.
/ Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
/ Disclosure of conflict of interest information. The author claim no conflict of interest.

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 30.10.2019.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 06.11.2019.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 13.11.2019.

ГОНЧАРНОЕ ПРОИЗВОДСТВО НА ТЕРРИТОРИИ ДРЕВНЕЙ ДЕЛЬТЫ СЫРДАРЬИ В ЭПОХУ АНТИЧНОСТИ: НОВЫЕ ДАННЫЕ

© 2020 г. С. Б. Болелов, Ж. Р. Утубаев

В статье публикуются результаты нескольких лет раскопок на поселении Бабиш-Мулла 7, на территории древней дельты Сырдарьи, где во второй половине I тыс. до н.э. была распространена земледельческая чирикратская археологическая культура. Бабиш-Мулла 7 – крупный производственный гончарный центр III–II вв. до н.э., снабжавший керамикой население крупного земледельческого оазиса. На поселении открыты двухъярусные керамические обжигательные горны двух типов. Прямоугольные горны I-го типа по конструктивным признакам не имеют аналогий на территории Средней Азии. Рядом с горнами раскопаны производственные помещения, где изготавливалась посуда.

Ключевые слова: археология, древнеземледельческая культура, поселение, производственный центр, двухъярусный обжигательный керамический горн, керамика, гончарная мастерская

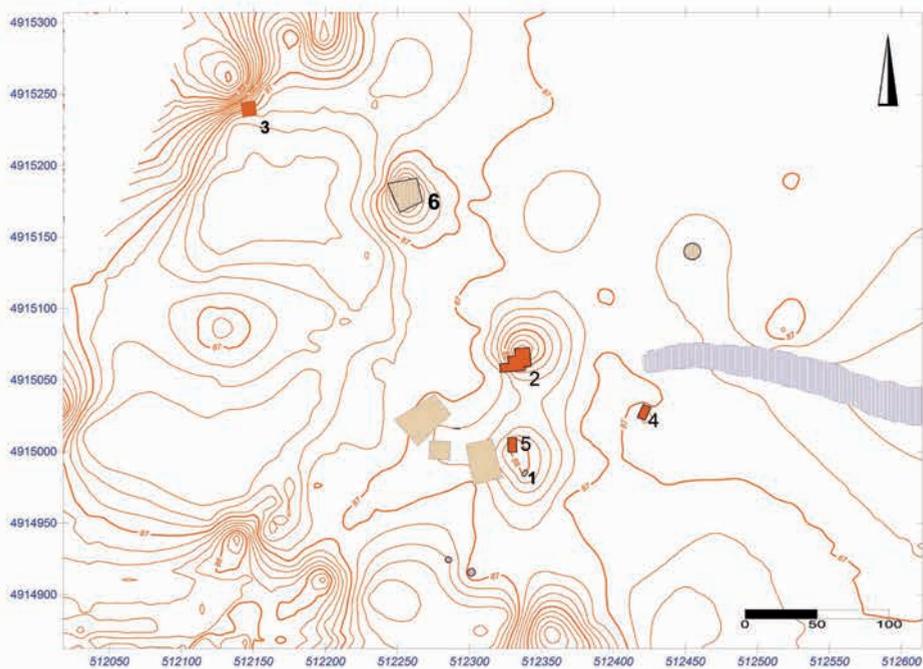
Введение

Поселение Бабиш-Мулла 7, которое является крупнейшим и наиболее изученным в настоящее время гончарным производственным центром не только на территории нижней Сырдарьи, но и в пределах всего Южного Приаралья, расположено на восточном берегу сухого русла р. Жанадарья в 5 км к ЮВ от городища Бабиш-Мулла 1. Общая площадь поселения приблизительно 1,6 га – 450×350 м. Во всяком случае, именно на этом участке отмечены следы построек и хорошо видимые на поверхности современного такыра развалы обжигательных горнов (рис. 1; А). С запада к поселению был подведен канал-водохранилище шириной 15 м. Береговые отвалы до сих пор отчетливо прослеживаются на поверхности такыра (рис. 1; Б).

Описание материала

Максимальная концентрация предполагаемых построек и разва-

лов горнов фиксируется в южной части поселения. Именно сюда был подведен канал-водохранилище. Обжигательные горны, которые на поверхности четко прослеживаются в виде развала керамического шлака и пещины, располагались как отдельно, на некотором удалении от предполагаемых построек, так и рядом с ними. Всего, в настоящее время, в результате визуального обследования поселения выявлено 11 обжигательных горнов, но, несомненно, их было больше. В южной части поселения, на уровне современной дневной поверхности, также в результате визуального обследования поселения, зафиксировано семь предполагаемых построек, которые могут быть как небольшими жилыми домами, так и мастерскими (рис. 1; А). На поверхности они определяются обширными скоплениями керамики, в некоторых случаях на поверхности видны контуры стен из

A

B

Рис. 1. Поселение Бабиш-Мулла 7. Фото авторов
Fig. 1. The settlement of Babish Mulla 7. Authors's photo

сырцового кирпича. Надо полагать, постройки сильно размыты, но, судя по скоплению керамики, характеру и цвету грунта на поверхности такыра, можно предполагать наличие культурного слоя на объектах.

В северо-западной части поселения на берегу сухого русла (расстояние до берега 50–60 м) обнаружена довольно крупная усадьба. На поверхности четко видны контуры стен помещений, сложенных из прямоугольного сырцового кирпича на пахсовом основании. Большая часть усадьбы в настоящее время погребена под барханом, но уже по открытым в ходе раскопок помещениям можно говорить, что это было большое многокомнатное здание. Площадь шести раскопанных помещений, с учетом того, что некоторые из них вскрыты не полностью, была не менее 200 кв. м (рис. 2). Принимая во внимание то, что открыто меньше половины здания, можно предположить, что общая его площадь, не считая дворов, была не менее 500–600 кв. м, а возможно и больше. Таким образом, если наши предположения верны, то усадьбу на поселении Баланды вполне можно сравнить с крупными и средними сельскими усадьбами античного Хорезма¹. Так, например, площадь жилого дома усадьбы № 3 в Аязкалинском поселении, ранний слой которого датируется IV–III вв. до н.э., была немногим более 600 кв. м. (18×34 м). Площадь жилых помещений – 340 кв. м. [Неразик, 1976, с. 40–43]. Планировка усадьбы на поселении Бабиш-Мулла 7 полностью не выявлена, по этой причине нам трудно отнести ее к какому-либо типу сельского жилища, выявленного в Хорезме. Осторожно можно предполагать, что это четвертый тип домов, выделенный Е. Е. Неразик, в котором чередуются крупные и мелкие поме-

щения, расположенные в несколько рядов [Неразик, 1976, с. 159].

На территории поселения практически полностью раскопан жилищно-производственный комплекс (Раскоп 2 – Мастерская № 1), который включал в себя два обжигательных горна, производственные и жилые помещения (рис. 3) [Утубаев, Болелов, 2016, с. 56–62]. К югу от раскопа 2 частично открыт еще один производственный комплекс (мастерская № 2) (рис. 4), который, по всей видимости, являлся частью крупной усадьбы. Во всяком случае, об этом можно догадываться по планировкам построек, контуры которых прослеживаются на уровне современной дневной поверхности рядом с раскопанными горнами (рис. 1).

В 2019 году в северной части поселения, к югу от Усадьбы начаты раскопки еще одного производственного комплекса, где полностью раскопан обжигательный горн № 7 и вскрыта часть большого монументального здания рядом с ним (рис. 5). Кроме того, на территории поселения полностью раскопаны два обжигательных керамических горна и расчищен развал еще одного разрушенного горна. Все они расположены на некотором расстоянии от жилых и производственных помещений.

Обсуждение материала

Таким образом, на территории поселения Бабиш-Мулла 7 за пять полевых сезонов раскопано семь обжигательных горнов, гончарные мастерские и, частично, жилое здание – Усадьба. Полученные в ходе раскопок материалы открывают практически новую страницу в истории керамического производства Южного Приаралья.

Первые обжигательные горны, являющиеся безусловным свидетель-

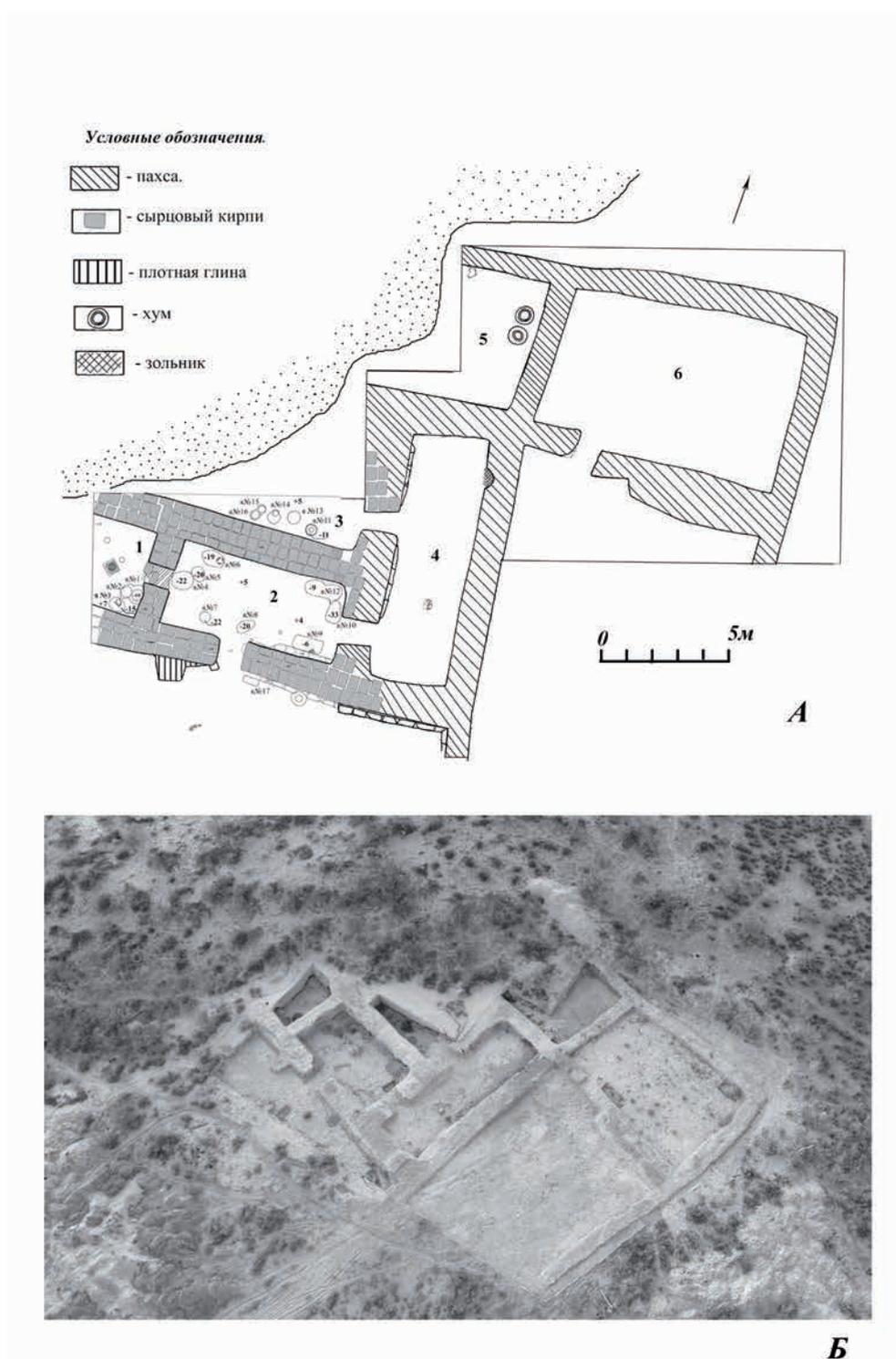
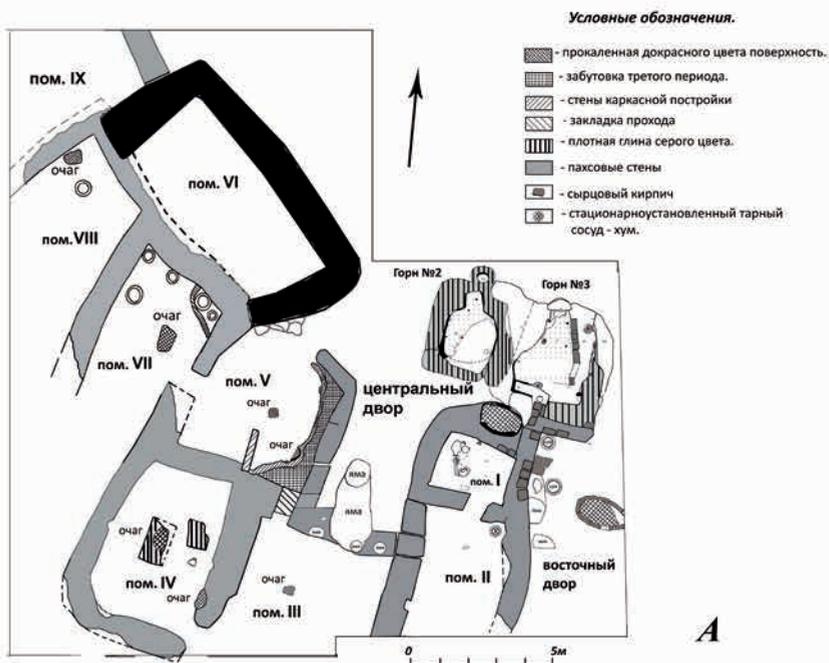
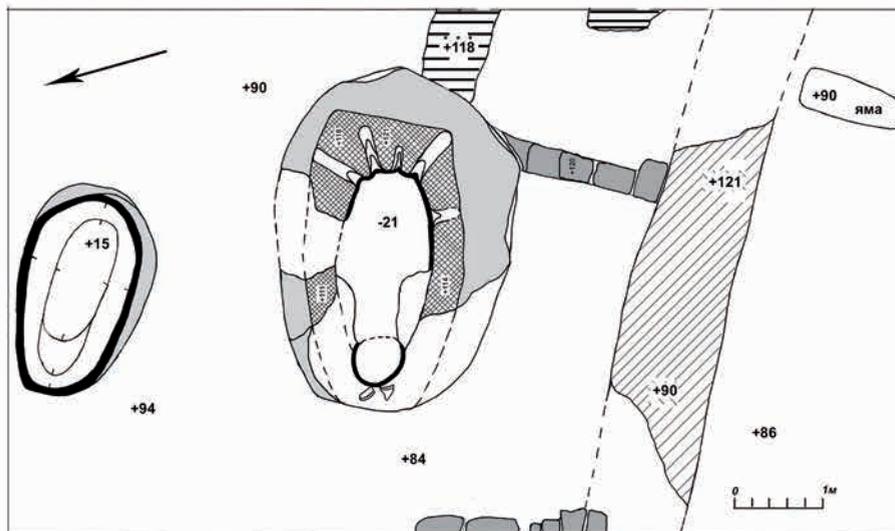

Рис. 2. Бабиш-Мулла 7. Раскоп 3. Усадьба
 Fig. 2. Babish-Mulla 7. Excavation 3. Manor

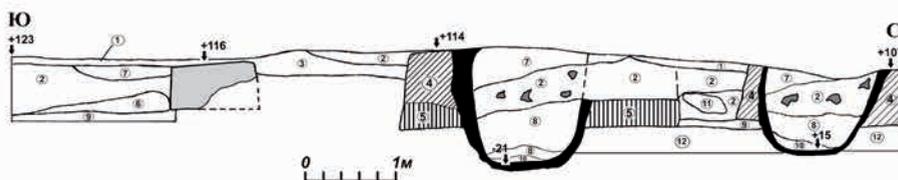
Рис. 3. Бабиш-Мулла 7. Раскоп 2
Fig. 3. Babish-Mulla 7. Excavation 2

Условные обозначения.

А

- пахсовая стена топочной камеры	- ошлакованная поверхность топочной камеры
- стена помещения.	- прокаленная до красного цвета поверхность.
- плотная глина	- сырецый кирпич

Условные обозначения.

Б

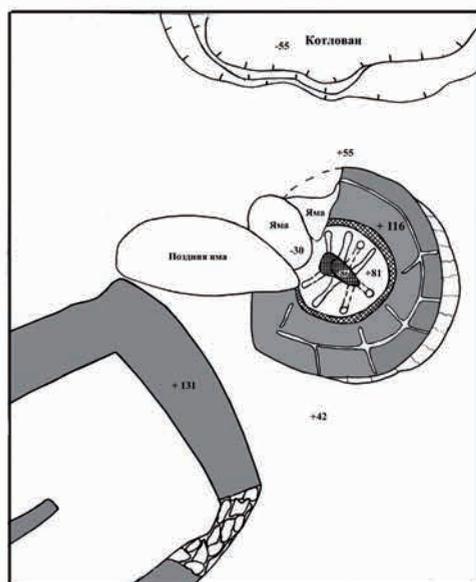
1 - слой супеси серо-коричневого цвета.	9 - плотный слоистый суглинок коричневого цвета
2 - слой рыхлой супеси серого цвета с большим кол-вом комков обожженной глины и керамического шлака.	10 - плотный слой спелекшейся солы и пепла серого цвета.
3 - слой рыхлого комковатого суглинка серо-коричневого цвета с высоким содержанием золы	11 - слой прокаленного до красного цвета песка
4 - плотная глина-пахса	12 - плотный песок коричневого и светло-коричневого цвета.
5 - плотная глина серо-коричневого цвета	- пахсовая стена в разрезе.
6 - слой плотной комковатой глины коричневого цвета с кусками сырецый кирпича.	
7 - рыхлая пылевидная супесь серого цвета	
8 - слой комковатого суглинка красно-коричневого цвета с комками прокаленной до красного цвета глиной и фрагментами ошлакованных кирпичей.	

Рис. 4. Бабиш-Мулла 7. Раскоп 4. Мастерская 4

Fig. 4. Babish-Mulla 7. Excavation 4. Workshop 4

A

Б

Условные обозначения.

- - пахса
- - бесформенные куски плотной глины (гувалки).
- - оплавленная до серо-зеленого цвета глина
- - прокаленная до красно-оранжевого цвета глиняная обмазка.

Рис. 5. Бабиш-Мулла 7. Раскоп 6
Fig. 5. Babish-Mulla 7. Excavation 6

ством существования ремесленного гончарного производства, были открыты в процессе раскопок городища Бабиш-Мулла 1 в начале 1960-х гг. В пределах входного айвана восточной части «Большого дома» на цитадели городища были открыты части топочных камер (ТК) нескольких горнов, относящихся к первому периоду существования памятника [Толстов и др., 1963, с. 63–64]. Горны были двухъярусные, прямоугольные в плане, длиной 2 м и шириной не более 1 м, с прямым вертикальным ходом горячих газов. Теплопроводные каналы (распределители тепла – РТ) в пределах тепловодно-разделительного блока (ТРБ)² располагались параллельно друг другу и перпендикулярно относительно центральной продольной оси горна. В обжигательную камеру (ОК) они открывались округлыми в плане продухами [Воробьева, 1961, с. 171]. Остатки специальных обжиговых устройств были открыты на поселении Баланды. На усадьбе № 2 расчищены нижние части, по крайней мере, двух, прямоугольных в плане, обжигательных горнов, топочная камера которых была облицована поставленными на ребро квадратными сырцовыми кирпичами. Надо полагать, конструкция этих горнов была близка или просто идентична конструкции двухъярусных прямоугольных горнов на городище Бабиш-Мулла 1 [Курманкулов, Утубаев, 2013, с. 114–115; рис. на с. 137].

На поселении Бабиш-Мулла 7, как уже отмечалось выше, раскопано семь обжигательных керамических горнов. По конструктивным признакам выделяются два типа специальных обжиговых устройств.

Тип 1 – прямоугольные в плане двухъярусные обжигательные горны с прямым вертикальным ходом горячих

газов. Площадь и размеры ТК почти равны площади и размерам ОК. Большая часть продухов устроена в плоском перекрытии топочной камеры. К этому типу относится горн № 1, два горна в мастерской № 1 (горны № 2 и 3), а также горн № 5 в мастерской № 2. От горна № 6 в этой же мастерской сохранилась только нижняя часть ТК, по этой причине о его конструкции нельзя сказать что-либо определенное.

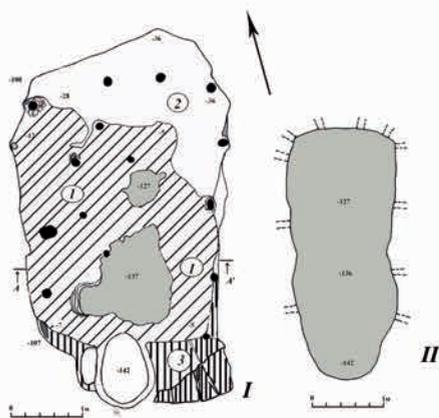
Один из горнов этого типа (горн № 1) раскопан полностью. На основании полученных данных нам удалось в деталях выявить характерные конструктивные особенности, присущие этому типу обжиговых устройств. Вход в топку, ориентированную по линии ССВ–ЮЮЗ, был с юга. Это овальная в плане яма (1×0,64 м), устроенная в пахсовом массиве, которая почти вертикально опущена немного ниже уровня ТК, дно которой зафиксировано на отметках -132 – -127 от реперной точки. ТК была почти овальная в плане, при этом часть, обращенная к входу, была несколько уже, чем ССВ часть сооружения. Длина топочной камеры – 3,5 м, ширина в южной части – 0,9 м, в северной части – 1,2 м. В ходе раскопок удалось достоверно установить, что крайние РТ, расположенные по периметру топочной камеры, выходили из топки под углом по отношению к ее вертикальной оси. Таким образом, увеличивалась площадь ОК. Размеры ее определяются лишь приблизительно по крайним продухам. Площадь была, как можно предполагать, немногим менее 10 кв. м – 3,6×2,7 м. Под обжигательной камеры, верхний уровень которого зафиксирован на отметках -5 – -12 от реперной точки³, представляет собой плотную сильно прокаленную поверхность желто-красно-оранжевого цвета. На поверхности

пода четко прослеживаются округлые в плане продухи, которыми заканчиваются РТ, устроенные в перекрытии топочной камеры. Диаметр продухов в верхней части, на выходе в обжигательную камеру, – 8–12 см. Как можно предполагать, они располагались в площади обжигательной камеры в четыре ряда. На уровне пода расчищено 16 продухов, но так как часть перекрытия топочной камеры обвалилось, можно предполагать, что их было больше, не менее 20 (рис. 6; А, I).

Стены топочной камеры шириной 0,7–0,8 м сложены из плотной пахсы. Нижняя часть топки была заглублена на 30–45 см от уровня древнего такыра, который в северо-западной части раскопа зафиксирован на отметках -100 – -107 от реперной точки (рис. 6; А, III). Таким образом, топка горна № 1 возвышалась над древней дневной поверхностью, по крайней мере, на 1 м. Способ перекрытия ТК остается неясным. Можно с уверенностью говорить, что свода здесь не было; ни одного сырцового кирпича в процессе раскопок не обнаружено. Предполагаем, что оно было плоским на деревянном каркасе, который не сохранился: в паховых стенах с внешней стороны обнаружены округлые в поперечном сечении отверстия диаметром 7–8 см. Возможно, это следы от горизонтальных жердей. Отметим, что следы деревянных жердей (5–7 см в диаметре), надо полагать, уложенных горизонтально, отмечены и в стенах топочной камеры горна № 2 (Мастерская № 1). Если это действительно так, то перекрытие топочной камеры можно реконструировать следующим образом. На стены топки укладывались деревянные жерди каркаса, которые переплетались прутьями. Затем эта конструкция тщательно обмазывалась толстым слоем глины с

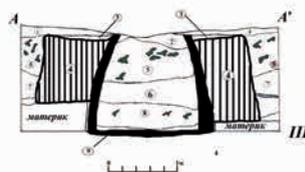
обеих сторон. В процессе эксплуатации горна глина обжигалась до состояния обожженного кирпича, а прутья и жерди выгорали. Аналогичный прием, применявшийся при сооружении перекрытия топки, зафиксирован в одном из горнов конца V–IV вв. до н.э. на поселении Саратапа 2, в окрестностях Самарканда, где в плоском перекрытии выявлены следы деревянной арматуры [Иваницкий, 1992, с 23].

Тип 2. К этому типу относятся два горна - № 7 (мастерская № 3) (рис. 5) и отдельно расположенный горн № 4 (рис. 7). Оба двухъярусных обжигательных горна с прямым вертикальным ходом горячих газов раскопаны полностью. Основным отличием этих обжиговых устройств от горнов 1-го типа является форма ОК. В обоих случаях она круглая диаметром от 4,4 м (горн № 4) до 5,2 м (горн № 7). Можно осторожно предполагать, что стены ОК камеры горна № 4 были сложены из сырцового кирпича. Во всяком случае, в северной части, на месте предполагаемого входа в ОК, расчищено несколько кирпичей размерами – 50×28×? см; 50×30×? см. Стены ТК построены на уровне материка из блоков пахсы высотой 45–55 см. Ширина стен – 0,6–0,8 м. Стены ОК горна № 7 толщиной – 1,2–1,4 м сохранились несколько лучше. Они, также как и стены ТК, были построены из плотной пахсы серо-коричневого цвета. Массив паховой кладки был армирован деревянными жердями, которые разделяли паховые блоки. При зачистке горизонтальной поверхности сохранившейся части стен горна четко прослеживается два ряда паховых блоков, уложенных по периметру обжигательной камеры и разделенных деревянными жердями. Жерди диаметром или шириной 5–10 см четко прослеживаются по древесному

Условные обозначения.

- I.1 - прокатанная до красно-оранжевого цвета плотная поверхность пола обжигательной камеры.
- I.2 - обожженная до красного цвета глина.
- I.3 - пахса

Условные обозначения.

- III.1 - рыхлая пылевидная супесь серого цвета (слой надувного лесса)
- III.2 - слой плотной супеси серого цвета.
- III.3 - прокатанные до красна глиняные обмазки.
- III.4 - пахсовые стены
- III.5 - рыхлый комковатый суглинок с большим кол-вом кусков керамического шлака.
- III.6 - глинисто-супесчаные натски
- III.7 - плотная супесь серо-коричневого цвета
- III.8 - плотный комковатый суглинок
- III.9 - слой золы и пепла с большим кол-вом древесных угольков.

А

Б

А- горн №1. План и разрез топочной камеры.
Б- горн №1. Фото, вид с юга.

Рис. 6. Бабиш-Мулла 7. Горн № 1

Fig. 6. Babish-Mulla 7. Horn No. 1

тлену. Ширина пахсовых блоков 40–70 см. Кроме того, деревянные жерди укладывались и радиально (рис. 5).

ТК в горнах 2-го типа, которые частично вырублены в материковом грунте, были овальными в плане. Следует заметить, что длина топки горна № 4 почти в два раза превышает длину ТК горна № 7. Высота топочной камеры, ширина которой у обоих горнов не превышала 0,8 м, от уровня пола до перекрытия – 1,3–1,5 м. Есть основания полагать, что топка у горнов этого типа была перекрыта поставленными под углом на ребро прямоугольными сырцовыми кирпичами – «стреловидный свод». Во всяком случае, фрагменты оплавленных и обожженных сырцовых кирпичей отмечены на стенках и в заполнении ТК горна № 4. Кроме того, поставленными на ребро сырцовыми кирпичами были облицованы стенки входа в топку горна № 4 (рис. 7: А).

Подача горячих газов из топки в ОК осуществлялась через РТ, которые расположены параллельно или почти параллельно друг другу, но под прямым углом к центральной оси ТК (рис. 7). РТ начинались на высоте 70–80 см от пола ТК и под углом отходили вверх, где открывались продухами на уровне пода ОК. В сохранившейся части пода ОК горна № 4 расчищено пять округлых в плане продухов диаметром 10–12 см (рис. 5), но их, несомненно, было больше. По всей видимости, один ряд продухов располагался по периметру вплотную к стене ОК. Можно предполагать, что в центре ОК было еще несколько продухов, которыми заканчивались вертикальные РТ, устроенные непосредственно в центральной части перекрытия топки.

Перед входом в топочную камеру горна № 4 обнаружены следы, надо

полагать, ветрозащитного устройства. В небольшом приямке шириной 1 м и глубиной 35–40 см обнаружены две столбовые ямки диаметром 10–12 см (рис. 5, А). По всей видимости, это следы вертикальных стоек, на которые мог опираться щит, закрывавший устье топочной камеры, который, возможно, еще и прикрывал вход от ветра.

На основании данных, полученных в последние годы, в результате раскопок поселения гончаров Бабиш-Мулла 7 уверенно можно говорить о двух типах обжигательных горнов, открытых на памятнике. Они различаются, прежде всего, по конструктивным признакам: форма ОК и способ перекрытия ТК. Возможно, как отдельный тип можно рассматривать остатки горнов, открытых на городище Бабиш-Мулла 1. Так как от них сохранилась только топочная камера, форма ОК нам неизвестна. Можно только предполагать, что она была прямоугольной. Также о характере перекрытия ТК мы можем только догадываться. Есть основание предполагать, что топка, ширина которой менее 1 м, была перекрыта поставленными наклонно сырцовыми кирпичами [Воробьева, 1961, с. 171; Вайнберг, Левина, 1993, с. 24]. Если это действительно так, то горны на Бабиш-Мулле 1 и, возможно, на поселении Баланды можно рассматривать как промежуточный тип обжиговых устройств.

Исследования поселения Бабиш-Мулла 7 однозначно дают все основания полагать, что на территории Нижней Сырдарьи в эпоху античности – III–II вв. до н.э. успешно функционировало крупное специализированное гончарное производство, расположенное в ближайшей округе столичного центра – городища Бабиш-Мулла. Памятник можно ква-

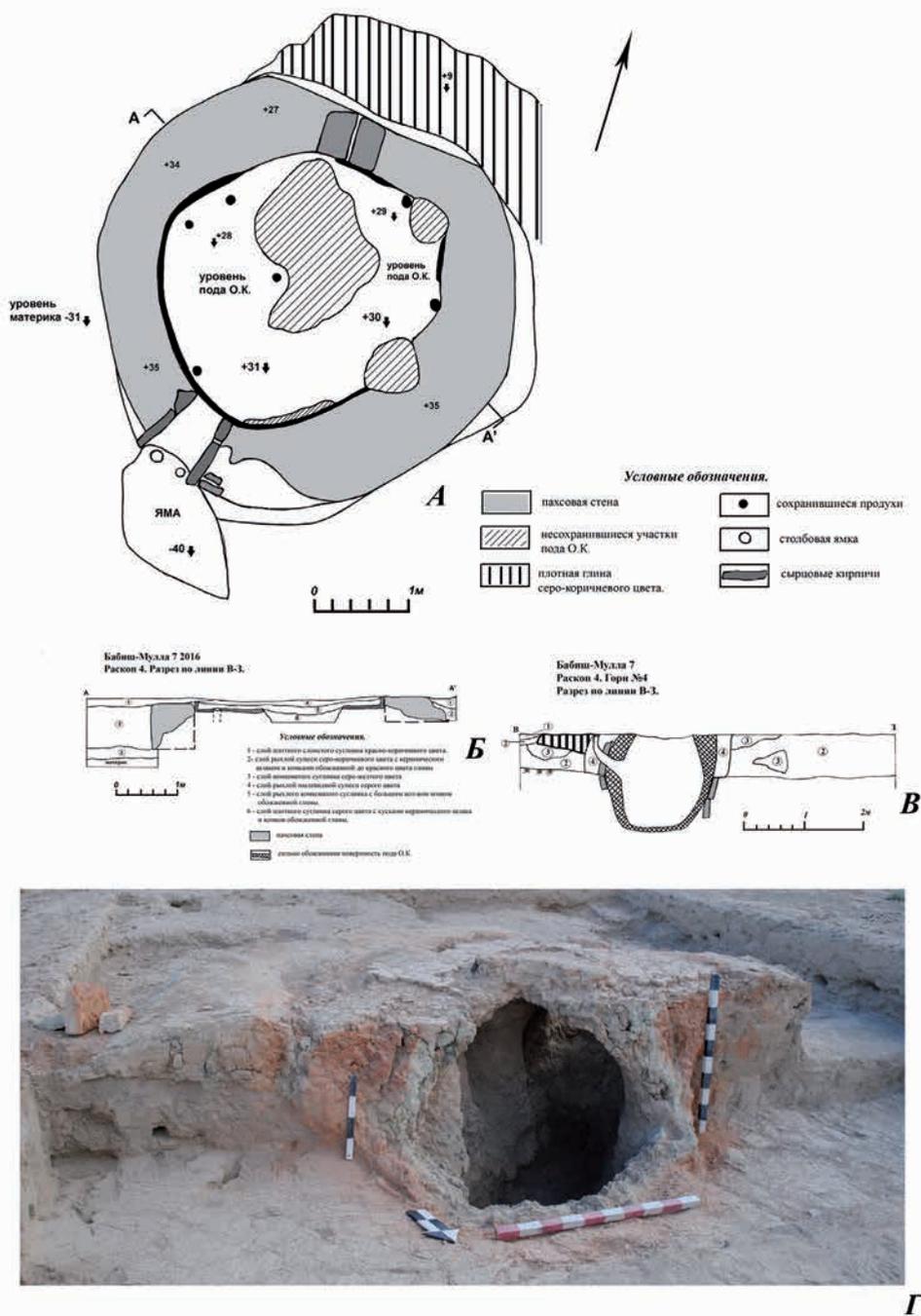

Рис. 7. Бабиш-Мулла 7. Горн № 4
Fig. 7. Babish-Mulla 7. Horn No. 4

лифицировать как специализированное ремесленное поселение.

В южном Приаралье, прежде всего в Хорезме, известно некоторое количество производственных гончарных центров. По объему производства они вполне сопоставимы с поселением Бабиш-Мулла 7. Однако в Хорезме это были сезонные производства [Болелов, 2013а, с. 35–37], тогда как Бабиш-Мулла 7 было постоянным поселением, работавшим круглый год. Об этом красноречиво свидетельствуют остатки жилых построек и довольно крупная усадьба в северной его части. Кроме того, необходимо отметить мастерскую, расположенную рядом с горнами № 2, 3, в которой можно было работать круглый год. На территории Южного Приаралья это второй случай, когда здание мастерской располагалось в непосредственной близости от обжигательного горна. На поселении Хумбузтепа в южном Хорезме, которое также являлось крупным производственным центром, открыт обжигательный горн и часть мастерской рядом с ним, которые датируются не позднее конца VI в. до н.э. Также как и в мастерской на Бабиш-Мулле 7, на Хумбузтепа найдены хумы с кусками пластичной производственной глины и фрагментами сформованных, но необожженных сосудов [Болелов, 2013б, с. 81].

На территории Хорезма в античный период по археологическим данным фиксируются три организационные формы ремесленного производства, представленные несколькими типами памятников:

- общинное ремесло – одиночные горны на территории поселений;
- ремесленное сезонное производство – небольшие гончарные центры на берегах каналов на территории земледельческих оазисов;

- крупное специализированное ремесленное производство – крупные гончарные центры и специализированные или многофункциональные ремесленные поселения на окраинах оазиса [Болелов, 2002, с. 11–13; 2013в, с. 15–16].

На территории Нижней Сырдарьи по археологическим данным зафиксированы пока только две организационные формы гончарного производства: общинное ремесло – обжигательные горны на поселении Баланды и крупное специализированное постоянное гончарное производство – Бабиш-Мулла 7. Обращает на себя внимание одно, на наш взгляд, немаловажное обстоятельство. Поселение Бабиш-Мулла 7 находится практически в центре земледельческого оазиса, ремесленные поселения и крупные производственные центры Хорезма располагались на северо-западной границе области в зоне контактов со скотоводами-кочевниками, оставившими многочисленные курганные могильники в Присаракамышье, возможно в районе постоянных зимовок. Именно на эти группы кочевников и было ориентировано товарное производство ремесленных поселений [Вайнберг, 1981, с. 125; 1999, с. 108–109]. Курганных могильников IV–II вв. до н.э., которых определенно можно было бы связать с кочевниками в области среднего течения Жанадарьи, пока не обнаружено. Таким образом, нет никаких оснований считать, что гончарное производство в окрестностях Бабиш-Муллы было ориентировано на кочевников или группы скотоводов, проживавших в пределах земледельческого оазиса. С уверенностью можно говорить, что основными потребителями продукции производственного керамического центра были жители ирригационного района.

В связи с этим обращает на себя внимание крупная усадьба в северной части поселения. Надо полагать, по размерам и планировке она отличалась от остальных построек на поселении. Кроме того, в непосредственной близости от усадьбы нет следов производства. Учитывая все это, весьма заманчиво квалифицировать это здание как усадьбу управляющего или главы поселения, контролировавшего процесс производства. Кроме того, следует отметить, что производственный центр расположен в непосредственной близости от центра оазиса – городища Бабиш-Мулла и следов других гончарных производств на территории оазиса до сих пор не зафиксировано. На раннем этапе функционирования поселения к нему был подведен канал, что само по себе сопряжено с использованием значительных трудовых ресурсов. Все эти факты дают некоторые основания предположить, что производственный центр мог работать под контролем центральной власти, который осуществлялся управляющим и возник, может быть, не без ее участия.

Несколько подробнее следует остановиться на конструкции обжигательных горнов 1-го типа, открытых на поселении. Прямоугольные в плане горны, которые датируются последней третью I тыс. до н.э., не известны не только на территории Южного Приаралья, но и всей Средней Азии. Единственная историко-культурная область на Среднем Востоке, где в эпоху античности использовалась прямоугольная двухъярусная конструкция – это Бактрия. Здесь прямоугольные обжигательные горны со сводчатым перекрытием топочной камеры появляются не ранее рубежа н.э., а до этого времени на территории области, также как и во всей

Средней Азии, были только округлые двухъярусные обжигательные горны [Болелов, 2001, с. 21–22; 2010, с. 27]. При этом следует заметить, что и у прямоугольных, и у округлых в плане горнов камера была полностью заглублена ниже уровня древней поверхности. Горны, раскопанные на Бабиш-Мулла 7, являются уникальными по двум причинам. Во-первых, они, также как и на городище Бабиш-Мулла, были прямоугольными или близкими к прямоугольным в плане. Во-вторых, топочная камера, в отличие от всех остальных среднеазиатских горнов III–II вв. до н.э., построена из пахсы практически на уровне древней дневной поверхности. Не вызывает сомнения тот факт, что прямоугольные двухъярусные обжигательные горны появляются в низовьях Сырдарьи уже как готовая, полностью сформировавшаяся конструкция, причем привнесенная извне. Во всяком случае, специальных устройств для высокотемпературного обжига керамики, которые можно было бы датировать до III в. до н.э., в низовьях Сырдарьи пока не обнаружено. Вся местная керамика сакского периода лепная и была обожжена в костре

Единственной, но отнюдь не прямой и весьма отдаленной территориально аналогией горнам Бабиш-Мулла 7 являются специальные обжиговые устройства, раскопанные в Западном Прикаспии, на территории Кавказской Албании. Они представляли собой двухъярусное прямоугольное в плане сооружение из сырцовых кирпичей. Топочная камера перекрывалась сводом, опиравшимся на прямоугольные выступы на стенках топочки. Здесь следует заметить, что стены топочной камеры, независимо от того, сооружалась ли она в специально вырытом котловане или была немного

заглублена в грунт, всегда строились из сырцовых кирпичей или пахсы. Самые ранние из этих горнов (Мингечаур) датируются III–II вв. до н.э. [Ионе, 1949, с. 42–52]. Такая конструкция обжигательных горнов практически без изменений существовала и в более позднее время [Халилов, 1965, с. 157–159].

Горны 2-го типа поселения Бабиш-Мулла 7 по конструктивным признакам очень близки горнам, раскопанным на городище Калалы-гыр 1 в Левобережном Хорезме, устроенным в цоколе крепостной башни уже давно запустевшего (или недостроенного) городища. Топочная камера была перекрыта стрельчатым сводом в виде двух наклонно поставленных и опирающихся друг на друга сырцовых кирпичей. Следует заметить, что такой же тип перекрытия прослеживается и у горна, открытого на Бабиш-Мулле 7 и, возможно, на городище Бабиш-Мулла 1. Расположение РТ у горна № 4 полностью соответствует конструкции тепловодоразделительного блока (ТРБ – по А. А. Бобринскому) у горнов на городище Калалы-гыр 1 [Воробьева, 1959, с. 210]. Таким образом, горны на Калалы-гыр 1 являются практически полной аналогией горну № 4 на поселении Бабиш-Мулла 7. Разница состоит лишь в том, что топка горнов на Калалы-гыр 1 вырублена в строительной конструкции (цоколь башни), а ТК горна на Бабиш-Мулле 7 лишь на треть заглублена в материковый грунт и стены ее целиком сложены из пахсы. Значительный хронологический разрыв между этими двумя объектами, который составляет минимум 400 лет (горны Калалы-гыр 1 по сопутствующему материалу датируются II–III вв. н.э.), не дает основание связывать их напрямую.

Заключение

Начальный этап становления ремесленного гончарного производства в низовьях Сырдарьи по своему содержанию весьма схож с таким же процессом в низовьях Амударьи. И в том, и в другом случае это результат привнесенных на эти территории новых прогрессивных технологий. На территории Хорезма они появляются не позднее конца VII в. до н.э., видимо, в результате инфильтрации каких-то групп населения и ремесленников из южных областей Средней Азии, в первую очередь, из районов дельты Мургаба, уже недостаточно обводненной в это время. Об этом достаточно красноречиво свидетельствует конструкция ранних хорезмийских горнов и комплекс керамики типа Яз II–III [Болелов, 2004; 2017]. На территории древней дельты Сырдарьи процесс становления гончарного производства, во всяком случае, учитывая имеющиеся в настоящее время археологические данные, во многом остается еще неясным. На основании анализа раннего керамического комплекса (нижние слои Чирик-Рабата, нижние слои Баланды 1) можно говорить о влиянии на гончарное производство чирикратской культуры керамической традиции Хорезма. Но это касается, прежде всего, форм и типов сосудов. Не исключено, что и гончарный круг мог попасть в низовья Сырдарьи из Хорезма, хотя это и не обязательно. Намного сложнее вопрос о появлении на берегах Жанадарьи двухъярусного обжигательного керамического горна. Как уже отмечалось выше, на территории античной Средней Азии неизвестно даже отдаленных параллелей чирикратским горнам 1-го типа. Мы можем высказать по этому поводу лишь некоторые соображения.

В последней трети I тыс. до н.э. функционировал водный путь по Узбою, который через Каспий связывал Хорезм и области Западного и Юго-Западного Прикаспия [Боделов, 2005, с. 229–232]. В это же время функционировал торговый сухопутный путь из Хорезма в область древней дельты Сырдарьи. Об этом свидетельствуют находки импортных, не только хорезмийских вещей, но и предметов из Северного Причерноморья и Закавказья на памятниках чирикратской культуры [Боделов, 2015, с. 24–25]. Учитывая это обстоятельство, в качестве предварительной

рабочей гипотезы можно предположить, что по этим торговым путям импортировались не только предметы роскоши, но и новые прогрессивные технологии и идеи. Возможно, именно с этим связано появление не позднее начала III в. до н.э. далеко на Востоке, в низовьях Сырдарьи, совершенно новой производственной конструкции – двухъярусного прямоугольного обжигательного горна с прямым вертикальным движением горячих газов, не известного ранее не только в Приаралье, но и на всей территории Центральной Азии.

Примечания

1 – На территории Средней Азии наиболее полно изучено сельское жилище Хорезма [Неразик, 1976], по этой причине сравнивать приходится жилищем этой области, наиболее территориально близкой низовьям Сырдарьи. Кроме, того нельзя не учитывать и культурной близости двух этих областей, во всяком случае на раннем этапе формирования чирикратской культуры.

2 – Здесь и далее используются термины и названия, предложенные А.А. Бобринским (см.: [Бобринский, 1991]).

3 – За реперную точку принята поверхность такыра к западу от раскопа.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бобринский А.А.* Гончарные мастерские и горны Восточной Европы. М.: Наука, 1991. 213 с.
2. *Боделов С.Б.* Гончарная мастерская III–II вв. до н.э. на Кампыртепа (К вопросу о керамическом производстве и организации ремесла Северной Бактрии эпохи эллинизма). // Археологические исследования Кампыртепа. Материалы ТЭ, вып. 2. Ташкент: SAN'AT, 2001. С. 15–30.
3. *Боделов С.Б.* К вопросу о формах ремесленного керамического производства на территории Средней Азии в древности (конец I тыс. до н.э. – начало I тыс. н.э.). // Материальная культура Востока. М., 2002. Вып. 3. С. 3–23.
4. *Боделов С.Б.* К вопросу о периодизации раннего этапа истории Древнего Хорезма. // TRANSOXIANA. История и культура. Ташкент; М.: изд-во Р. Элинина, 2004. С. 48–54.
5. *Боделов С.Б.* К вопросу о южных и юго-западных связях Хорезма во второй половине I тыс. до н.э. по археологическим данным (древнехорезмийский археологический комплекс) // Центральная Азия. Источники, история, культура. М.: Восточная литература, 2005. С. 215–234.
6. *Боделов С.Б.* Гончарные производства Бактрии античного периода // Древние цивилизации на древнем Востоке. М.: ГИИ, 2010. С. 26–28.

7. Болелов С.Б. Ремесло Древнего Хорезма на ранних этапах развития государственности // Согдийцы, их предшественники, современники и наследники. Труды ГЭ, LXII. СПб.: изд-во ГЭ, 2013а. С. 29–44.

8. Болелов С.Б. Ремесло древнего Хорезма по археологическим данным. Этапы становления // РА. 2013б. № 2. С. 77–86.

9. Болелов С.Б. Ранний этап становления ремесленного производства на территории Хорезма (вторая половина I тыс. до н.э.) // Приаралье на перекрестке культур. Самарканд: МИЦАИ, 2013в. С. 5–19.

10. Болелов С.Б. Древний Хорезм на перекрестке торговых путей во второй половине I тыс. до н.э. // Вестник истории литературы и искусства ОИФН РАН. Т. X. М.: Собрание, 2015. С. 7–33.

11. Болелов С.Б. Оазис среди песков (Древний Хорезм в системе трансконтинентальных и торговых связей во второй половине I тыс. до н.э.) // Цивилизации Великого Шелкового пути из прошлого в будущее: перспективы естественных, общественных, гуманитарных наук: матер. междунар. науч. конф. (г. Самарканд, 28–29 сентября 2017 г.). Самарканд: МИЦАИ, 2017. С. 77–94.

12. Вайнберг Б.И. Скотоводческие племена в Древнем Хорезме // Культура и искусство Древнего Хорезма. М.: Наука, 1981. С. 121–130.

13. Вайнберг Б.И. Этногеография Турана в древности VII в. до н.э. – VIII в. н.э.. М.: Идрик, 1999. 359 с.

14. Вайнберг Б.И., Левина Л.М. Чирикратская культура. Низовья Сырдарьи в древности. Вып. 1. М.: ИЭА РАН, 1993. 130 с.: ил.

15. Воробьева М.Г. Опыт картографирования гончарных печей для историко-этнографического атласа Средней Азии и Казахстана. // Материалы к историко-этнографическому Атласу Средней Азии и Казахстана. Труды ИЭ АН СССР, новая серия, т. XLVIII. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1961. С. 147–179.

16. Иваницкий И.Д. Саратепе 2 – поселение керамистов середины I тыс. до н.э. под Самаркандом // ИМКУ. 1992. Вып. 26. С. 22–40.

17. Ионе Г.И. Гончарные печи древнего Мингечаура // КСИИМК. 1949. Вып. XXIV. С. 42–54.

18. Курманкулов Ж.К., Утубаев Ж.Р. Баланды (Буланды) памятник античности. Книга-альбом. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2013. 148 с.

19. Неразик Е.Е. Сельское жилище в Хорезме (I–XIV вв.). Труды ХАЭЭ, т. IX. М.: Наука, 1976. 256 с.

20. Толстов С.П., Жданко Т.А., Итина М.А. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1958–1961 гг. // Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1958–1961 гг. Памятники первобытного и античного времени. Материалы ХАЭ. Вып. 6. I. М.: Наука, 1963. С. 3–91.

21. Утубаев Ж.Р., Болелов С.Б. Новые археологические открытия в низовьях Сырдарьи // Вестник КемГУ. 2016. Вып. 1 (65). Т. 4. С. 56–63.

22. Халилов Дж.А. Археологически памятники I тыс. у села Худжбала в Азербайджанской ССР // СА. 1965. № 3. С. 154–162.

Сведения об авторах:

Болелов Сергей Борисович – кандидат исторических наук, Государственный музей искусства народов Востока (г. Москва, Россия); bsb1958@yandex.ru

Утубаев Жанболат Раймкулович – кандидат исторических наук, Институт археологии им. А.Х. Маргулана (г. Алматы, Казахстан); utubaev_z@mail.ru

СЫРДАРИЯНЫҢ ЕЖЕЛГІ АРНАСЫНДАҒЫ АНТИКАЛЫҚ
ҚЫШ ӨНДІРІСІ: ЖАҢА МӘЛІМЕТТЕР БОЙЫНША

С. Б. Болелов, Ж. Р. Утубаев

Мақалада Сырдарияның ежелгі арнасында б.д.д. I мыңжылдықтың екінші жартысында Шірікрабат археологиялық егіншілік мәдениеті таралған, Бәбіш-Мола 7 елді-мекенінде бірнеше жыл жүргізілген қазба жұмыстарының нәтижелері жарияланады. Бәбіш-Мола 7 б.д.д. III–II ғғ. егіншілік оазис тұрғындарын қыш ыдыстармен қамтамасыз еткен ірі қыш өндіріс орталығы. Елді-мекенде екі қабатты қыш күйдіруге арналған пештер ашылды. Бірінші типтегі тікбұрыш пішінді пештер құрылымдық белгілері бойынша Орта Азия аумағында кездесетін пештерге ұқсастығы жоқ. Пештер жанынан ыдыстар дайындауға арналған өндірістік бөлмелердің орны қазылды.

Түйін сөздер: археология, ежелгі егіншілік мәдениеті, елді-мекен, өндірістік орталық, екі қабатты қыш күйдіретін пеш, керамика, қыш шеберханасы

POTTERY PRODUCTION ON THE TERRITORY OF THE ANCIENT
SYRDARYA DELTA IN THE AGE OF ANTIQUITY: NEW DATA

S. B. Bolelov, Zh. R. Utubayev

The article publishes the results of several years of excavation in the settlement of Babish-Mulla 7, in the ancient delta of the Syrdarya, where in the second half of the 1st millennium BC the agricultural Chirik-rabat archaeological culture was widespread. Babish-Mulla 7 is a large industrial pottery center of the III-II centuries BC, which supplied the population of a large agricultural oasis with ceramics. Two types of two-level ceramic kilns were opened in the settlement. Rectangular kilns of the first type have no analogies in Central Asia by their design features. Next to the kilns were excavated industrial premises, where dishes were made.

Keywords: archaeology, ancient agriculture, settlement, production center, two-level burning ceramic kiln, ceramics, pottery workshop

REFERENCES

1. Bobrinskiy, A. A. 1991. *Goncharye masterskie i gorny Vostochnoy Evropy (Pottery workshops and horns of Eastern Europe)*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
2. Bolelov, S. B. 2001. In *Arheologicheskie issledovaniya Kampyrtepa (Archaeological research of Kampyrtepa)*, 2. Tashkent: “SAN’AT” Publ., 15–30 (in Russian).
3. Bolelov, S. B. 2002. *Materialnaya kultura Vostoka (Material culture of the East)*, 3. Moscow, 3–23 (in Russian).
4. Bolelov, S. B. 2004. *TRANSOXIANA. Istoriya i kultura (TRANSOXIANA. History and culture)*. Tashkent; Moscow: R. Elinina Publ., 48–54 (in Russian).
5. Bolelov, S. B. 2005. In Antonova, E. V., Mkrtichev, T. K. (eds.). *Tsentrlnaya Aziya. Istochniki, istoriya, kultura (Central Asia. Sources, history, culture)*. Moscow: “Vostochnaya literature” Publ., 215–234 (in Russian).
6. Bolelov, S. B. 2010. In *Drevnie civilizacii na drevnem Vostoke (Ancient civilizations in the ancient East)*. Moscow: State Museum of the East Publ., 26–28 (in Russian).
7. Bolelov, S. B. 2013a. In Lurie, P. B., Torgoev, A. I. (eds.). *Sogdiytsy, ih predshestvenniki, sovremenniki i nasledniki (Sogdians, their predecessors, contemporaries and heirs)*. Saint Petersburg: State Hermitage Publ., 29–44 (in Russian).
8. Bolelov, S. B. 2013b. In *Rossiyskaya arheologiya (Russian archeology)*, 2, 77–86 (in Russian).

9. Bolelov, S. B. 2013c. In *Priaralie na perekrestke kultur (Aral Sea region at the crossroads of cultures)*. Samarkand: International Institute for Central Asian Studies Publ, 5–19 (in Russian).

10. Bolelov, S. B. 2015. In Urilov, I. Kh. (ed.). *Vestnik istorii literatury i iskusstva (Bulletin of the history of literature and art)*, 10. Moscow: “Sobranie” Publ., 7–33 (in Russian).

11. Bolelov, S. B. 2017. In *Tsivilizatsii Velikogo Shelkovogo puti iz proshlogo v budushchee (Civilizations of the Great Silk Road from the past to the future)*. Samarkand: International Institute for Central Asian Studies Publ., 77–94 (in Russian).

12. Weinberg, B. I. 1981. In *Kultura i iskusstvo Drevnego Khorezma (Culture and art of Ancient Khorezm)*. Moscow: “Nauka” Publ., 121–130 (in Russian).

13. Weinberg, B. I. 1999. *Etnogeografiya Turana v drevnosti VII v. do n.e. – VIII v. n.e. (Ethnographic Geography of Turan in Antiquity of the 7th Century BC – 8th century AD)*. Moscow: “Idrik” Publ. (in Russian).

14. Weinberg, B. I., Levina, L. M. 1993. *Chirikrabskaya kultura. Nizoviya Syrdarii v drevnosti (Chirikrabad culture. The lower reaches of the Syrdarya in antiquity)*. Moscow: Ethnology and Anthropology Institute RAS (in Russian).

15. Vorobyova, M. G. 1961. In *Trudy IE AN SSSR (Proceedings of IE USSR Academy of Sciences)*, XLVIII, 147–179 (in Russian).

16. Ivanitsky, I. D. 1992. In *Istoriya materialnoy kultury Uzbekistana (History of material culture of Uzbekistan)*, 26, 22–40 (in Russian).

17. Ione, G. I. 1949. In *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii materialnoy kultury (Brief Communications from the Institute of the History of Material Culture)*, XXIV, 42–54 (in Russian).

18. Kurmankulov, Zh. K., Utubayev, Zh. R. 2013. *Balandy (Bulandy) pamyatnik antichnosti (Balandy (Bulandy) is a monument of antiquity)*. Almaty: A.Kh. Margulan Institute of Archeology Publ. (in Russian).

19. Nerazik, E. E. 1976. *Selskoe zhilishche v Horezme (I–XIV vv.). (Rural dwelling in Khorezm (I – XIV centuries))*. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).

20. Tolstov, S. P., Zhdanko, T. A., Itina, M. A. 1963. In *Polevye issledovaniya Horezmskoy ekspeditsii v 1958–1961 gg. (Field studies of the Khorezm expedition in 1958–1961)*. Moscow: “Nauka” Publ., 3–91 (in Russian).

21. Utubayev, Zh. R., Bolelov, S. B. 2016. In *Bulletin of Kemerovo State University*, 1 (65), 56–63 (in Russian).

22. Khalilov, J. A. 1965. In *Soviet archeology*, 3, 154–162 (in Russian).

About the Authors:

Bolelov Sergey B. Candidate of historical sciences, State Museum of Oriental Art, Moscow, Russia; bsb1958@yandex.ru

Utubayev Zhanbolat R. Candidate of historical sciences, A.Kh. Margulan IArcheology Institute, Almaty, Kazakhstan; utubaev_z@mail.ru

Мүдделер кактығысы туралы ақпаратты ашу. Авторлар мүдделер кактығысының жоқтығын мәлімдейді.
/ Раскрытие информации о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
/ Disclosure of conflict of interest information. The authors claims no conflict of interest.

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 05.02.2020.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 12.02.2020.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 19.02.2020.

ОРГАНИЗАЦИЯ ОХРАННОЙ ЗОНЫ И КОНСЕРВАЦИОННЫЕ РАБОТЫ НА ГОРОДИЩЕ ДЖАНКЕНТ

© 2020 г. А. А. Тажекеев, Р. Т. Дарменов, Ж. К. Султанжанов

В статье изложены результаты работ по сохранению и музеефикации средневекового городища Джанкент в низовьях Сырдарьи. Городище Джанкент является одним из ключевых памятников при изучении истории средневековых огузов. Данный памятник с 2005 г. исследуется Джанкентской археологической экспедицией. В его изучении применяются методы археологических и междисциплинарных исследований. С 2014 г. наряду с археологическими раскопками ведутся также работы по организации охранной зоны и мероприятия по консервации. Результаты этих работ показывают свою эффективность, демонстрируя хорошую сохранность архитектурных конструкций городища. На наш взгляд, продолжение консервационных работ будет способствовать созданию археологического парка на территории городища Джанкент.

Ключевые слова: археология, низовья р. Сырдарьи, городище Джанкент, средневековье, музеефикация, охранная зона, реконструкция, консервация

Введение

Городище Джанкент расположено в 1,5 км к югу от села Жанкент (Казалинский р-н, Кызылординская обл.), в низовьях р. Сырдарьи. Городище имеет форму, близкую к прямоугольной, общая площадь составляет около 16 га. Оно обведено стенами с встроенными в них башнями, выступающими полукругом с внешней стороны стен. Фортификационные сооружения возведены из паховых блоков. Хорошо сохранилась восточная стена, в середине которой находятся ворота с двумя выносными башнями. На топографическом плане городища, снятом Б. В. Андриановым и Н. И. Игониным в 1963 г. [Аржанцева, Рузанова, 2010, рис. 9], обозначено углубление, возможно указывающее на местонахождение западных ворот. Как видно на аэрофотоснимках, город делится центральной улицей на две

равные части. По обе стороны улицы расположен «шахристан», в северо-западной части городища находится цитадель размерами 110×110 м (рис. 1). Современные исследователи Джанкента, основываясь на типологии городищ Г. В. Шишкиной и О. Н. Иневаткиной, отнесли Джанкент к типу I.2 «город, укрепленный цитаделью в черте городской ограды» [Аржанцева и др., 2014, с. 293].

Первые археологические исследования на памятнике были проведены П. И. Лерхом. В 1867 г. по поручению Императорской Археологической комиссии П. И. Лерх и его помощник М. К. Приоров посетили городище Джанкент. Они описали памятник и провели съемку местности. В отчете П. И. Лерх отметил, что еще до его прибытия городище было разрушено киргизами, которые исполь-

1

2

Рис. 1. Городище Джанкент. 1 – расположение памятника на карте Кызылординской области; 2 – общий вид памятника с востока . Фото авторов

Fig. 1. The medieval town of Jankent. 1 – The location of the site on a map of the Kyzylorda region; 2 – General view of the site from the east. Authors's photos

зовали квадратные кирпичи с памятника для своих могил. П. И. Лерхом были раскопаны четыре объекта в центральной и западной части городища. Он пришел к заключению, что памятник представляет собой остатки городища Янгикент, упоминаемого в средневековых письменных источниках [Лерх, 1870, с. I–VII].

Осенью 1946 г. авиаразведочный отряд Хорезмской археолого-этнографической экспедиции (ХАЭЭ) исследовал территорию Янгикентской группы памятников, в которую входят города Кескен-куюк кала, Джанкент, Куюк кала [Толстов, 1947, с. 57–70]. В результате работ экспедиции было сделано описание городища Джанкент, произведена аэрофотосъемка и собран подъемный материал.

В итоге С. П. Толстов, руководитель ХАЭЭ, ввел в научный оборот термин «болотные городища». Эта группа памятников, по его мнению, располагается: «...неподалеку от Казалинска на плоской, низменной, влажной равнине, ограниченной на севере Сыр-Дарьей, на западе – Аральским морем и на востоке – полосой болот и камышовых плавней, которыми заканчивается староречье Куван-Дарьи» [Толстов, 1962, с. 276]. Именно эту территорию С. П. Толстов считал исконным районом обитания огузов.

На основании подъемного материала городище Джанкент было датировано С. П. Толстовым периодом с начала нашей эры до X–XI вв. [Толстов, 1947, с. 68]. Позже Л. М. Левина, анализируя керамические материалы «болотных городищ», пришла к выводу, что в Джанкенте есть также керамика развитого средневековья [Левина, 1971, с. 77].

ХАЭЭ проводила полевые исследования на территории Джанкента

только в 1946 и 1963 гг., хотя сама экспедиция просуществовала до 1997 г. Археологические работы на городище Джанкент были возобновлены после принятия государственной программы «Культурное наследие» и проведения конференции по археологии Приаралья в 2004 г. (г. Кызылорда). На конференции было заключено сотрудничество исследователей Казахстана и России. В 2011 г. в рамках соглашения между Кызылординским и Тюбингенским (Германия) университетами к экспедиции присоединились сотрудники Тюбингенского университета.

Исследовательские работы

С 2005 г. в течение 14 полевых сезонов (с небольшими перерывами в 2008 и 2010 гг.) стационарные археологические работы на городище ведет Жанкентская/Джанкентская археологическая экспедиция (ЖАЭ)¹. [Аржанцева и др., 2010; Комплексные исследования..., 2014; Султанжанов, 2018]. К настоящему времени исследовано более 1500 кв.м памятника. Основные полевые работы проводятся на участке жилого квартала в восточной и западной частях городища (раскопы № 1 и 8); в месте стыка северо-восточного угла цитадели с северной оборонительной стеной (раскоп № 2); на месте восточных ворот (раскоп № 7). Проведен комплекс почвенных, геофизических и геоморфологических исследований. Начаты планомерные работы по изучению керамического комплекса и комплекса костей животных. За весь период работ ЖАЭ опубликовано два сводных отчета (2010; 2011) по работам на городище Джанкент, издана книга-альбом «Цивилизации, затерянные в песках» (2013) и сборник «Комплексное исследование городища Джанкент: работы 2011–2014 гг.» (2014).

Результаты этих исследований ежегодно освещаются в материалах научных конференций разного уровня и в научных журналах.

Наряду с комплексными археологическими исследованиями на памятнике проводятся организация охранной зоны и консервационные работы.

Организация охранной зоны памятника. В 2014 г. состоялась 32 сессия Кызылординского областного маслихата, посвященная проблеме охраны и использования историко-культурных памятников Кызылординской области. На заседании вынесено решение об утверждении границы охранной зоны, зоны регулирования застройки и охраняемо-

го природного ландшафта городища Джанкент [Решение..., 2014]. К решению прикреплены два приложения. Решение осуществлено на основе Закона Республики Казахстан «Об охране и использовании объектов историко-культурного наследия» от 02.07.1992 г.

В границы охраняемой исторической зоны Джанкента вошли следующие памятники: городище Джанкент, могильник Мынтобе и безымянный средневековый мавзолей. Общая площадь охранной зоны составила 45 га, площадь регулирования зон застройки – 75 га, площадь зоны охраняемого природного ландшафта – 237 га (рис. 2).

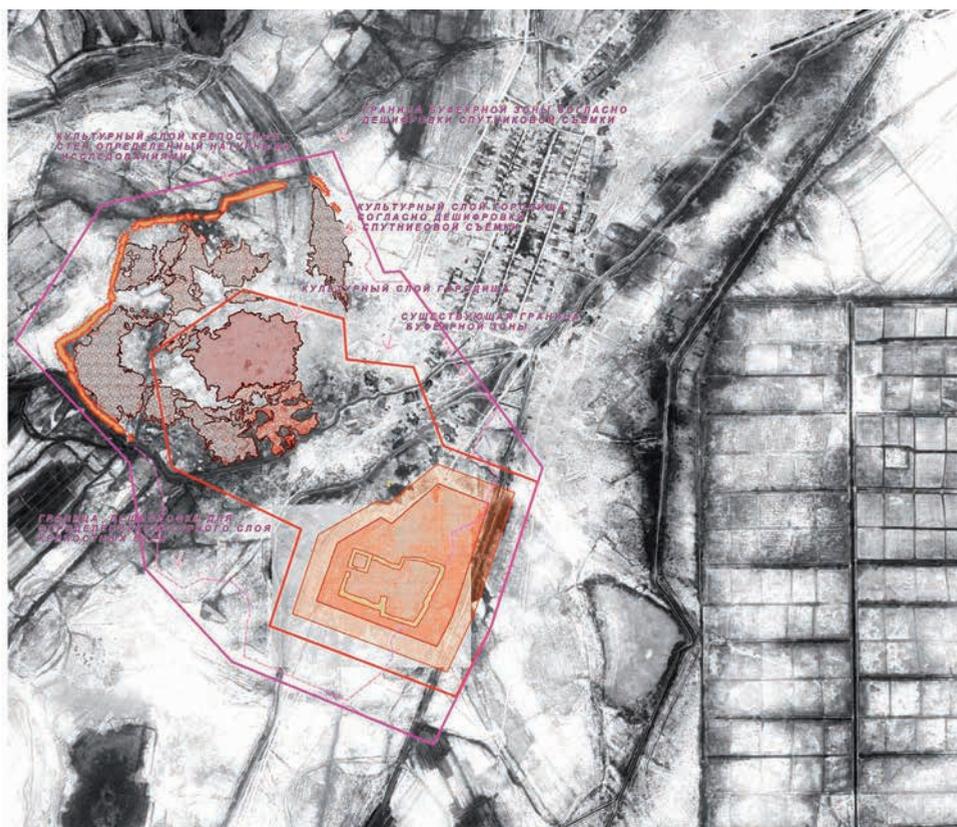

Рис. 2. Охранная зона городища Джанкент (автор плана Казпроектреставрация)

Fig. 2. The conservation zone of Jankent (author of the plan Kazproject restoration)

Консервационные работы. В 2016 г. члены научно-практического совета «По охране памятников истории и культуры Кызылординской области, управления культуры, архивов и документации Кызылординской области» при ГКУ проанализировали состояние археологического памятника Джанкент. В составе комиссии были М. Елеуов, А. А. Тажекеев, А. Сайлау, С. Козейбаев и сотрудники государственного учреждения «По охране памятников истории и культуры Кызылординской области». Они установили, что несколько объектов, раскопанных на городище Джанкент, подвергаются разрушительному увлажнению в осенне-зимнее время и нуждаются в срочной консервации. Объекты пострадали от процессов эрозии, таких как воздействие дождей, циркуляция дождевой воды и ее скопление внутри остатков сооруже-

ний, фактор промерзания, фитофактор и антропогенный фактор.

Основываясь на этих выводах и предложенных рекомендациях по консервации, в 2016–2019 гг. после археологических исследований нами были осуществлены работы на двух объектах:

1. Раскоп № 1 – Жилищно-хозяйственный комплекс в восточной части городища. В данное время на раскопе № 1 выявлено три строительных периода, открыты и изучены более 60 жилых помещений. Среди них помещения № 1–10 были реконструированы. Стены помещения были приподняты на 4–5 рядов сырцовых кирпичей, также стены, суфы, центральные очаги этих помещений были отштукатурены саманной массой. Были изготовлены копии очажных подставок и тандыров помещений (рис. 3–4).

Рис. 3. Реконструкция сырцовых конструкций на раскопе № 1

Fig. 3. Reconstruction of structures at excavation No. 1

2. Раскоп № 2 – Оборонительные башни северной обводной стены цитадели городища. В полевом сезоне 2012, 2016 и 2018 гг. были открыты три полукруглые башни диаметром 7 м. Участок между башнями составляет 16 м. В ходе консервационных работ башни были заполнены грунтом и оштукатурены саманной массой (рис. 5).

В целом, нами были предложены конкретные меры по консервации и реставрации археологических объектов, включающие:

- зачистку и дренаж прилегающего к объектам пространства;
- обеспечение регулярного оттока атмосферных осадков;
- реставрацию основания стен (заполнение швов между кирпичами);
- восстановление утраченных частей конструкций и оштукатуривание их поверхностей.

В качестве материалов для реставрации были выбраны источники местного строительного сырья. Вокруг Джанкента имеются глинистые почвы, оттенок которых варьирует от светлого до темно-красного, а состав отличается уровнем содержания солей. Есть также пески различного качества. Разнообразие ресурсов предоставляет массу возможностей для добротной консервации. Предварительные испытания почв, залегающих возле памятника, показали, что не все они подходят для консервации вследствие засоленности. При высыхании обмазки, выполненной из такой почвы, появляются трещины, и она отделяется от стены.

Сырцовые (саманные) отложения из завалов внешней стены, лежавшие более трех лет под открытым небом и подвергающиеся воздействию щелочной дождевой воды,

Рис. 4. Раскоп № 1. Вид помещений после оштукатуривания

Fig. 4. Excavation No. 1. View of premises after plastering

Рис. 5. Раскоп № 2. Вид башни после оштукатуривания

Fig. 5. Excavation No. 2. View of the tower after plastering

дают самый низкий показатель растрескивания. Такая глина обладает наилучшими качествами скрепления и цементирования. Из этого сырья сотрудниками экспедиции изготавливался *саман* (местный строительный раствор из глины с примесью измельченного камыша).

Саман был использован для консервации башен северной обводной стены. Опытным путем была определена рецептура самана. Сначала в глину примеси не добавлялись, в результате на штукатурке было много трещин, и она плохо связывалась с основой. Состав строительного раствора был улучшен путем добавления песка и большого количества измельченного камыша (не измельченный камыш после высыхания глины распрямлялся и разрывал штукатурку).

Над постройками жилищно-хозяйственного комплекса на раскопе № 1 был возведен навес с отдельным

водостоком. Экспериментальная конструкция из дерева и металла навеса охватила площадь около 250 кв. м (рис. 6). Надо отметить, что расширение площади раскопа № 1 с каждым полевым сезоном, способствует возведению новых участков навеса и увеличению его размера.

Заключение

Таким образом, комплексный подход, применяемый в последнее десятилетие при исследовании городища Джанкент, обнаруживает свою эффективность. Постепенно проясняется сложная структура этого памятника, этапы его формирования, время его функционирования и запустения. Результаты консервационных работ показывают хорошую сохранность сырцовых сооружений.

В дальнейшие задачи экспедиции входят проблемы изучения внутренней планировки и жилых кварталов в западной части городища,

Рис. 6. Раскоп № 1. Навес
Fig. 6. Excavation No. 1. Canopy

нижних строительных горизонтов и структуры ворот памятника, также работы по музеефикации вскрытых объектов. В будущем продолжение ра-

бот в этом направлении будет способствовать созданию археологического парка на территории памятника.

Примечание

1 – В составе экспедиции в разные годы участвуют следующие сотрудники: А. А. Тажекеев (руководитель казахстанской группы), Ж. Т. Сыдыкова, С. У. Биалалов, Г. Т. Амиргалина, Р. Т. Дарменов, И. С. Курманиязов, К. Шарапова, Ж. К. Султанжанов, И. А. Аржанцева (руководитель российской группы), С. А. Рузанова, Э. Д. Зиливинская, Г. Харке; геофизики И. Н. Модин, С. А. Ерохин; почвоведы А. Е. Иванова, М. А. Бронникова; реставратор Е. А. Пшеничнова; художник А. Ж. Назаров; архитектор Т. Ю. Черезова; палеозоолог Л. Л. Гайдученко и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аржанцева И.А., Зиливинская Э.Д., Караманова М.С., Рузанова С.А., Уткельбаев К.З., Сыдыкова Ж.Т., Биалалов С.У. Сводный отчет об археологических работах на городище Джанкент в 2005–2007, 2009 гг. Кызылорда: «Компас Кызылорда», 2010. 162 с.
2. Аржанцева И.А., Рузанова С.А. Городище Джанкент и проблема «болотных городищ» // Древние цивилизации на Среднем Востоке. Археология, история, культура: матер. междунар. науч. конф., посвящ. 80-летию Г.В. Шишкиной. М.: Государственный музей Востока, 2010. С. 11–13.
3. Аржанцева И.А., Харке Г., Тажекеев А.А. Итоги и перспективы изучения городища Джанкент. Проблемы интерпретации полученных материалов // Комплексные исследования городища Джанкент (работы 2011–2014 гг.). Алматы: «Арыс», 2014. С. 293–295.

4. Комплексные исследования городища Джанкент (работы 2011-2014 гг.). Алматы: Издательство «Арыс», 2014. 320 с.
5. Левина Л.М. Керамика Нижней и Средней Сырдарьи в I тысячелетии н.э. / ТХАЭЭ. М.: Наука, 1971. Т. VII. 263 с.
6. Лерх П.И. Археологическая поездка в Туркестанский край в 1867 г. // Отчет ИАК. СПб.: Типография ИАН, 1870. С. I–X.
7. Решение Кызылординского областного маслихата от 21.11.2014 г. № 233. Об утверждении границы охранной зоны, зоны регулирования застройки и зона охраняемого природного ландшафта памятника истории и культуры «Городище Жанкент», расположенного в Казалинском районе. URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/V14L0004817> (дата обращения: 27.11.2019).
8. Султанжанов Ж.К. Комплексные исследования на городище Джанкент // Актуальная археология 4. Комплексные исследования в археологии: матер. Междунар. науч. конф. молодых ученых (г. Санкт-Петербург, 2–5 апреля 2018 г.). СПб.: ИИМК РАН, 2018. С. 272-274.
9. Толстов С.П. Города гузов // СЭ. 1947. № 3. С. 55–102.
10. Толстов С.П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М.: Восточная литература, 1962. 323 с.

Сведения об авторах:

Тажекеев Азилхан Ауезханович – кандидат исторических наук, руководитель НИЦ «Археология и этнография», Кызылординский государственный университет им. Коркыт Ата (г. Кызылорда, Казахстан), azik8484@mail.ru

Дарменов Рустем Турарбекович – ведущий научный сотрудник, Национальный музей РК (г. Нур-Султан, Казахстан), darmenov_rustem@mail.ru

Султанжанов Жетесби Канапияевич – докторант, Тюбингенский университет Эберхарда-Карла (г. Тюбинген, Германия), zhetesbi.sultanzhanov@mail.ru

**ЖАНКЕНТ ҚАЛАШЫҒЫНДАҒЫ ҚОРҒАУ АЙМАҒЫН
ҰЙЫМДАСТЫРУ ЖӘНЕ ТҮМШАЛАУ ЖҰМЫСТАРЫ**

Ә. Ә. Тажекеев, Р. Т. Дарменов, Ж. К. Султанжанов

Мақалада Сырдария өзенінің төменгі ағысында орналасқан ортағасырлық Жанкент қалашығында жүргізілген қорғау және музейфикация жұмыстарының нәтижелері көрсетіледі. Жанкент қалашығы оғыз тайпаларының тарихын зерттеуде тірек ескерткіштердің бірі болып табылады. Бұл ескерткіш 2005 жылдан бастап Жанкент археологиялық экспедициясының мүшелерімен зерттеліп жатыр. Оның зерттелуінде археологиялық және пәнаралық зерттеу әдістері қолданылады. 2014 жылдан бастап археологиялық қазбамен қатар қалашықтың қорғау аймағын ұйымдастыру және консервациялық сипаттағы жұмыстар жүргізілуде. Бұл жұмыстардың нәтижесінде Жанкенттің архитектуралық ғимараттарының жақсы сақталғандығын байқаймыз. Біздің пікірімізше, қайта-қалпына келтіру және тұмшалау жұмыстарын жалғастыру Жанкент қалашығының аумағында археологиялық саябақ құруға ықпал етеді.

Түйін сөздер: археология, Сырдария өзенінің төменгі ағысы, Жанкент қалашығы, орта ғасыр, музейфикация, қорғау аймағы, қайта қалпына келтіру, тұмшалау

**ORGANIZATION OF CONSERVATION ZONE AND CONSERVATION WORKS
ON JANKENT**

A. A. Tazhekeyev, R. T. Darmenov, Zh. K. Sultanzhanov

This article presents the results of the conservation and museumification of the medieval town of Jankent in the lower Syrdarya. The Jankent is one of the key sites in the study of the history of medieval Oghuzes. Since 2005, this site has been explored by the Jankent

Archaeological Expedition. Its research uses archaeological and interdisciplinary research methods. Since 2014, along with archaeological excavations, work is underway to organize a conservation zone and conservation work. The results of these works show their effectiveness, showing the good preservation of the domestic architectural building of the town. In our opinion, the continuation of conservation work will contribute to the creation of an archaeological park on the territory of Jankent.

Keywords: archaeology, lower reaches of the Syrdarya, Jankent, middle ages, museification, conservation zone, reconstruction, conservation

REFERENCES

1. Arzhantseva, I. A., Zilivinskaya, E. D., Karamanova, M. S., Ruzanova, S. A., Utkelbayev, K. Z., Sydykova, Zh. T., Bilalov, S. U. 2010. *Svodnyy otchet ob arkheologicheskikh rabotakh na gorodishche Dzhankent v 2005–2007, 2009 gg (Consolidated report on archaeological work to the town of Dzhankent in 2005–2007, 2009)*. Kyzylorda: Compass-Kyzylorda Publ. (in Russian).
2. Arzhantseva, I. A., Ruzanova, S. A. 2010. In *Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii, posvyashchennoy 80-letiyu G.V. Shishkinoy (Materials of the international scientific conference dedicated to the 80th anniversary of G.V. Shishkina)*. Moscow: State Museum of the East Publ., 11-13 (in Russian).
3. Arzhantseva, I. A., Kharke, G., Tazhekeyev, A. A. 2014. In *Kompleksnyye issledovaniya gorodishcha Dzhankent (raboty 2011-2014 gg.) (Comprehensive studies of the Dzhankent town (works 2011-2014))*. Almaty: Arys Publ., 293-295 (in Russian).
4. In *Kompleksnyye issledovaniya gorodishcha Dzhankent (raboty 2011-2014 gg.) (Comprehensive studies of the Dzhankent town (works 2011-2014))*. Almaty: Arys Publ., 320 (in Russian).
5. Levina, L. M. 1971. *Keramika Nizhney i Sredney Syrdarii v I tysyacheletii n.e. (The Pottery of the Lower and Middle Syrdarya in the 1st millennium AD)* (in Russian).
6. Lerkh, P. I. 1870. In *Ochet IAK (Report of the Imperial Archaeological Commission)*. Saint Petersburg: Imperial Academy of Sciences Publ., I – X (in Russian).
7. Decision of the Kyzylorda regional maslikhat dated November 21, 2014 No. 233. URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/V14L0004817> (in Russian).
8. Sultanzhanov, Zh. K. 2018. In *Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii molodykh uchenykh (Materials of the International Scientific Conference of Young Scientists)*. Saint Petersburg: Institute of History and Material Culture of the RAS Publ., 272-274 (in Russian).
9. Tolstov S. P. 1947. In *Sovetskaya Etnografiya (Soviet ethnography)*, 3, 55-102 (in Russian).
10. Tolstov S. P. 1962. In *Po drevnim deltam Oksa i Yaksarta (According to the ancient deltas of Oks and Yaksart)*. Moscow: Eastern literature Publ. (in Russian).

About the Authors:

Tazhekeyev Azilkhan A. Candidate of historical sciences, director, research center “Archeology and Ethnography”, Korkyt Ata Kyzylorda State University, Kyzylorda, Kazakhstan; azik8484@mail.ru

Darmenov Rustem T. Leading Researcher, National Museum of the Republic of Kazakhstan, Nur-Sultan, Kazakhstan; darmenov_rustem@mail.ru

Sultanzhanov Zhetesbi K., PhD doctoral student, Eberhard-Karl University of Tübingen, Tübingen, Germany; zhetesbi.sultanzhanov@mail.ru

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Авторлар мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді.
/ Раскрытие информации о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
/ Disclosure of conflict of interest information. The authors claims no conflict of interest.

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 27.11.2019.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 04.12.2019.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 11.12.2019.

О МЕТРОЛОГИИ МЕДНЫХ МОНЕТ САРАЯ, САРАЯ АЛ-ДЖАДИДА И ГУЛИСТАНА В XIV в.

© 2020 г. А. И. Бугарчев

Целью исследования явилось выяснение номинальной структуры медной монетной системы в Золотой Орде в XIV веке. Рассмотрены метрологические характеристики медных ордынских монет. Была изучена продукция монетных дворов Сарай, Сарай ал-Джадида и Гулистан, работавших в разные периоды XIV в. Для исследования использовались сборы с таких городищ и селищ, как Водянское, Селитренное, Царевское, Зубовское, Колобовка и Чертово. Используя результаты в виде гистограмм, автор пришел к выводу, что медные монеты XIV в. чеканились разными весовыми группами, что соответствовало различным номиналам. По мнению автора, в денежном обращении второй половины XIV в. использовались монеты в 1, 1½, 2, 2½, 3, 3½ и 4 пула. Они отличались не только весом, но и внешним видом, благодаря чему они легко различались населением.

Ключевые слова: археология, Золотая Орда, Сарай, Сарай ал-Джадида, Гулистан, XIV в., медная монета, пул, комплекс, монетный двор

Введение

Одним из важнейших источников по изучению истории Улуса Джучидов являются средневековые монеты, выявленные в ходе археологических работ на городищах и селищах. Первым, кто обратил внимание на информационные возможности нумизматических комплексов, был саратовский нумизмат А. А. Кротков. Он писал, что монетные сборы на городищах являются «своего рода кладками, но только принадлежащими не отдельному лицу, а коллективу, тому или иному населенному пункту» [Кротков, 1930, с. 5]. Важность изучения монетных находок с археологических памятников отмечала С. А. Янина: «Каждый единый монетный комплекс того или иного городища, являясь весомым памятником денежного обращения и культу-

ры Золотой Орды, дает возможность решать и конкретные спорные вопросы, связанные с данным городищем» [Янина, 1970, с. 194]. Но основной упор в исследованиях делался на серебряный сбор, поскольку именно на дирхамах, дангах и акче помещались имена эмитентов – правителей государства, а даты и названия монетных дворов указывали на время их правления и подконтрольные им экономически развитые территории.

Вопросам метрологии медных монет нумизматы XIX–XX вв. не придавали значения. Так, при издании монетного комплекса, обнаруженного в 1946–1958 гг. на Болгарском городище, вес приводился только для «серебра» [Янина, 1954; 1958; 1962]. Впервые метрология «меди» была указана при публикации сбора с Ца-

ревского городища [Янина, 1970]. Тем не менее, и позднее фиксация веса не являлась обязательной. По мнению Г. А. Федорова-Давыдова, медные монеты чеканились «не соблюдая какую-либо строго определенную весовую норму, с очень широким ремедиумом» [Федоров-Давыдов, 1987, с. 180]. При этом некоторые весовые границы весовых норм чеканки медных монет разных правителей все же были обозначены. По расчетам А. Г. Мухамадиева, «пулы Узбека чеканились средним весом около 1,33 г», пулы Джанибека – средним весом 1,95 г, а «медные монеты Хызра чеканились средним весом 3,12 г» [Мухамадиев, 1983, с. 79, 87].

Серьезный анализ комплексов медных монет, собранных на археологических памятниках, впервые провели В. Б. Клоков и В. П. Лебедев. Благодаря их совместной работе, были опубликованы нумизматические комплексы Водянского, Селитренного, Зубовского, Колобовского и Чертога городищ и селищ с приведением веса как серебряных, так и медных монет [Клоков, Лебедев, 2000; 2002; 2004а, 2004б]. К сожалению, нам остались недоступны сведения метрологического характера из последней статьи, поэтому вес монет Царевского городища взят из более ранней работы С. А. Яниной [1970].

Описание материала

В нашей работе будут использоваться типы и метрология эмиссий монетных дворов (далее – МД) Сарай, Сарай ал-Махруса, Сарай ал-Джадида и Гулистан, выпускавших монеты в XIV в. (За критерий типа принимаются два параметра – композиционное оформление и содержание легенд на каждой из сторон монеты. Изменение одного из параметров даже на одной

из сторон монеты означает смену типа монеты [Петров, 2010, с. 126]. Находки медных монет, перечисленных монетных дворов являются самыми частыми в золотоордынских комплексах от дельты Волги на юге до городища Иски-Казань на севере. Более того, в последние годы установилось мнение, что многие не столичные МД в 730–760-х гг. выпускали монеты с указанием МД Сарай, Сарай ал-Джадида и Гулистан (напр. [Клоков, Лебедев, 2000, с. 121; 2002, с. 149]. Весовые характеристики продукции обоих Сараев и Гулистана были приведены В. Б. Клоковым и В. П. Лебедевым при публикациях сборов с вышеуказанных памятников.

Приведем результаты анализов комплексов медных монет в их работах. В статье 2000 г., где рассматривался сбор с Селитренного городища, для выявления метрологических показателей пулов был рассчитан средний вес монет. Для этого авторы использовали суммарную информацию из литературных источников (монография А. Г. Мухамадиева 1983 г., статья С. А. Яниной 1970 г.) и собственные результаты изучения монет Селитренного городища. Исходя из полученной информации, В. Б. Клоков и В. П. Лебедев получили следующие цифры:

- средний вес медных монет Сарая, чеканенных в 726–740 гг.х., равнялся $1,35 \pm 0,05$ г;

- средний вес монет Сарая ал-Джадида 741–750 гг.х. («двуглавый орел») – $1,15 \pm 0,05$ г, в статье 2004 г. по материалам гистограммы выявлен максимум на значении $1,30 \pm 0,05$ г [Клоков, Лебедев, 2004, с. 94];

- средний вес монет Сарая ал-Джадида 751–760 гг.х. («розетка») – $2,10 \pm 0,05$ г;

- средний вес монет с именем Хызра чеканки Сарая ал-Джадида и Гулистана 762 г.х. – 2,8±0,1 г [Клоков, Лебедев, 2000, с. 99].

Авторы рассчитали единицу веса, которой кратны вышеуказанные значения. Эта величина в 0,7 г. Таким образом, монеты, чеканенные: в 726–740 г.х., стремились к значению веса в 1,4 г; в 751–760 г.х. - к значению веса в 2,1 г; 762 г.х. - к значению веса в 2,8 г., а монеты Сарая ал-Джадида 764 г.х. - к значению веса в 4,2 г [Клоков, Лебедев, 2000, с. 99]. Исходя из результатов, к которым пришли В. Б. Клоков и В. П. Лебедев, мы будем называть медные монеты весом 1,4 г пулами, так как только на таких

типах помещалась легенда *шестнадцать пул – данг*.

В отличие от изучения веса серебряных монет, когда основной упор в метрологических расчетах приходится на кладовые комплексы, при исследовании веса медных монет мы опирались на материалы сборов с вышеперечисленных археологических памятников. Используя приложения к статьям 2000, 2002 и 2004 гг., рассмотрим весовое распределение отдельных типов пулов.

Сначала приведем количество учитываемых в расчетах экземпляров медных монет, найденных на следующих городищах.

Таблица 1 – Количество медных монет, найденных на золотоордынских городищах и чеканенных на МД Сарай, Сарай ал-Махруса, Сарай ал-Джадида и Гулистан

Table 1 – Number of copper coins found in the Golden Horde towns and minted at the mints Saray, Saray al-Mahrusa, Saray al-Jadida and Gulistan

№ типа	Год г.х., эмитент, МД, «тип»	Волянс-кое, 2000	Селитренное, 2002	Зубовс-кое, 2004	Царёв-ское (без веса) (1970 г. с весом)	Чертово городище, 2004	Коло-бовка, 2004
		Количество, шт.					
1	721, Сарай	1	2	48	2	3	
2	726, Сарай	15	2	56	4	1	
3	731, Сарай ал-Махруса	45	17	140	9 (3)	3	
4	«737», Сарай, «лев и солнце»	101	191	373	12 (8)		
4 А	737, Сарай, «лев» вправо и «полное солнце»	11	21	81	9		
5	[743-750] ¹ , Сарай ал-Джадида, «двуглавый орёл»	273	358	161	789 (130)	2	
6	[751-761], Сарай ал-Джадида, «розетка»	442	284	12		57	35

Бугарчев А.И. О метрологии медных монет Сарая, Сарая ал-джадида и Гулистана в XIV в.

7	762, Хызр, Сарай ал-Джадида	115	89		385 (28)	5	8
	762, Хызр Гулистан			2	524 (23)		10
8	763, Килдибек, Сарай ал-Джадида	2	56		22		
9	764, Гулистан, «зверь влево»	21	12		314 (23)		15
10	764, Хайр-Пулад, Сарай ал-Джадида	2	84		32 (3)	4	4
11	766, Гулистан, «двуглавый орёл»	3	10	1	243 (20)		16
12	767, Азиз-Шейх, Сарай ал-Джадида		30		16 (2)	2	7
13	767, Сарай ал-Джадида, «АГА»		30		1		35
14	767, Гулистан, «соляренный знак»		4		5 (5)		9
15	768, Ульджай-Тимур, Сарай ал-Джадида		6				
16	768, Сарай ал-Джадида, 9-ячейстая решётка		7				1
17	768, Сарай ал-Джадида, «зверь влево или вправо»		41		1	17	
18	«768», Сарай ал-Джадида, 4-осный орнамент		35		2	12	1
19	773, Тулунбек хатун, Сарай ал-Джадида		61			27	
20	787, Сарай, «секира»		70				
21	790 ² , ас-Сарай, 5-лепестковый орн.	8	90		(1)		
22	790-791, Сарай ал-Джадида, 6-угольная звезда		67+5		1		1
23	796, Сарай ал-Джадида, «две птицы»	3	36				
Примечания: 1 – В.Б. Клоков и В.П. Лебедев датируют пулы с «двуглавым орлом» 741–750 гг.х. [Клоков, Лебедев, 2004, с. 94]; 2 – известен экземпляр с годом 789 [Клоков, Лебедев, 2002, с. 98, № 16/17, с. 121, № 17].							

Исходя из представленной информации, нами были построены гистограммы зависимости количества монет от значений их веса (см. при-

ложение). Для отдельных типов с небольшим количеством известных экземпляров пришлось суммировать весовые данные из нескольких

источников. Это сделано для «меди» Гулистана 764, 766 и 767 гг.х. и Сарая ал-Джадида 767 и 768 гг.х. Результаты гистограмм представлены в таблице 2. Изображения типов медных монет приведены на рисунках 1 и 2.

Таблица 2 – Моды отдельных типов медных монет по результатам построения зависимости количества монет от их значения веса

Table 2 – Modes of individual types of copper coins based on the results of the construction of the dependence of the number of coins on their weight value

№ типа	Год г.х., эмитент, МД, тип	Мода, г					Примечание
		2000, Волян-ское	2002, Селит-ренное	2004, Зубов-ское	1970, Царев-ское	Сборная	
1	721, Сарай			1,3±0,1			Мода (1,4±0,1)
2	726, Сарай			1,4±0,1			Мода (1,4±0,1)
3	731, Сарай	1,3±0,1		1,3±0,1			Показатели клада пулов 731 г.х. – мода (1,4±0,1) ¹
4	(737-743), Сарай, «лев-солнце»	1,2±0,1	1,3±0,1	1,2±0,1	1,1±0,1		564 экз.
4 А	737, Сарай, «лев и полное солнце»			1,4±0,1			81 экз.
5	(743-750), САД, «двуглавый орел»	1,4±0,1	1,3±0,1	1,2±0,1			519 экз. Гист. 1.
6	(751-760), САД, «розетка»	2,0±0,1	2,2±0,1				726 экз. Гист. 2.
7	762, Хызр, САД и Гулистан	2,9±0,1	3,1±0,1		2,5±0,1		101 экз. Гист. 3.
8	763, Килдибек, САД		2,2±0,1				56 экз. Для д. Сахаровка – (2,1±0,1) ²
9	764, Гулистан, «зверь»	4,5±0,1			4,6±0,1	4,4±0,1	88 ³ экз. В _{ср.} без крайних значений = 4,2 г.
10	764, Хайр-Пулад, САД		2,6±0,1				84 экз.
11	766, Гулистан, «двуглавый орел»					2,5±0,1	63 ⁴ экз. В _{ср.} = 2,5 г.
12	767, Азиз-Шейх, САД		2,3±0,1			2,4±0,1	54 ⁵ экз. В _{ср.} = 2,5 г.
13	767, САД, «АГА»					2,2±0,1	40 ⁶ экз. В _{ср.} без крайних значений = 2,3 г
14	767, Гулистан, «свастика»					3,9±0,1	19 ⁷ экз. В _{ср.} = 3,9 г.

Бугарчев А.И. О метрологии медных монет Сарая, Сарая ал-джадида и Гулистана в XIV в.

15	768, Ульджай-Тимур, САД					11 ⁸ экз. В _{ср.} = 2,9 г.
16	768, САД, 9-ячейстая «решётка»					8 экз. В _{ср.} = 4,7 г
17	768, САД, «зверь влево или направо»		5,6±0,1		4,4±0,1	68 экз. В _{ср.} без крайних значений = 5,1 г.
18	«768», САД, 4-осный орнамент		3,9±0,1		3,9±0,1	93 экз. В _{ср.} без крайних значений = 3,4 ⁹ г.
19	773, Тулунбек, САД		2,6±0,1		2,6±0,1	177 экз. В _{ср.} без крайних значений = 2,7 г.
20	787, Сарай, «секира»		2,0±0,1			70 экз.
21	790, ас-Сарай, 5-лепестковый орнамент		2,1±0,1		2,1±0,1	106 экз.
22	790-791, САД, 6-угольный орнамент,		2,3±0,1			67 экз.
23	796, САД, «две птицы»		2,0±0,1		1,9±0,1	43 ¹⁰ экз. В _{ср.} без крайних значений = 2,0 г.

Сокращения: САД – Сарай ал-Джадида; В_{ср.} – средний вес; Гист. – гистограмма, см в приложении 1.

Примечания: 1 – Пигарёв, 2014; 2 – показатели комплекса (клада?) из 28 пулов из д. Сахаровка – (2,1±0,1) г. [Степанов, Бугарчев, 2017]; 3 – Водянское – 21 экз., Царевское – 23 экз., Колобовское – 15 экз., Селитренное – 12 экз., Никольское 2004 г. – 8 экз., Сарайчук – 5 экз., Ниж. Новгород 2018 – 2 экз., фонды ГИМ по А.Г. Мухамадиеву 1983 – 2 экз.; 4 – Царевское 1970 – 20 экз. Колобовка 2004 – 16 экз., Селитренное 2002 – 10 экз., Сарайчук – 4 экз., Бельджамен 2000 – 3 экз., Каменный Бугор 2001 – 1 экз., фонды ГИМ по А.Г. Мухамадиеву 1983 – 9 экз.; 5 – Селитренное 2002 – 30 экз., Селитренное 2005 – 11 экз., Колобовка – 7 экз., Сарайчук, Царевское 1970 и Чертово – по 2 экз.; 6 – Селитренное 2002 – 30 экз., по 5 экз. из Сарайчука и Селитренного [2008]; 7 - «Солярный знак»: Колобовское – 9 экз., Царевское – 5 экз., Селитренное 2002 – 4 экз., Селитренное 2008 – 1 экз.; 8 «Ульджай-Тимур»: 6 экз. из Селитренного (2002), 3 экз. из Селитренного (2008), по 1 экз. с Каменного Бугра 2001 и из Иске-Казанского археологического комплекса (2,74, с надчеканом); 9 – диапазон разброса веса пулов № 18 – от 1,3 до 5,5 г, монеты весом 1,3–1,9 г выпадают из общей массы, поэтому был рассчитан средний вес 50 пулов с весами от 2,3 до 5,5 г, который равнялся 3,81 г.; 10 - «Две птицы»: Селитренное 2002 – 36 экз., Водянское – 3 экз., Каменный Бугор 2001 – 2 экз., Селитренное 2008 – 2 экз.

Мы не имеем возможности привести все построенные нами гистограммы, поэтому для образца приводятся только три графика (см. приложение 1), упомянутых в примечании таблицы 2. Из анализа таблицы 2 следует, что в период 721–750 гг. пулы чеканились с весовым ориентиром на

1,4 г на МД: Сарай в 721–743 гг.х., Сарай ал-Джадида – в 743–750 гг.х. (рис. 1, 1–5). Позднее, в 751–760 гг.х. на МД Сарай ал-Джадида стали чеканиться полоторные пулы «розетка» с весом 2,1 г, то есть в полтора раза тяжелее пулов предыдущего времени (рис. 1, 6).

Рис. 1. Типы медных монет 721–764 гг.х.

Fig. 1. Copper coins types of 721–764

Рис. 2. Типы медных монет 766–790 г.х.

Fig. 2. Copper coins types of 766–790

Прорисовки монет, использованные в рисунках 1 и 2, взяты из разных, упомянутых здесь, статей В. Б. Клокова и В. П. Лебедева.

Обсуждение

В 762 г.х. начал работать новый монетный двор – Гулистан. Единственный раз внешний вид монет Сарай ал-Джадида и Гулистан был идентичен – на них помещалось имя хана – Хызра, оформление поля на лицевой стороне также было одинаковым, различие проявлялось только на оборотных сторонах – в проставленном названии монетного двора (рис. 1, 7). Монеты чеканились с фактическим весом 2,9–3,1 г. Судя по большому количеству находимых экземпляров, двойные пулы с именем Хызра, помеченные топонимами Сарай ал-Джадида и Гулистан, чеканились на многих монетных дворах государства в течение нескольких лет. Например, на Болгарском городище за период 1946–1958 гг. было обнаружено 293 подобные монеты [Янина, 1962, с. 164–165]* (*В тексте на с. 159 указано количество 6 экз., в сводной таблице на с. 165 указано количество 8 экз. Хызра МД Сарай ал-Джадида. Нами учтено 6 экз. – прим. авт.). Нельзя исключать возможность, что сам монетный двор Гулистан выпускал пулы с именем Хызр-хана вплоть до 766 г.х. включительно. На каждом крупном археологическом памятнике среди сотен «хызровских» медяков встречаются монеты с датой «766» (например, на Болгарском городище в 1946–1952 гг. обнаружено 17 монет с указанной датой [Янина, 1954, с. 444]).

В 763 г.х. на МД Сарай ал-Джадида был выпущен новый тип с именем Килдибека и с весом 2,1–2,2 г. Как версию можно предположить, что

полуторные пулы «розетка» весом 2,1 г могли чеканиться до 763 г.х., то есть параллельно с двойными пулами Хызра, пока их не сменили монеты с именем Килдибека аналогичной весовой группы (рис. 1, 8).

В 764 г.х. появились новые типы – на монетном дворе Сарай ал-Джадида стали чеканиться монеты с именем Хайр-Пулада весом 2,6 г, а Гулистан стал производить пулы весом 4,4–4,5 г, или в полтора раза тяжелее хызровских пулов и в два раза тяжелее полуторных по весу пулов 1350-х гг. с «розеткой» (рис. 1, 9, 10).

В 766 г.х. был выпущен тип МД Гулистан с весом 2,5 г (рис. 2, 11).

Позднее, в 767 г.х., монетное производство Сарай ал-Джадида выпустило два новых типа (с именем Азиз-Шейха и так называемый тип «АГА») с одинаковым весом – 2,2–2,3 г, а Гулистан – более тяжелые монеты «соляренный знак» средним весом 3,9 г и возможным номиналом в 3 пула (рис. 2, 12–14).

Эмиссии Гулистана с годами после 767 г.х. не известны, в то время как производство Сарай ал-Джадида продолжало функционировать и в 768 г.х. были выпущены четыре типа пулов:

- с именем Ульджай-Тимура, мода $2,5 \pm 0,1$ г (средний вес 11 экз. – 2,9 г) (рис. 2, 15);

- с «4-осным» орнаментом, мода $3,9 \pm 0,1$ г (как у гулистановских пулов с «соляренным знаком») (рис. 2, 18);

- с орнаментом – 9-ячейстой решеткой, средний вес 8 экз. 4,7 г (рис. 2, 16);

- с изображением зверя, идущего вправо или влево, мода $5,6 \pm 0,1$ г (рис. 2, 17);

Как видно из приведенных цифр, в 768 г.х. на монетном дворе Са-

рай ал-Джадида было выпущено четыре серии разнотипных и разновесных монет. После выпусков 768 г.х. следует перерыв в чеканке меди с указанием года выпуска. В следующем десятилетии Сарай ал-Джадида начал выпускать монеты в 773 г.х. с именем Тулунбек-ханум и весовой ориентацией на 2,6 г, то есть в весовом отношении соответствовала монетам Хайр-Пулада (рис. 2, 19). В этот период возобновило работу монетное производство Сарай (*ас-Сарай*).

При Токтамыше в 787 г.х. монеты Сарая выпускались с фактической весовой ориентацией на 1,8 г, а через 3 года (в 790 г.х.) – на 2,1 г. В следующем 791 г.х. на МД Сарай ал-Джадида чеканились монеты с весовой ориентацией на 2,3 г (рис. 2, 21–23).

Мы специально выделили строчку в таблицах 1 и 2 для типа «лев – полное солнце», поскольку, судя по опубликованным материалам,

данные пулы чеканились в одном месте, и, в отличие от пулов «лев и солнце», не имели такого большого количества штемпельных вариантов [Клоков, Лебедев, 2000, с. 125, рис. 3, № 13]. Исходя из этого, можно полагать, что мода в 1,4 г для монет типа «лев – полное солнце» является наиболее близкой к изначальной моде, которую демонстрировали только что отчеканенные монеты.

Если взять за основу расчетов установленную В. Б. Клоковым и В. П. Лебедевым минимальную величину веса в 0,7 г и представить ее в качестве единицы отсчета для анализа полученных нами модальных величин, то эти выявленные моды будут являться кратными избранной единице. Таким образом, все разновесные «медяки» фактически составляют систему медных номиналов монет. В виде таблицы это выглядит следующим образом (см. табл. 3).

Таблица 3 – Соотношение веса медных монет XIV в.
Table 3 – Weight ratio of copper coins of XIV century

№ типа, год х.	Весовая группа (номинал)						
	1 1,4 г	1 +1/2 2,1 г	2 2,8 г	2+1/2 3,5 г	3 4,2 г	3+1/2 4,9 г	4 5,6 г
1-5. 721-750	X						
6. 751-760		X					
7. 762			X?	X?			
8. 763			X				
9. 764*						X	
10. 764 (Хайр-Пулад)*				X			
11. 766			X?				
12-13. 767 (Сарай ал-Джадида)		X					
14. 767 (Гулистан)					X		
17. 768* «зверь влево или направо»							X

18. «768»*, орнамент					X?		
19. 773			X				
20. 787		X					
21. 790		X					
22. 791		X?					
23. 796		X					

Примечание: *Последовательность типов 9-10 (764 г.х.) и типов 17-18 (768 г.х.) поставлена произвольно. В отдельных случаях у нас не было возможности однозначно установить, к какой весовой группе относятся монеты данного типа. В таких случаях в таблице поставлен вопросительный знак.

В таблице 3 не представлены монеты 768 г.х. Сарая ал-Джадида, тип «9-ячеистая решетка» и «Ульджай-Тимур», № 15–16, из-за небольшого количества известных нам экземпляров (средний вес 4,7 г и 2,9 г, соответственно, что может приравниваться к номиналам в 3½ и 2 пула). Из таблицы 3 следует, что с 721 до ~ 750 г.х. выпускались пулы с пятиконечной звездой (721 г.х.), с изображением сокола (726 г.х.), с легендой *ун алты (пул) данг* (731 г.х.), с изображением «льва и солнца» (с 737 г.х.) и с изображением «двуглавого орла» (с 743 г.х.). Все они чеканились как один номинал, а типы сменяли один другой вследствие развития инфляционных процессов из-за неконтролируемых объемов выпуска пулов. Начиная с 751 г.х., стали чеканиться пулы полоторного номинала («розетка»).

В 760–770-х гг.х. отдельные типы с изменением визуального оформления выпускались в прежних весовых границах: тип 764 г.х. (с именем Хайр-Пулада) – 2½ пула, типы 767 г.х. (с именами Азиз-Шейха и «АГА») – 1½ пула, тип 773 г.х. (с именем Тулунбек) – 2 пула. Самые «тяжелые» монеты чеканились в 768 г.х. номиналом в 4 пула. В 780–790-х гг.х. (в конце XIV в.) на МД Сарай и Сарай ал-Джадида также чеканились двойные пулы.

В своей статье 1966 г. Елена Абрамовна Давыдович вывела три критерия различия медных номиналов: «Медные монеты разного достоинства различались размерами, часто – внешним видом и обязательно – соответственно кратным весом» [Давыдович, 1966, с. 127]. Как мы

видим, на ордынских монетах XIV в. два выведенных критерия – вес и внешний вид – полностью подтверждаются.

Тот факт, что медные монеты разных номиналов разных годов выпуска обращались вместе, подтверждается опубликованными кладами медных монет. Укажем на некоторые из них:

- клад весом 6 фунтов (около 2,4 кг) медных джучидских монет, г. Царицын, 1890–1892 [Федоров-Давыдов, 1960, № 325]. В кладе присутствовали монеты Хызра 761 г.х., МД Сарай ал-Джадида и Гулистана и монеты со зверем 764 г.х., МД Гулистан;

- клад из 53 монет с Селитренного городища, 1977 г. [Федоров-Давыдов, 2003, № 325 д]. Состоял из пулов, чеканенных при Токтамыше: с двумя рыбами (тип «Янина, 1954, № 141»), с «весеми» (тип «Янина, 1954, № 130») и др.;

- клад с Селитренного городища 1986 г. [Федоров-Давыдов, 2003, № 325 л]. Состоял из монет Гулистана 764 г.х. (тип «Янина, 1954, № 112»), Сарая и Сарая ал-Джадида (там же, «№ 123 и 133»; тип «Янина, 1958, № 121 а») и др.;

- клад с Водянского городища 1973 г. [Федоров-Давыдов, 2003, № 328 г]. В кладе находились монеты с «розеткой» 1350-х гг., МД Гулистан 764 г.х. и с именем Хызра 762 г.х.

Определенную роль в обращении медных монет играли надчеканы, появившиеся во второй половине 1360-х гг. Известно, что в Булгаре использовались «лировидная тамга» и другие графические формы, на Водянском городище –

адил и другие, на Маджаре – стилизованная цифра «5», круг со «спицами» и т.д.

Выводы

Проведенное исследование позволило отследить динамику «медного» монетного дела. По мнению Г. А. Федорова-Давыдова, «с 1310 по 1380 гг. средние веса пулов отдельных выпусков изменялись, имея тенденцию в медных эмиссиях Сарая, Сарая ал-Джедид и Гулистана к повышению. Так, например, сравнительно легкие пулы 1330 г. сменились более тяжелыми в среднем пулами 1340-х годов (с изображением двуглавого орла), которые в 1350-х годах сменились еще более тяжелыми в среднем пулами (с изображением цветка-розетки), а им пришли на смену еще более тяжелые пулы Хызра и еще более тяжелые пулы второй половины 1360-х годов» [Федоров-Давыдов, 1987, с. 180].

Обнаруженные нами моды различных типов медных монет позволили скорректировать точку зрения Германа Алексеевича и установить, что:

1) пулы 1340-х гг. («двуглавый орел») не были тяжелее пулов 1330-х гг. («лев-солнце»), вес всех их стремился к одному и тому же значению веса;

2) по нашему представлению, полоторные пулы 1350–1360-х гг. не сменяли друг друга, а дополняли, насыщали рынки новыми номиналами;

3) после «тяжелых» пулов 768 г.х. в денежное обращение снова стали поступать монеты более легкие, с весом, стремящимся к значению в 2,1 г (фактически – 1,8–2,3 г) и 2,6 г;

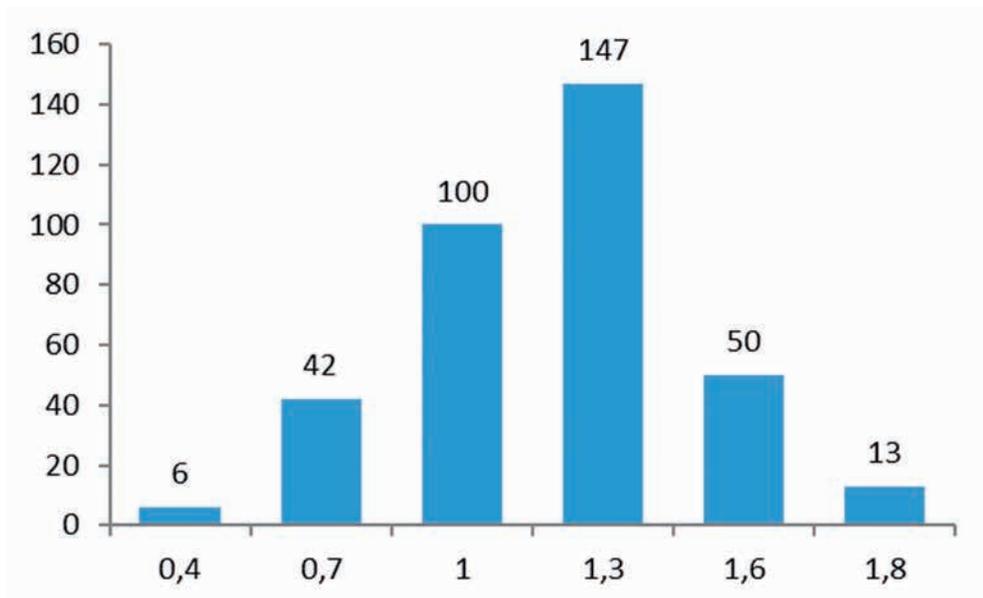
4) по внешнему оформлению золотоордынских «медяков» можно говорить о весовой группе, к которой они принадлежали. Выявилась закономерность – **смена изображения на медной монете не всегда вела к смене весовой группы**

– **номинала, но смена номинала всегда вела к смене изображения** (выделено автором – прим. ред.).

Кроме вышеназванных монетных дворов, на различных городищах и селищах XIV в. встречается продукция других монетных дворов – Булгара, Мохши, Хаджи-Тархана, Хорезма, Азака, Маджара, Орду, ал-Джадида, Крыма, Янгикента, Барчина, Дженда и анонимных монетных дворов. Например, по расчетам К. К. Хромова, весовые характеристики крымских пулов, чеканенных до 690 г.х., следующие: одни типы в диапазоне 1,1–1,9 г с максимумами в пределах 1,3–1,6 г; второстепенные моды на гистограммах таких пулов имеют значение 2,3–2,6 г; другие типы – М6 и М7 – имеют максимумы 2,0–2,9 г со второстепенными модами на 3,8–4,4 г; тип М20 весит от 4,4 до 10 г (где М6 и т.п. – номера типов монет по классификации В. П. Лебедева) [Хромов, 2017, с. 67–68; Лебедев, 2000]. По нашему мнению, медная чеканка МД Хорезм в XIV в. также могла быть представлена большим количеством номиналов. То есть, работа некоторых из монетных производств может быть названа относительно изученной, а работу других еще предстоит исследовать. Публикация и анализ метрологических и типологических особенностей серебряных и медных монет всех перечисленных монетных дворов помогут раскрыть состояние системы номиналов, обеспечивавших монетное медное обращение в Золотой Орде в XIII–XV вв.

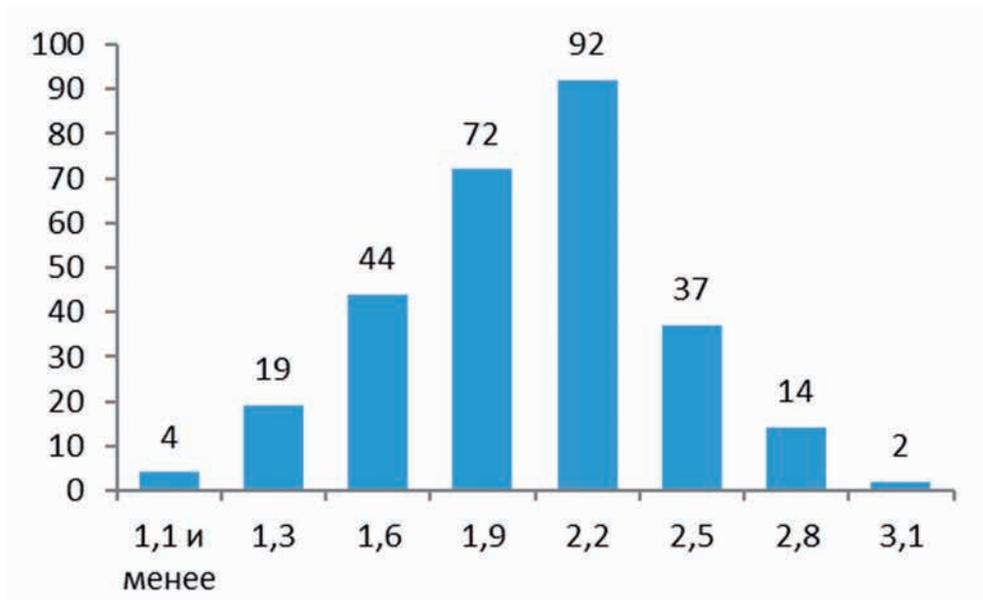
Благодарность. Выражаю благодарность Павлу Николаевичу Петрову за ценные советы при написании данной статьи.

Гистограммы зависимости количества монет от значения их веса

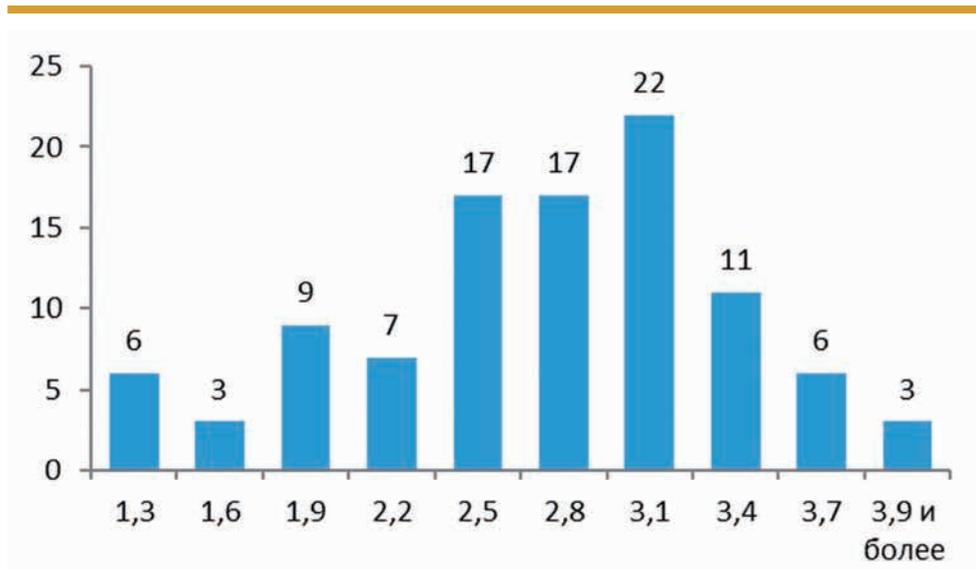
Мода $1,3 \pm 0,2$ г, 147 экз. (41,1%).

Гистограмма 1 – Зависимость количества пулов «двуглавый орел» от значения их веса. Учтено 358 экз. (по: [Клоков, Лебедев, 2002])

Мода $2,2 \pm 0,2$ г, 92 экз. (32,4%).

Гистограмма 2 – Зависимость количества пулов с «розеткой» (МД Сарай ал-Джадида) от значения их веса. Учтено 284 экз. (по: [Клоков, Лебедев, 2002])

Мода $3,1 \pm 0,2$ г, 22 экз. (21,8%)

Гистограмма 3 – Зависимость количества пулов с именем Хызр-хана (МД Сарай ал-Джадид и Гулистан) от значения их веса. Учтен 101 экз. (по: [Клоков, Лебедев, 2002])

ЛИТЕРАТУРА

1. Виничек В.А., Лебедев В.П. Период экономической активности на Никольском селище по нумизматическим данным // Древности Поволжья и других регионов. Вып. V. Нумизматический сборник. Т. 4. М.: Нумизматическая литература, 2004. С. 119–148.
2. Гончаров Е.Ю. Медные монеты Сарая ал-Джадида // Древности Поволжья и других регионов. Вып. V. Нумизматический сборник. Т. 4. М.: Нумизматическая литература, 2004. С. 7–22.
3. Грибов Н.Н. Нижний Новгород в XV веке: поиски утраченного города. М.: ИА РАН, 2018. 589 с.
4. Давидович Е.А. Денежное обращение в Мавераннахре при Саманидах // Нумизматика и эпиграфика. Т. VI. М.: Наука, 1966. С. 103–134.
5. Клоков В.Б., Лебедев В.П. Монетное обращение золотоордынского города Бельджамен // Древности Поволжья и других регионов. Вып. III. Нумизматический сборник. Т. 2. М.: ИПР «Информэлектро», 2000. С. 56–147.
6. Клоков В.Б., Лебедев В.П. Монетный комплекс с Селитренного городища (Золотая Орда, город Сарай) // Древности Поволжья и других регионов. Вып. IV. Нумизматический сборник. Т. 3. М.: Информэлектро, 2002. С. 73–165.
7. Клоков В.Б., Лебедев В.П. Монетные комплексы трех небольших золотоордынских поселений Нижнего Поволжья // Древности Поволжья и других регионов. Вып. V. Нумизматический сборник. Т. 4. М.: Нумизматическая литература, 2004. С. 76–118.
8. Клоков В.Б., Лебедев В.П. Денежное обращение небольшой золотоордынской крепости в дельте Итиля (Чертово городище) // Татарская археология. 2004. № 1–2 (12–13). С. 73–85.

9. Кротков А.А. Два собрания джучидских монет. Труды Нижневолжского общества краеведов. Вып. 37. Саратов: Издание Нижневолжского общества краеведения, 1930. 48 с.
10. Лебедев В.П. Корпус монет Крыма в составе Золотой Орды (сер. XIII – нач. XV в.) // Вестник Одесского музея нумизматики. 2000. Вып. 2. С. 12–34.
11. Лебедев В., Клоков В. Монеты с юго-восточных окраин Сарая // Татарская археология. 2001. № 1–2 (8–9). С. 22–52.
12. Мухамадиев А.Г. Булгаро-татарская монетная система XII–XV вв. М.: Наука, 1983. 168 с.: XXI табл. ил.
13. Петров П.Н. Клад из Дев-кескен-кала и вопросы начала чеканки серебряных монет в Джучидском улусе // Золотоордынская цивилизация. 2010. Вып. 3. С. 121–149.
14. Пигарев Е.М. Золотоордынские монеты из раскопок и сборов археологической экспедиции музея-заповедника на Селитренном городище в 2003–2005 гг. (к общей статистике находок) // Монеты и денежное обращение в моногольских государствах XIII–XV веков: тр. Междунар. нумизм. конф. М.: Нумизм. литература, 2008. С. 128–136.
15. Пигарев Е.М. Новые клады медных золотоордынских монет с Селитренного городища // Нумизматика Золотой Орды. 2014. № 4. С. 161–166.
16. Самашев З., Бурнашева Р., Базылхан Н., Плахов В. Монеты Сарайчика. Алматы: Археология, 2006. 184 с.
17. Степанов О.В., Бугарчев А.И. Находки джучидских монет из окрестностей д. Сахаровка Алексеевского района РТ // X Всероссийская научно-практическая историко-краеведческая (с международным участием) конференция «Проблемы истории и культуры Татарстана и народов Волго-Уральского региона». Вып. 6. Проблемы региональной истории и музейно-краеведческая работа. Казань: Изд-во «Яз», 2017. С. 29–32.
18. Федоров-Давыдов Г.А. Клады джучидских монет // Нумизматика и эпиграфика. 1960. Т. I. С. 94–192: 5 карт.
19. Федоров-Давыдов Г.А. Денежное дело Золотой Орды. М.: «Палеограф», 2003. 352 с. + 40 с. ил.
20. Хромов К.К. Характеристика весовых данных крымских пулов, выпущенных до 690 г.х. // Деятнадцатая Всероссийская нумизматическая конференция: тезисы докл. и сообщ. (г. Москва, 18–22 апреля 2017 г.). М.: ГИМ; ИА РАН, 2017. С. 67–68.
21. Янина С.А. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской археологической экспедиции в Болгарах в 1946–1952 гг. // МИА СССР. 1954. № 42. С. 424–484.
22. Янина С.А. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской археологической экспедиции в Болгарах в 1953–1954 гг. // МИА СССР. 1958. № 61. С. 392–423.
23. Янина С.А. Общий обзор коллекции джучидских монет из раскопок и сборов Куйбышевской археологической экспедиции в Болгарах (1946–1958 гг.) // МИА СССР. 1962. № 111. С. 153–178.
24. Янина С.А. Монеты Золотой Орды из раскопок и сборов Поволжской археологической экспедиции на Царевском городище в 1959–1962 гг. // Поволжье в средние века. М.: Наука, 1970. С. 194–223: 4 табл. ил.

Сведения об авторе:

Бугарчев Алексей Игоревич – лаборант-исследователь, Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ (г. Казань, Россия); Abugar.61@rambler.ru

XIV ғ. САРАЙДАҒЫ, ӘЛ-ЖАДИД САРАЙЫ МЕН ГҮЛСТАҢДАҒЫ БАҚЫР ТИЫНДАРДЫҢ МЕТРОЛОГИЯСЫ ТУРАЛЫ

А. И. Бугарчев

Зерттеудің мақсаты XIV ғасырдағы Алтын Ордадағы бақыр тиындар жүйесінің кесімді құрылымын анықтау болып табылады. Ордалық бақыр тиындардың метрологиялық сипаттамасы қарастырылады. XIV ғ. түлі кезеңдерінде Сарайдағы, әл-Жадид сарайы мен Гүлстанда жұмыс жасаған ақша сарайларының өнімдері зерттелді. Зерттеуге Водянское, Селитренное, Царевское, Зубовское, Колобовка и Чертово секілді қалашықтар мен елді мекендердерден жинақталған жинақтар пайдаланылды. Гистограмм түріндегі нәтижелерді пайдалана отырып, автор XIV ғ. бақыр тиындар түрлі кесімдерге сәйкес келетін әртүрлі салмақты топтармен соғылған деген қорытындыға келеді. Автордың пікірі бойынша XIV ғ. екінші жартысындағы ақша айналымында 1, 1½, 2, 2½, 3, 3½ және 4 пұлды бақырлар қолданылған. Олар тек салмағы жағынан ғана емес, сыртқы келбетімен де ерекшеленген, сонысына қарай тұрғындар оларды жеңіл ажырата алған.

Түйін сөздер: археология, Алтын Орда, Сарай, әл-Жадид сарайы, Гүлстан, XIV ғ., бақыр тиындар, пул, кешен, ақша сарайы

ABOUT METROLOGY OF COPPER COINS OF SARAY, SARAY AL-JADID AND GULISTAN IN XIV CENTURY

A. I. Bugarchev

In the article, the metrological characteristics of copper coins of the Golden Horde are considered. The author has studied the products of mints of Saray, Saray al-Jadid and Gulistan, which worked in different periods of the XIV century. For the study there were used the samples from such settlements as Vodyanskoe, Selitrenoe, Tsarevskoe, Zubovskoe, Kolobovka and Chertovo. Using the results in the form of histograms, the author concluded that copper coins of the XIV century were minted in different weight groups, which corresponds to different denominations. According to the author, in the monetary circulation of the second half of the XIV century coins were used in 1, 1½, 2, 2½, 3, 3½ and 4 pūls. They were distinguished not only by weight, but also by appearance, so that they were easily identified by the population.

Keywords: archaeology, The Golden Horde, Saray, Saray al-Jadid, Gulistan, XIV century, copper coin, pūl, complex, mint

REFERENCES

1. Vinichek, V. A., Lebedev, V. P. 2004. In Petrov, P. N. (ed.) *Numizmaticheskii sbornik (Numismatic Proceedings)*, 4, 119–148 (in Russian).
2. Goncharov, E. Yu. 2004. In Petrov, P.N. (ed.) *Numizmaticheskii sbornik (Numismatic Proceedings)*, 4, 7–22 (in Russian).
3. Gribov, N. N. 2018. *Nizhnii Novgorod v XV veke: poiski utrachenogo goroda (Nizhnii Novgorod in XV: search of the lost city)*. Moscow: Archeology Institute RAN Publ. (in Russian).
4. Davidovich, E. A. 1966. In *Numizmatika i Epigrafika (Numismatics and Epigraphy)*, VI, 103–134 (in Russian).
5. Klokov, V. B., Lebedev, V. P. 2000. In P.N. Petrov, P. N. (ed.) *Numizmaticheskii sbornik (Numismatic Proceedings)*, 2, 56–147 (in Russian).
6. Klokov, V. B., Lebedev, V. P. 2002. In Petrov, P. N. (ed.) *Numizmaticheskii sbornik (Numismatic Proceedings)*, 3, 73–165 (in Russian).

7. Klokov, V. B., Lebedev, V. P. 2004. In Petrov, P. N. (ed.) *Numizmaticheskii sbornik* (Numismatic Proceedings) 4, 76–118 (in Russian).
8. Klokov, V. B., Lebedev, V. P. 2004. In *Tatarskaia Arkheologiia* (Tatar Archeology), 1–2 (12–13), 73–85 (in Russian).
9. Krotkov, A. A. 1930. In *Trudy Nizhnevolzhskogo obchestva kraevedov* (Works of the Nizhnevolzhsky Society of Local History), 37 (in Russian).
10. Lebedev, V. P. 2000. In *Vestnik Odesskogo muzeia numizmatiki* (Bulletin of Odessa Museum of Numismatics) 2 (in Russian).
11. Lebedev, V. P., Klokov, V. B. 2001. In *Tatarskaia Arkheologiia* (Tatar Archeology), 1–2 (8–9), 22–52 (in Russian).
12. Mukhamadiev, A. G. 1983. *Bulgaro-tatarskaya monetnaya sistema XII–XV vv.* (Bulgar-Tatar monetary system of the 12th–15th centuries.). Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
13. Petrov, P. N. 2010. In *Zolotoordynskaia civilizaciia* (Golden Horde Civilization), 3, 121–149 (in Russian).
14. Pigarev, E. M. 2008. In Petrov, P. N. (ed.) *Trudy Mezhdunarodnikh numizmaticheskikh konferencii* (Works of the International Numismatic Conferences). Moscow: “Numizmaticheskaiia literatura” Publ., 128–136 (in Russian).
15. Pigarev, E. M. 2014. In *Numizmatika Zolotoi Ordy* (Golden Horde Numismatic), 4, 161–166 (in Russian).
16. Samashev, Z., Burnasheva, R., Bazylkhan, N., Plakhov, V. 2006. *Monety Sarai-chika* (Coins of Saraychik). Almaty: “Arkheologiya” Publ. (in Kazakh, Russian).
17. Stepanov, O. V., Bugarchev, A. I. 2017. In Burkhanov, A. A. (ed.) *X Vserossiiskaya nauchno-practicheskaya (s mezhdunar. uchastiem) konferenciia* (All-Russian scientific and practical historical and local history (with international participation), 6. Kazan: “Yaz” Publ., 29–32 (in Russian).
18. Fyodorov-Davydov, G. A. 1960. In Shelov, D. B. (ed.) *Numizmatika i Epegrafika* (Numismatic and Epigraphic), I, 94–192 (in Russian).
19. Fyodorov-Davydov, G. A. 2003. *Denezhnoe delo Zolotoy Ordy* (The Monetary Sistem of Golden Horde). Moscow: “Paleograf” Publ. (in Russian).
20. Khromov, K. K. 2017. In *Deviatnadcataia Vserossiiskaiia Numizmaticheskaiia konferenciia* (XIX All-Russian Numismatic Conference), 67–68 (in Russian).
21. Yanina, S. A. 1954. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR* (Materials and Studies on the USSR Archaeology), 42, 424–484 (in Russian).
22. Yanina, S. A. 1958. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR* (Materials and Studies on the USSR Archaeology), 61, 392–423 (in Russian).
23. Yanina, S. A. 1962. In *Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR* (Materials and Studies on the USSR Archaeology), 111, 151–178 (in Russian).
24. Yanina, S. A. 1970. In *Povolzhie v srednie veka* (Volga region in the Middle Ages), 194–223 (in Russian).

About the Author:

Bugarchev Alexey I. Laboratory researcher, Institute of Archaeology named after A.Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan; Abugar.61@rambler.ru

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді.
/ Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
/ Disclosure of conflict of interest information. The author claim no conflict of interest.

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 04.11.2019.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 11.11.2019.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 18.11.2019.

МЕДНЫЙ ЧЕКАН КУНЧЕ ХАНА В УЗКЕНДЕ

© 2020 г. А. О. Брагин, Б. И. Леонов

В настоящее время основной целью джучидской нумизматики Присырдарьинского региона последнего тридцатилетия XIV в., и данной статьи в частности, является кропотливый поиск неизвестных ранее местных монетных выпусков и ввод их в научный оборот. Впервые описан медный джучидский пул, битый в 783/1381–1382 гг. на монетном дворе Узкенд (Присырдарьинский регион) от имени хана Кунче. О серебряном чекане этого эмитента уже сообщалось в научных изданиях ранее. События конца XIV века в районе рек Арысь и Сырдарья в значительной степени остаются белым пятном в истории Золотой Орды и государства Тимура Тамерлана. Время правления Кунче в качестве хана в присырдарьинских землях можно ограничить рамками 782–784/1380–1383 гг.

Ключевые слова: археология, Джучиды, Золотая Орда, Тукатимуриды, Тимуриды, Токтамыш, Кунче-хан, монеты, пул, денежная политика, река Арысь, река Сырдарья, Узкенд

Введение

В Туркестанской области в районе впадения реки Арысь в Сырдарью (точное место находки установить не удалось) в 2018 г. на поверхности земли на распахке местным жителем была найдена необычная медная монета, изображение которой было любезно предоставлено авторам статьи для изучения. Беглый осмотр изучаемого экземпляра позволил отнести ее к Узкендскому (Присырдарьинский Узкенд) чекану Кунче-хана. На медном пуле в монетной легенде были видны: имя эмитента, название монетного двора и остатки года выпуска.

Целью настоящей публикации является фиксация факта чеканки именных медных монет Тукатимурида Кунче-хана на Узкендском монетном дворе в 783/1381–1382 гг., а также введение в научный оборот уникального нумизматического памятника, раскрывающего особенности монетного дела и денежного обращения в

период правления джучидского хана Кунче.

Описание материала

Приведем описание данного экземпляра (рис. 1):

№ 1. АЕ пул. Кунче-хан, Узкенд, [78]3 г.х. В=1,55 г; Д=15,3×17 мм.

Л.с. В поле (вид картуша не сохранился) – легенда:

[Æ]/¾e[B̄·]A /Ba ÉVĀĪ[·] /ÆB
i ¼rA

О.с. В поле, заключенном в квадратный картуш:

[78]3 /[fĀ]-kĒA /[L]jy

Обсуждение

Поиск аналогов медных монет в нумизматической литературе, публикациях и доступных музейных собраниях России и Казахстана не дал положительных результатов. Важно отметить, что описываемая монета (рис. 1) является уникальной на дан-

Рис. 1. АЕ пул. Кунче-хан, Узкент, [78]3 г.х. В=1,55 г; Д=15,3×17 мм

Fig. 1. AE pul. Kunche khan. Uzgend mint. [78]3 AH. W=1,55 g; D=15,3×17 mm

ный момент времени. Но если обратиться к недавним работам Р. Ю. Ревы и А. О. Брагина, в которых изучались Узкентские серебряные данги этого хана, то можно заметить внешнее сходство в оформлении [Рева, Брагин, 2016; 2017]. Для примера приведем изображение серебряного данга (рис. 2) Кунче-хана из присырдарьинского клада конца XIV в. [Рева, Брагин, 2016, с. 285 – № 28].

Опираясь на существующие публикации, мы располагаем фак-

тической информацией чекана серебряных монет от имени вновь открытого хана Кунче на таких монетных дворах, как Сыгнак, Узкент и Сарай (Присырдарьинский). До публикации этих трудов, также выходили единичные статьи, описывающие данги нового монетного двора Узкент с ошибочным отнесением этих эмиссий к хану Токтамышу [Петров и др., 2014, с. 173; Гончаров, Ержанов, 2015, с. 80–83]. Стиль надписей, состав монетной легенды обеих сторон, как и

Рис. 2. АР данг. Кунче-хан, Узкент, 783 г.х. В=0,99 г

Fig. 2. AR dang. Kunche khan. Uzgend mint. 783 AH. W=0,99 g

общее композиционное построение, позволяет сделать выводы о работе одного мастера над штемпелями для медных и серебряных монет на монетном дворе Узкенде.

Хан, чье имя указано на данной монете, не упомянут ни в одном из письменных источников как не маркированный хан-правитель. Исторические исследования, посвященные истории Джучидов, также обошли этот персонаж своим вниманием и встретить имя Кунче в них невозможно. Это имя упоминается только в статусе царевича – оглана, помощника и близкого сподвижника амира Тимура в 793/1391 г. во время похода сахибкирана на Токтамыш, а после этого уже в статусе оглана как командующего правым флангом войск Токтамыша в 797/1394–1395 г. во время эпического сражения на Тереке. Судя по обнаружению все новых документальных свидетельств, каковыми являются свидетельства нумизматического источника, известные ныне нарративные письменные источники не обеспечивают нас всей необходимой полнотой информации о протекавших исторических событиях в этом регионе.

Кунче оглан (Кундже - *Évīl*. [Му'изз ..., 2006, с. LVI]) из Тукатимуридской ветви являлся сыном хана Кутлук-Тимура, внуком Нумакана (Нугмана), был братом хана Тимура, отца Тимур-Кутлуга, а также братом Кутлубека – отца Шадибека. У Ибн Халдуна указывается, что отец Кунче – Кутлук-Тимур был провозглашен ханом во время правления Абдаллаха – ставленника Мамая [Шараф ад-Дин, 2008, с. 390]. Брат Кунче – Тимур также был правившим ханом, об этом указано в генеалогических таблицах [Му'изз ..., 2006, с. LVI], также он назван Темур-Мелик-ханом – отцом Тимур-Кутлук-оглана в «Зафар-Наме» [Шараф ад-Дин, 2008, с. 140].

После смерти брата – хана Тимура, Тукатимурид Кунче возглавил род потомков Нумакана. После ухода в 781/1379–1380 г. Токтамыш-хана на завоевание Поволжского престола Кунче оглан, несомненно, считавший себя более достойной кандидатурой на владение тронном, объявил себя ханом в землях Сыгнакских. В 782? – 783/ 1380? –1382 гг. правил в Присырдарьинском Узкенде. Присырдарьинский Узкенд, Кыр-Узгенд, следует отличать от Узгенда Ферганского [Гончаров, Ержанов, 2015, с. 80–83]. В 783/1381–1382 г. Кунче завладел Сыгнаком, где продержался до 784/1382–1383 г. Время правления Кунче в качестве хана в присырдарьинских землях можно ограничить рамками 782–784/1380–1383 гг. Более подробные сведения о личности Кунче-хана и нумизматические свидетельства его правления опубликованы ранее [Рева, Брагин, 2016; 2016а; 2016б; 2017; 2017а]. Право сикка новый правитель реализовал в полном объеме, о чем красноречиво говорят серебряные и медные монеты с его именем. Весть о восшествии на трон Кунче-хана разнеслась по ближайшим областям и дошла до нашего времени также благодаря самим монетам.

Выводы

Итак, в научный оборот введена информация о чекане именных медных пулов Тукатимурида Кунче-хана на монетном дворе Узкенд в 783/1381–1382 г. Сравнительный анализ медного пула с экземплярами серебряных дангов позволяет говорить о работе одного мастера-резчика штемпелей в Узкенде. Важно отметить, что вопрос отсутствия информации в исторических хрониках того времени о фактах появления нового хана и захвата им ключевых городов остается открытым на сегодняшний день. Находка новых кладов, а также

единичных экземпляров монет, чеканенных на присырдарьинских монетных дворах в конце XIV в., позволит существенно обогатить информацию о монетном деле в правление Кунче-хана и, возможно, в дальнейшем под-

твердить, дополнить и уточнить сделанные выводы. Сбор таких сведений продолжается авторами методично в целях проведения более детальной реконструкции монетного дела Приаралья конца XIV – начала XVI в.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гончаров Е.Ю., Ержанов А. Город Узгенд: монетный двор и денежное обращение. Южный Казахстан, XIII–XV вв. // Восемнадцатая Всероссийская нумизматическая конференция: тез. докл. и сообщ. (г. Москва, Коломна, 20–25 апреля 2015 г.). М.: Триумф принт, 2015. С. 80–83.
2. Му'изз ал-ансаб. (Прославляющее генеалогии) // История Казахстана в персидских источниках. Алматы: «Дайк-Пресс», 2006. Т. 3. 672 с.
3. Настич В.Н. Улджайтимур-хан: время и деньги (нумизматический обзор) // ЭВ. 2009. Вып. XXVIII. С. 168–186.
4. Петров П.Н., Байпаков К.М., Воякин Д.А. Монетное дело и денежное обращение в Великой Монгольской империи, государствах Чагатаидов и Джучидов на территории Казахстана. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2014. 264 с.
5. Рева Р.Ю., Брагин А.О. Присырдарьинский клад конца XIV века (Ч. 1) // Stratum Plus. 2016. № 6. С. 279–293.
6. Рева Р.Ю., Брагин А.О. Нумизматические свидетельства правления Кунче-хана // Нумизматика Золотой Орды. 2016а. № 6. С. 87–94, 157
7. Рева Р.Ю., Брагин А.О. История Приаралья в конце XIV века по летописным и нумизматическим данным (Ч. 1. События 773–781 годов Хиджры) // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2016б. Т. 15, № 7: Археология и этнография. С. 140–148.
8. Рева Р.Ю., Брагин А.О. Присырдарьинский клад конца XIV века (Ч. 2) // Stratum Plus. 2017. № 6. С. 171–189.
9. Рева Р.Ю., Брагин А.О. История Приаралья в конце XIV века по летописным и нумизматическим данным. (Ч. 2. События 781–793 годов Хиджры) // Вестник НГУ. Сер.: История, филология. 2017а. Т. 16. № 3: Археология и этнография. С. 89–97.
10. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. Извлечения из сочинений арабских. СПб.: Издано на иждивение графа С.Г. Строганова, 1884. 566 с.
11. Шараф ад-Дин Али Йазди. Зафар-Наме. Книга побед амира Темура. Ташкент: SANAT, 2008. 488 с.

Сведения об авторах:

Брагин Андрей Олегович – научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Маргулана (г. Алматы, Казахстан), аспирант, Центр исследований истории Золотой Орды, Институт истории им. Ш. Марджани (г. Казань, Россия); rasmir@mail.ru

Леонов Борис Иванович – исследователь, нумизмат (г. Санкт-Петербург, Россия); overshtag@bk.ru

КҮНШЕ ХАННЫҢ ӨЗГЕНТТЕГІ МЫС АҚША ШЕКІМЕСІ

А. О. Брагин, Б. И. Леонов

Қазіргі кезде XIV ғ. соңғы отыз жылындағы Сырдария өңіріндегі жошылық нумизматиканың, оның ішінде осы мақаланың басты мақсаты бұрын беймәлім болып келген жергілікті ақша шығаруды іздестіру және оларды ғылыми айналымға қосу болып табылады. Алғаш рет Күлше ханның атынан Өзкент (Сырдария өңірі) ақша сарайында 783/1381–1382 жж. соғылған мыс жошылық пұл ғылыми айналымға енгізіледі. Осы ақша шығарушының күміс ақша шекімесі туралы осыған дейінде ғылыми басылымдарда айтылған болатын. Арыс пен Сырдария өзендерінің бойындағы XIV ғ. соңындағы оқиға Алтын Орда мен Темір Темірлан мемлекетінің тарихындағы ақтаңдақтар болып қалып келеді. Күнше ханның сырдариялық өңір жерлеріндегі билік еткен мерзімін 782–784/1380–1383 жылдармен шектеуге болады.

Түйін сөздер: археология, жошылықтар, Алтын Орда, Тоқа Темір ұрпақтары, Темір ұрпақтары, Токтамыс, Күнше хан, ақшалар, пұл, ақша саясаты, Арыс өзені, Сырдария өзені, Өзкент

COPPER MINTAGE KUNCHE KHAN IN UZKEND

A. O. Bragin, B. I. Leonov

The main purpose of the Jochi numismatics of the Syrdarya region of the last thirty years of the XIV century, and of this article in particular, is a detailed search for previously unknown local coin issues and their introduction into scientific circulation. The copper Jochi pül minted in 783/1381–1382 at the mint with the name of khan Kunche was introduced into scientific circulation for the first time. The silver mint of this issuer has already been reported in scientific publications earlier. The events of the late XIV century in the area of the Arys and Syrdarya rivers largely remain a white spot in the history of the Golden Horde and the state of Timur Tamerlan. The time of Kunche's reign as a khan in the Syrdarya lands can be limited to 782–784/1380–1383.

Keywords: archaeology, Jochids, Golden Horde, Tukatimurids, Timurids, Toktamys, Kunche khan, coins, pül, monetary policy, Arys River, Syrdarya River, Uzkend

REFERENCES

1. Goncharov, E. Yu., Erzhanov, A. 2015. In *Vosemnadcataya Vserossiyskaya numizmaticheskaya konferenciya (18th Russian Numismatic Conference)*. Moscow: «Triumf print» Publ., 80–83 (in Russian).
2. Mu'izz al-ansab. 2006. *Istoriya Kazahstana v persidskih istochnikah (History of Kazakhstan in Persian sources)*. Almaty: «Dayk-Press» Publ. (in Russian).
3. Nastich, V. N. 2009. In *Epigrafika Vostoka (Epigraphy of the East)*, XXVIII, 168–186 (in Russian).
4. Petrov, P. N., Baipakov, K. M., Voyakin, D. A. 2014. *Monetnoe delo i denezhnoe obrashchenie v Velikoy Mongolskoy imperii, gosudarstvah Chagataidov i Juchidov. Kazakhstan (Monetary affairs and monetary circulation in the Great Mongol Empire, the states of the Chagataids and the Juchids. Kazakhstan)*. Almaty: A.Kh. Margulan Institute of Archeology Publ. (in Russian).
5. Reva, R. Yu., Bragin, A. O. 2016. In *Stratum Plus*, 6, 279–293 (in Russian).
6. Reva, R. Yu., Bragin, A. O. 2016a. In *Golden Horde Numismatics*, 6, 87–94, 157 (in Russian).

7. Reva, R. Yu., Bragin, A. O. 2016b. In *Bulletin of Novosibirsk State University*, 15, no. 7, 140–148 (in Russian).
8. Reva, R. Yu., Bragin, A. O. 2017. In *Stratum Plus*, 6, 171–189 (in Russian).
9. Reva, R. Yu., Bragin, A. O. 2017a. In *Bulletin of Novosibirsk State University*, 16, no. 3, 89–97 (in Russian).
10. Tizengauzen, V. G. 1884. *Sbornik materialov, odnosyashchihsya k istorii Zolotoy Ordy (The collection of materials related to the history of the Golden Horde)*. Saint Petersburg: “Izdano na izhdivenie grafa S.G. Stroganova” Publ. (in Russian).
11. Sharaf ad-Din Ali Jazdi. 2008. *Zafar-Name. Kniga pobed amira Temura (Amir Timur's book of victories)*. Tashkent: SANAT Publ. (in Russian).

About the Authors:

Bragin Andrey O. Researcher, A.Kh. Margulan Archeology Institute, Almaty, Kazakhstan; Post-graduate student, Center for Research of History of the Golden Horde, Sh. Marjani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russia; rasmir@mail.ru

Leonov Boris I. Researcher, Numismatist, Saint Petersburg, Russia; overshtag@bk.ru

Мүдделер қактығысы туралы ақпаратты ашу. Авторлар мүдделер қактығысының жоқтығын мәлімдейді.
/ Раскрытие информации о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
/ Disclosure of conflict of interest information. The authors claims no conflict of interest.

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 04.11.2019.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 11.11.2019.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 18.11.2019.

АҚЫНЖАНОВ ОҚУЛАРЫ – 2019

© 2020 ж. Ә. Д. Қасенова, М. С. Шағырбаев

2019 ж. 17 қазан күні Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтында белгілі археолог С.М. Ақынжановтың 80 жылдығына арналған жас ғалымдардың халықаралық конференциясы болып өтті. Тыңдалған баяндамалар Қазақстанның тас дәуірі, қола дәуірі, ерте темір және ортағасырлардағы өзекті мәселелеріне арналған. Жалпы конференция барысында «Сырдарияның төменгі ағысында орналасқан ортағасырлық оғыз қалаларындағы жаңа зерттеулерге қысқаша шолу» және «Көне дәуірдегі мал шаруашылығы мен аңшылықтың маңызы (остеологиялық материалдар негізінде)» атты баяндамалар жас археологтар арасында үлкен пікірталасқа ұласты. Конференцияға Әл-Фараби атындағы Қазақ Ұлттық университеті, Абай атындағы Қазақ Ұлттық педагогика университеті, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия Ұлттық университеті, Қорқыт Ата атындағы Қызылорда мемлекеттік университеті, Курган мемлекеттік университеті (Курган к., РФ), Кемерово мемлекеттік университеті (Кемерово к., РФ), Қазақ Бас Сәулет Құрылыс Академиясының студенттері және «Ежелгі Тараз ескерткіштері» тарихи-мәдени қорық-музейі, «Есік» мемлекеттік тарихи-мәдени қорық музейі, «Археологиялық экспертиза» ЖШС және Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының жас ғалым-ізденушілері қатысып, ғылыми зерттеу жұмыстарын жарияланымға ұсынды.

Түйін сөздер: археология, Ә.Х. Марғұлан, С.М. Ақынжанов, институт, қорық, музей, конференция, жас ғалымдар, шеберлік сабағы, остеология

Сержан Мұсатайұлы Ақынжанов ұзақ жылдар бойы Оңтүстік Қазақстан кешенді археологиялық экспедициясына жетекшілік ете отырып, Отырар қаласының археологиялық зерттелуіне үлесін қосқан белгілі археолог. Ғалым 1982 жылдан 1986 жылға дейін Шығыс Қазақстандағы Шүлбі археологиялық экспедициясына жетекшілік жасаумен қатар, 1982 жылдан 1991 жылға дейін Орталық Қазақстандағы кең ауқымды археологиялық экспедициясына жетекшілік етті.

Сержан Мұсатайұлы 1984 жылдан бастап «Археологиялық

технологиялар» лабораториясының меңгерушісі қызметін атқарған [Савельева, 2019, с. 37]. Бүгінде аталған лаборатория араға уақыт салып, қайта қалпына келтірілуде. Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының бастамасымен 1993 ж. тұңғыш рет «Ақынжанов оқулары» ұйымдастырылып, аталған конференция жас археологтар үшін ғылыми тұжырымдарын жариялап, тәжірибе алмасатын өзінше бір ой талқысының алаңына айналғаны белгілі [Байпаков, 2017, с. 179].

Археология ғылымы соңғы жылдары методологиялық әдістердің жаңа сипат алуы және жаратылыста-

ну ғылымдарының зерттеу әдістерін кең қолданысқа енгізу арқылы өзінің даму қарқынын күшейтіп келеді. Жинақталған материалдарды талдау әдістерінің жетілдірілуі және бай археологиялық жәдігерлер мен қазба жұмыстарының негізінде жинақталған білім өз кезегінде жас ғалымдардың алдағы зерттеулеріне үлкен септігін тигізері анық. Дегенмен тәжірибе алмасу, ғылыми тұжырымдарын ортаға салып, сараптап, ой бөлісу, сонымен қатар өз зерттеулеріндегі тұшымды пікірлері мен кемшіліктерін көре білуі маңызды. Осыған орай, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты арадағы бірнеше жылдық үзілістерден кейін, аталған конференцияны ғылымда соңғы жылдары қалыптасқан жаңа үдерістерге сай қайта жалғастыру мақсатында 2019 ж. 17 қазан күні көрнекті археолог – Сержан Мұсатайұлы Ақынжановтың 80 жылдығына арналған «Ақынжанов оқулары – 2019» атты жас ғалымдардың археологиялық халықаралық конференциясын ұйымдастырды (сур. 1). Конференция жинағына Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының архив қорынан С.М. Ақынжановтың бұрын еш жерде жарияланбаған жеке іс парағы, фотоқұжаттары жарияланды [ҚР БҒМ ҒК АИ архиві. 1-қ., 75-іс, 16-п.]. Институт басшылығы осы бір үзілген дәстүрді жалғастыру мақсатында жыл сайын «Ақынжанов оқуларының» кезекті жинағына С.М. Ақынжановтың библиографиялық еңбектерінің тізімін, архив қорындағы мәліметтерді жариялауды дәстүрге айналдыруды жоспарлап отыр. Конференция барысында Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының ұйымдастыруымен өткен С.М. Ақынжановтың 80 жыл-

дығына арналған «Ақынжанов оқулары – 2019» халықаралық жас ғалымдар археологиялық конференциясына қатысушы барлық жас ғалымдарға арнайы сертификат табысталды.

Конференцияға Әл-Фараби атындағы Қазақ Ұлттық университеті, Абай атындағы Қазақ Ұлттық педагогика университеті, Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия Ұлттық университеті, Қорқыт Ата атындағы Қызылорда мемлекеттік университеті, Курган мемлекеттік университеті (Курган қ., РФ), Кемерово мемлекеттік университеті (Кемерово қ., РФ), Қазақ Бас Сәулет Құрылыс Академиясының студенттері және «Ежелгі Тараз ескерткіштері» тарихи-мәдени қорық-музейі, «Есік» мемлекеттік тарихи-мәдени қорық музейі, «Археологиялық экспертиза» ЖШС және Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының жас ғалым-ізденушілері қатысып, ғылыми зерттеу жұмыстары туралы ой бөлісіп, өз еңбектерін жарияланымға ұсынды. Конференция жинағына Қазақстанның тас дәуірінен бастап ортағасырларға дейінгі археологиясының өзекті мәселелері, қола дәуірінің металлургиясы, метал және сүйек бұйымдардың тарсологиясы, остеологиялық материалдар негізінде көне және ортағасырлардағы аңшылық пен мал шаруашылығының рөлі және ескерткіштерді музейлендіру мәселелеріне қатысты зерттеулер еніп отыр.

Сондай-ақ, конференцияда төменде аталатын жас ғалымдардың бірқатар ғылыми баяндамалары қызу пікірталасқа түскенін айта кетуіміз қажет.

Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының қызметкері С.Р. Қуандықтың «Новые памятни-

Сур. 1. Конференцияға қатысушы жас ғалымдар. М.С. Шағирбаевтың фотосы

Fig. 1. Young scientists participating in the conference. Photo by M.S. Shagirbayev

ки позднего каменного века в долине р. Орь Актюбинской области» атты баяндамасы жас ғалымдардың қызығушылығын тудырып, зерттеу жұмыстарының барысы мен кейбір қорытындылары туралы ойлары пікірталасқа түсті. С.Р. Қуандықтың ұсынған баяндамасына трасолог И.В. Горашук баяндамада қолданылған бірқатар терминдердің кейінгі зерттеулерде өзгеріске түсіп жүргені туралы ойларын ортаға салды.

Трасолог И.В. Горашуктың «Каменные и костяные орудия металлургии и металлообработки срубной культуры» атты баяндамасындағы сүйек бұйымдарды қолдану әдістерінің кейбір қырлары ашылып, бірқатар өңдеу әдістерін арнайы құрал арқылы зерттеу тәсілдері көрсетілді. Мәселен ірі қараның жауырын сүйегін метал өңдеу ісінде пайдалану қола дәуірінде

біршама өріс алғандығы, тері илеуге арналған жануар қабырғаларындағы өңдеуден қалған іздердің бағыттарын зерттеудің маңыздылығы көрсетілді. Сонымен қатар тас құралдарды қайта қалпына келтіру, оларды экспериментальды түрде сынау әдістері айтылып, автор өзі жасаған тас құралдардың салыстырмалы түрде беріктігі мен тиімділігіне тоқталды.

PhD докторант Б.Б. Бесетаевтың баяндамасында Әл-Фараби атындағы Қазақ Ұлттық университетінде өткен С.М. Ақынжановтың 80-жылдығына орайластырылған «Археология: өткені, бүгіні, болашағы» атты халықаралық жас ғалымдардың ғылыми-әдістемелік конференциясының қорытындылары, ондағы қарастырылған мәселелер, маңызды тақырыптар сөз болып, бірқатар сүбелі зерттеулердің нәтижелерін ортаға салды.

Қорқыт Ата атындағы Қызылорда мемлекеттік университетінің 3 курс студенті М.И. Жүсіпназардың «Сырдарияның төменгі ағысында орналасқан ортағасырлық оғыз қалаларындағы жаңа зерттеулерге қысқаша шолу» атты баяндамасы жас ғалымдар арасында біршама пікірталас тудырғанын айта кеткіміз келеді. Баяндамада арнайы фото суреттер мен сызбалар арқылы сипатталған ортағасырлық Жанкет қаласының ішкі құрылысы кешені, фортификациялық жағдайы және мәдени қабатының тереңдігіне қатысты бірқатар сұрақтар қойылып, нәтижесінде қаланың стратиграфиялық қабатының әлі толық зерттеліп бітпегені жөнінде жаңа мәліметтер алды. Ескерткіштен табылған қошқар культімен байланысты соңғы зерттеу нәтижелері бойынша суреттері алғаш рет жас ғалымдардың назарына ұсынылды.

Әл Фараби атындағы Қазақ Ұлттық университеті, Археология, этнология және музеология кафедрасының оқытушысы А.Е. Ерғабыловтың «Шілікті–Тарбағатай археологиялық экспедициясының 2017–2018 жылдары Айнабұлақ қорымында жүргізген зерттеу жұмыстары» атты баяндамасында профессор Ә.Т. Төлеубаевтың жетекшілігімен Шығыс Қазақстан облысы, Зайсан ауданынан табылған энеолиттік ескерткішке жүргізілген зерттеу жұмыстарының кейбір қорытындылары сөз болды.

Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының кіші ғылыми қызметкері М.С. Шағирбаевтың «Көне дәуірдегі мал шаруашылығы мен аңшылықтың маңызы (остеологиялық материалдар негізінде)» атты мақаласы конференцияға қатысушылар арасында үлкен

қызығушылық тудырып, бірқатар аға буын археологтардың тарапынан да сұрақтар қойылды. Мәселен автор баяндамасында пайдаланған Бәбіш мола қаласынан табылған жануар асықтарының бетіндегі түрлі сызықты өрнектер мен асықтардың тесіліп және жылтыратылып өңделуі туралы ойларына қарсы пікірлер де айтылды. Оның ішінде асықтардың тесігіне қарап, және кейбір жерлеу орындарында тесігі бар асықтардың мәйіттің бас жағынан табылуына қарап мойынға таққан тұмар болуы мүмкін деген пікіріне қарсы, бірқатар жерлеу ғұрыптарында асықтардың мәйіттің аяқ тұсынан және бел тұсынан да табылатынын, асықтарды тек мойынға ғана емес, еңбек құралы ретінде белге де тағып жүруі мүмкін екендігі туралы ойлар ортаға салынды. Сонымен қатар асықтардың бетіндегі өрнектердің тотемдік, балгерлік мақсатта және ойын түрлеріне қарай орындалу мүмкіндіктері туралы пікірлер де көрініс тапты. Жалпы аталған баяндамаға қатысты оннан астам сұрақтар мен пікірлер айтылып, бұл тақырыптың археология және этнология ғылымында әлі күнге дейін өзекті екендігін айқындай түсті.

Шеберлік сабағы. Конференция аясында экспериментальды археологияға байланысты И.В. Горашук арнайы шеберлік сабағын өткізді. Шеберлік сабағында тас құралдардың шикізатын дұрыс таңдау, тасты жаңқалау әдістері, құрал жасаудағы қолданылатын тастың түрлері, оның салмағы мен көлемінің маңыздылығы туралы мәселелер қозғалды. И.В. Горашук өзі тас құралдарды бір-біріне соғу арқылы тас жаңқаларды алып, одан көне заманның үлгісіне сай арнайы құрал жасап көрсетті. И.В. Горашуктың әдісіне сәйкес бірқатар жас ғалымдарда тас құрал

жасау әдстеріне сай тәжірибе алмасты. Шеберлік сабағаның соңында жас ғалымдардың тас құралдардың өңдеу жұмыстарына баға беріліп, үздіктері анықталды.

Қорытынды. Тарихымызды таныту және түсіндіруде өзінің жаңашылдығымен және материалдық базасының молдығымен археология ғылымы маңызды орын алатыны белгілі. Бұл мәселе Елбасы Н.Ә. Назарбаевтың «Ұлы Даланың жеті қыры» атты мақаласында да анық көрсетілген. Жас ғалымдардың жыл бойы жүргізген зерттеулерін өз

ортасында ой талқысына салып, електен өткізуде аталған конференцияның алатын орны зор. Осыған сәйкес Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының басшылығы, жас ғалымдар кеңесі және конференцияны ұйымдастыру алқасы жас ғалымдарға арналған халықаралық «Ақынжанов оқулары» атты конференцияны жүйелі түрде, үздіксіз өткізуді және қатысушылардың географиялық кеңістігін отандық жас ғалымдармен шектемей, алыс-жақын шет елдік жас археологтармен толықтыруды жоспарлап отыр.

ӘДЕБИЕТ

1. Савельева Т.В. Ахинжанов Сержан Мусатаевич: к 80-летию со дня рождения // Қазақстан археологиясы. 2019. № 3 (5). С. 37-46.

2. Байпаков К.М. Сержан Ахинжанов – выдающийся археолог и востоковед Казахстана // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение: сб. науч. ст., посвящ. 70-летию организации Центрально-Казахстанской археологической экспедиции Академии наук Казахстана. Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола». Т. 1. С. 174-180.

3. Ахинжанов С.М. Личное дело // Архив ИА КН МОН РК. Ф. 1, д. 75, 27 л.

Авторлар туралы мәліметтер:

Қасенова Әсемгүл Дауренқызы – аға ғылыми қызметкер, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты (Алматы қ., Қазақстан); asema_94@mail.ru

Шағырбаев Мамбет Сапарбекұлы – кіші ғылыми қызметкер, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты (Алматы қ., Қазақстан); mambet__87@mail.ru

АХИНЖАНОВСКИЕ ЧТЕНИЯ – 2019

А. Д. Касенова, М. С. Шагирбаев

17 октября 2019 г. в Институте археологии им. А.Х. Маргулана состоялась международная конференция молодых ученых, посвященная 80-летию известного археолога С.М. Ақынжанова. Были заслушаны доклады, посвященные актуальным проблемам Казахстана эпохи камня, бронзы, раннего железа и Средневековья. В ходе конференции наиболее острые дискуссии развернулись по двум докладам: «Краткий обзор новых исследований в средневековых городах огузов, расположенных в нижнем течении Сырдарьи» и «Значение животноводства и охоты в древности (на основе остеологических материалов)». В конференции приняли участие студенты и молодые ученые из КазНУ им. аль-Фараби, КазНПУ им. Абая, ЕНУ им. Л.Н. Гумилева, Кызылординского госуниверситета им. Коркыт Ата, Курганского госуниверситета

(г. Курган, РФ), КемГУ (г. Кемерово, РФ), КазГАСА, Историко-культурного музея-заповедника «Памятники Древнего Тараза», Государственного историко-культурного музея-заповедника «Иссык», ТОО «Археологическая экспертиза» и Института археологии им. А.Х. Маргулана.

Ключевые слова: археология, А.Х. Маргулан, С.М. Акынжанов, институт, заповедник, музей, конференция, молодые ученые, мастер-класс, остеология

AKYNJANOV READINGS – 2019

A.D. Kassenova, M.S. Shagirbayev

On October 17, 2019 the A.Kh. Margulan Institute of Archeology hosted an international conference of young scientists dedicated to the 80th anniversary of the famous archaeologist S.M. Akynjanov. The heard reports are devoted to urgent problems of Kazakhstan in the Stone Age, the Bronze Age, the Early Iron and the Middle Ages. During the conference, the reports “A brief overview of new research in the medieval cities of the Oghuz located in the lower reaches of the Syrdarya” and “The importance of animal breeding and hunting in antiquity (based on osteological materials)” were heard. The conference was attended by students and young scientists from Al-Farabi Kazakh National University, Abay Kazakh National Pedagogical University, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Korkyt Ata Kyzylorda State University, Kurgan State University (Kurgan, RF), Kemerovo State University (Kemerovo, RF), Kazakh Head Academy of Architecture and Civil Engineering, Historical and Cultural Reserve-Museum, Historical and Cultural Museum-Reserve “Monuments of Ancient Taraz”, State Historical and Cultural Museum-Reserve “Issyk”, LLP “Archaeological Expertise” and the A.Kh. Margulan Institute of Archeology.

Keywords: archaeology, A.Kh. Margulan, S.M. Akynzhanov, institute, reserve, museum, conference, young scientists, master class, osteology

REFERENCES

1. Savelyeva, T. V. 2019. In *Kazakhstan Archeology*, 3 (5), 37–46 (in Russian).
2. Baipakov, K. M. 2017. In Beisenov, A. Z., Loman, V. G. (eds.). *Arkheologicheskoe nasledie Tsentralnogo Kazakhstana (Archaeological Heritage of Central Kazakhstan)*, 1. Almaty: «Begazy-Tasmola» Publ, 174–180 (in Russian).
3. Akhinzhanov, S. M. In Archive A.Kh. Margulan Institute of Archeology, f. 1, d. 75, 27 s. (in Russian).

About the Authors:

Kassenova Asemgul D. Scientific researcher, A.Kh. Margulan Archeology Institute, Almaty, Kazakhstan; asema_94@mail.ru

Shagirbayev Mambet S. Junior scientific researcher, A.Kh. Margulan Archeology Institute, Almaty, Kazakhstan; mambet__87@mail.ru

О РАБОТЕ КРУГЛОГО СТОЛА, ПОСВЯЩЕННОГО ЮБИЛЕЮ МАРИНЫ ГЛЕБОВНЫ МОШКОВОЙ

© 2020 г. М. К. Хабдулина, Я. А. Лукпанова

Статья содержит анализ работы Круглого стола, посвященного юбилею доктора исторических наук, профессора М. Г. Мошковой, который проходил в Москве, в Институте археологии РАН 12–13 ноября 2019 г. В статье кратко изложены основные вехи биографии Марины Глебовны Мошковой, вклад в археологию Евразии, в разработку и исследование фундаментальных проблем савромато-сарматской археологии и роли этого культурного феномена в истории древних сообществ евразийского пространства. Указано значение сводных трудов по археологии раннего железного века степной Евразии, осуществленных при участии и редакторской деятельности М. Г. Мошковой. Огромный вклад юбиляр внесла в подготовку и постоянную поддержку археологических кадров региональных школ сарматоведения. Во второй части статьи дан анализ основных проблем, озвученных в докладах участников Круглого стола. Они касаются традиционных вопросов изучения раннесарматской археологии: хронологии, периодизации, этнической принадлежности.

Ключевые слова: археология, М. Г. Мошкова, Евразия, Южный Урал, савроматы, сарматы, периодизация, хронология, происхождение, элитные комплексы

Введение

В 2019 г. у известного археолога, одного из основателей школы сарматоведения доктора исторических наук, профессора Марины Глебовны Мошковой был юбилей. Поздравляя ее с этим славным событием, Отдел скифо-сарматской археологии Института археологии РАН провел 12–13 ноября 2019 г. Круглый стол «Археология ранних кочевников евразийской степи: актуальные проблемы и перспективы их решения». В работе Круглого стола приняли участие археологи из вузов и академических учреждений Казахстана, России, Германии. География участников включала территорию степного пространства от Крыма до Центрального Казахстана, столь обширный охват территории включал в себя практически весь аре-

ал исследовательских интересов и полевых работ Марины Глебовны.

М. Г. Мошкова (Дубинская) родилась 30 июля 1929 г. в г. Киеве. В 1952 г. окончила исторический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова [60 лет кафедре..., 1999, с. 258]. После окончания аспирантуры Института истории материальной культуры АН СССР (ныне Институт археологии РАН – прим. авт.), в 1956 г защитила кандидатскую диссертацию «Производство и основной импорт у сарматов Нижнего Поволжья», научный руководитель Б. Н. Граков [Мошкова, 1956]. С 1956 г. и по настоящее время работает в Институте археологии РАН в Отделе скифо-сарматской археологии, где прошла все этапы служебного научного роста от младшего

Рис. 1. Марина Глебовна Мошкова. Университетские годы. Фото из архива М. Г. Мошковой предоставлено Л. А. Краевой

Fig. 1. Marina G. Moshkova. University years. Photo from the archive of M.G. Moshkova courtesy of L.A. Kraeva

до главного научного сотрудника. В 1989 г. М. Г. Мошкова защитила докторскую диссертацию на тему «Пути и особенности развития “савромато-сарматской” культурно-исторической общности» [Мошкова, 1989а]. В 1993–2002 гг. была заведующей Отделом скифо-сарматской археологии. С 1990 г. Марина Глебовна – член Ученого Совета, член диссертационного совета ИА РАН и член диссертационного совета кафедры археологии и этнологии исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. С 1997 г. – член редакционного совета журнала «Российская археология». Столь обширная и многогранная деятельность совмещалась с научной работой, руководством аспирантами, тесными связями с вузами Поволжья,

Подонья, Южного Урала и Западного Казахстана. Активные научные связи Марина Глебовна поддерживала с основателем западноказахстанской археологической школы Г. А. Кушаевым [Мошкова, Кушаев, 1973, с. 58]. Вместе с ним воспитала ведущих исследователей раннего железного века Западного Казахстана – Б. Ф. Железчиков, В. А. Кригера, С. Ю. Гуцалова.

Со студенческих лет Марина Глебовна принимает участие в археологических экспедициях на территории Украины, Дагестана, Нижнего Поволжья, которые сформировали интерес к савромато-сарматской тематике. Самостоятельные раскопки вначале в качестве начальника отряда, а потом и Оренбургской (впоследствии Южно-Уральской) археологической экспедиции проводились ею в 1958–1980 гг. Наиболее значительный вклад Марина Глебовна внесла в исследование археологии Оренбуржья. Возле города Орска в течение ряда лет проводила раскопки могильника Новый Кумак, который дал материалы всех периодов тысячелетней истории сарматов.

За эти заслуги, как было оглашено в начале Круглого стола Ученым секретарем ИА РАН М. В. Вдовиченко, двум улицам г. Орска присвоены имена археологов: К. Ф. Смирнова и М. Г. Мошковой. Это примечательная новость, что труд археологов оценен столь высоко, была встречена аплодисментами участников Круглого стола. Государственное Постановление о присвоении улицам имен главных исследователей древней истории Оренбуржья вывешено на сайте ИА РАН.

Вклад М. Г. Мошковой в археологию Евразии. М. Г. Мошкова автор

более 130 научных трудов, среди которых кроме монографий и научных статей большое значение имеют сводные работы по скифо-сарматской археологии в серии «Археология СССР». Огромный труд под ее руководством выполнен в выпусках Статистической обработки погребальных памятников Азиатской Сарматии по савроматской эпохе, раннесарматской, среднесарматской и позднесарматской культурам. Эти выпуски вышли в 1994, 1997, 2002, 2009 гг. [Статистическая, 1994; 1997; 2002; 2009]. Это подведение результатов столетних исследований археологов и экспедиций на пространстве существования «савромато-сарматской» культурно-исторической общности. По единому принципу в единый блок источников сведены материалы по 5000 погребальных комплексов двух географических регионов: Волга-Дон и Южное Приуралье [Статистическая, 1997, с. 10]. Каждый выпуск имел свой коллектив авторов, но общее руководство в течение почти 20 лет осуществляла М. Г. Мошкова. Это огромная работа по сбору, работе в архивах, оформлению и сохранению общей структуры всех выпусков, строгость изложения теоретических выводов выделяют постоянный исследовательский стиль научного подхода М. Г. Мошковой. Тщательный анализ с применением количественных методов заложил фундаментальную источниковую базу для дальнейших сравнений и анализов. За такой титанический труд мог взяться ученый с чувством личной ответственности перед любимой наукой и поколениями исследователей.

Главное направление ее научных интересов – история и археология раннесарматских племен, сформировалось уже к середине 50-х годов

XX в., что видно по теме кандидатской диссертации (1956). В 50–60-е годы XX в. в связи со строительством промышленных объектов в Восточной Европе и Южном Приуралье развернулись масштабные археологические работы. В исследование включились не только академические экспедиции, но и местные коллективы вузов, музеев. В итоге многократно возросла база источников. Первое обобщение раннесарматских комплексов, достигших 542 погребений, было сделано в 1963 г. [Мошкова, 1963, с. 5].

Через 10 лет вышла монография, посвященная основным проблемам изучения раннесарматской (прохоровской) культуры [Мошкова, 1974]. Эта монография занимает первые позиции в цитировании исследователей по раннему железному веку Урало-Поволжья. В ней расставлены акценты в происхождении раннесарматской археологической культуры, намечен механизм и место трансформации савроматских традиций в раннесарматские в результате миграций и культурных влияний. Выход монографии связан с дискуссиями по проблемам культурно-географического единства савроматской культуры VI–IV вв. до н.э. и локальной асинхронности ведущих признаков культуры в рамках двух географических регионов: доно-волжского и южноуральского. М. Г. Мошкова, анализируя всю сложившуюся к этому времени базу источников по раннему железному веку Южного Урала и окружающего пространства, выделила в качестве основных признаков классификации и обобщения формы погребальных конструкций и керамику. По этим признакам сделан вывод о формировании раннесарматской культуры в Южном Приуралье в IV в. до н.э. при участии

*Рис. 2. Марина Глебовна Мошкова.
Фото из архива М. Г. Мошковой
предоставлено Л. А. Краевой*

*Fig. 2. Marina G. Moshkova.
Photo from the archive of M.G. Moshkova
courtesy of L.A. Kraeva*

гороховской и иткульской культур лесостепного Зауралья и культурным связям с Восточным Приаральем и Центральным Казахстаном [Мошкова, 1974, с. 47, 48, 51].

В многотомном издании по Археологии СССР, предпринятом ИА АН СССР в конце 80-х годов XX в., Марина Глебовна является одним из основных авторов по скифо-сарматской археологии. В томе «Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время» (1989) во второй части ею написана пятая глава и совместно с А. И. Мелюковой введение. Это логично, так как том посвящен истории и археологии «двух наиболее значительных этнических общностей степей Восточной Европы – скифской и савромато-сарматской» [Мелюкова, Мошкова, 1989, с. 7].

Раздел по савромато-сарматам начинается с краткого очерка истории савромато-сарматских племен. В нем изложены вопросы этногеографии, этнических наименований и историографии изучения этих вопросов в советской археологии. За основу взяты письменные сведения античной и эллинистической историко-географической литературы. Во вступительной части изложена историография основных проблем изучения савромато-сарматской общности: периодизация, хронология, происхождение, расселение, этническая и этнокультурная принадлежность. Подведен итог всех мнений по этим вопросам на период середины 80-х годов XX в. [Мошкова, 1989б, с. 158–164]. Это прекрасный справочный источник и достоверная основа для дальнейших историографических исследований.

В изложении раннесарматской, среднесарматской и позднесарматской археологических культур, следуя структуре тома, описаны виды памятников, погребальный обряд, ведущие категории инвентаря. Отдельную ценность представляют карты памятников с полным подстрочным списком [Мошкова, 1989б, с. 170, 176]. Отдельно вынесен очерк по основным видам хозяйства, общественным отношениям, связи сарматов с окружающим миром [Мошкова, 1989в, с. 202–214].

Таким образом, в томе «Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время» представлен очерк развития более чем тысячелетней истории сарматской археологической культуры, и содержание очерка подтверждает вывод, что сарматская культура – феноменальное явление, распространившееся на огромной

территории и сыгравшее значительную роль в этно- и культурогенезе древних племен Евразии [Мошкова, 1989в, с. 214].

В 1992 г. вышло продолжение издания археологии раннего железного века азиатской части евразийского пространства. Это было тяжелое для страны время: распад Советского Союза и вытекающие из этого экономические трудности. Поэтому тираж издания был сокращен. Ответственным редактором этого тома является М. Г. Мошкова. Ею написаны введение, заключение и в соавторстве два теоретических раздела, посвященные анализу основных проблем в изучении памятников раннего железного века двух огромных географических регионов: Среднеазиатско-Казахстанского и Сибирского [Мошкова, 1992, с. 5–8; 21–30; 151–160; 312–318].

Во введении указано, что, следуя географическому принципу, том состоит из двух частей: Средняя Азия – Казахстан и Сибирский регион, включая Алтай, Туву, Забайкалье. Таким образом, стояла задача охватить огромную, разнородную по природно-климатическим условиям территорию от лесостепной полосы Западной Сибири до горных районов Тянь-Шаня, Памира, Саяно-Алтая – территорию, населенную в раннем железном веке разными по хозяйственной специфике, уровню политического устройства, этнической, языковой принадлежности племенами, и изложить археологический материал протяженностью в 1200 лет. Если учесть, что разным был авторский коллектив, различна степень исследованности регионов, исследовательские подходы в изучении и интерпретации археологических источников, то можно представить труд ответственного редактора,

задачей которого было сохранить общую структуру, изложение материала, оформление иллюстраций, сроки работы. Этот титанический труд по подготовке и изданию второго тома по раннему железному веку Евразии был осуществлен М. Г. Мошковой.

Если том по скифо-сарматской археологии европейской части ко времени издания был подготовлен большим количеством обобщающих монографий по скифской, савроматской и сарматским культурам, то археология раннего железного века азиатской части СССР не располагала достаточным количеством археологических источников. Их не было в рамках двух выделенных географических пространств (Средняя Азия – Казахстан и Сибирский регион) и отдельных периодов или крупных хронологических срезов. Археология азиатской части носила характер отдельных, мало связанных друг с другом локальных ареалов в пространственном, хронологическом, культурном отношении. Лучше был изучен сибирский регион (тагарская, таштыкская, хуннская культуры). В среднеазиатском регионе сохранялась практика отдельного изучения оседлых памятников (поселений, городов) и погребальных объектов. В этот том были включены лесостепные культуры раннего железного века Зауралья и Западной Сибири. Как пишет Марина Глебовна, это связано с двумя факторами: общностью экономического строя – существованием у оседлого лесостепного населения яйлажно-пастушеской, полукочевой форм скотоводства и тесными контактами с западными и южными кочевыми соседями, которые были постоянными на всем протяжении раннего железного века [Мошкова, 1992, с. 8].

В теоретических разделах изложены проблемы происхождения кочевого скотоводства, характеристика пастбищно-кочевой системы хозяйствования, краткая история изучения двух географических регионов. Среди проблем раннего железного века Средней Азии и Казахстана внимание обращено на происхождение, начало формирования сакской археологической культуры. Приведены две концепции: автохтонная от эпохи поздней бронзы и миграционная вследствие перемещения племен бегазы-дандыбаевской культуры на юг, в Семиречье [Вайнберг и др., 1992, с. 25–26]. Большое место занимает анализ изучения идеологии и искусства саков, этногеография сакских племен, названия которых известны по персидским и античным источникам. Подведены итоги изучению усуньской проблемы. Эти главы отражают результат изученности сако-усуньской археологии на конец 80-х годов XX в. В настоящее время появились новые материалы и трактовки. Разработка их будет основана на предшествующих обобщениях, сделанных в сводном труде «Степи азиатской части СССР в скифо-сарматское время».

В целом, том по раннему железному веку азиатской части Евразии имеет большое значение в дальнейшем изучении общих и частных проблем отдельных регионов, эпох, археологических культур и общностей.

Работа Круглого стола. От Казахстана приняли участие М. К. Хабдулина и Я. А. Лукпанова. Всего был заслушан 21 доклад. В какой-то мере Круглый стол является продолжением периодически созываемых международных конференций по сарматской археологии. Организаторами Первой

конференции, специально посвященной сарматской археологии и истории, были М. Г. Мошкова и Б. Ф. Железчиков. Конференция с большим успехом прошла в Азове в 1988 г. Тогда же возникла идея сделать конференцию периодичной с интервалом в три года и избрать постоянно действующий научный Оргкомитет во главе с М. Г. Мошковой. Под ее руководством прошли четыре конференции: в Волгограде (II) в 1994 г., в Азове (III) в 1997 г., в Самаре (IV) в 2000 г. Пятая международная конференция состоялась в Анапе в 2004 г. На этой конференции председателем постоянного Оргкомитета был избран Л. Т. Яблонский [Яблонский, 2007, с. 5]. Следующие конференции прошли в Челябинске (2007 г.), в Азове (2011 г.).

Таким образом, конференции по сарматской тематике, инициированные организаторским талантом М. Г. Мошковой – еще одна грань научного вклада Марины Глебовны в развитие сарматологии. И об этом упоминали все выступающие на Круглом столе. К сожалению, сама Марина Глебовна не присутствовала из-за плохого самочувствия, но весь ход работы Круглого стола снимался на видео и был передан организаторами юбиляру.

Открыли работу Круглого стола заведующий отделом скифо-сарматской археологии А. А. Малышев и ученый секретарь ИА РАН М. В. Вдовиченко. С приветственными словами и благодарностью выступили археологи, которые под научным руководством М. Г. Мошковой защитили кандидатские диссертации, выбрали свой путь в профессию, участвовали в экспедициях под ее руководством – М. К. Хабду-

лина, Л. Н. Корякова, А. Д. Таиров, А. П. Медведев.

М. К. Хабдулина в кратком сообщении «М. Г. Мошкова мой научный руководитель» рассказала о том, что поступила в аспирантуру Института археологии АН СССР к К. Ф. Смирнову и под его руководством прошли два года ее аспирантской жизни. После кончины К. Ф. Смирнова (1980 г.) отдел скифо-сарматской археологии назначил научным руководителем М. Г. Мошкову. Как вспоминает М. К. Хабдулина, аспирантура была самым значительным событием и главной научной школой. Марина Глебовна заложила ответственное отношение к логике и стилю научного текста. Поля глав диссертации после ее проверки пестрели постоянными замечаниями: «не понятно», «стиль!», «нет логики в изложении» и прочее. И постепенно это сформировало постоянную самопроверку, строгость изложения. Как было сказано М. К. Хабдулиной: она надеется, что уроки академического письма, приобретенные под руководством М. Г. Мошковой, сохранила и развила, теперь вкладывает это в своих учеников – студентов, магистрантов, докторантов. Людмила Николаевна Корякова также тепло вспоминала свои аспирантские годы, в результате которых отношения с научным руководителем переросли в профессиональную дружбу двух ученых. Обмен мнениями был крайне полезен для обеих, так как саргатская археологическая культура лесостепного Зауралья – тема диссертации Л. Н. Коряковой являлась одной из главных культур, принявших участие в формировании раннесарматской (прохоровской) культуры.

Самое общее впечатление от конференции заключается в крайней

заинтересованности всех участников в содержании докладов. Зал был небольшой, вмещал 30–50 человек, в основном присутствовали сами докладчики. Для каждого доклада было выделено 30 минут, они сопровождались презентациями и очень подробно обсуждались, участники конференции дискутировали, отвечали на многочисленные вопросы.

Доклады конференции можно поделить по региональному признаку. Больше всего докладов было по археологии Южного Приуралья – шесть, сюда же можно причислить два доклада по Южному Зауралью (А. Д. Таиров и Л. Н. Коряковой) и один доклад (М. К. Хабдулиной) по тасмолинской археологической культуре Центрального Казахстана. В докладах по Южному Приуралью были представлены яркие комплексы элитных погребений раннесарматского времени (Таксай, Кырык-Оба, Лебедевка – докладчик Я. А. Лукпанова; Высокая могила – Студеникин Мар – докладчики С. В. Сиротин, Д. С. Богачук, К. С. Окорок; I Прохоровский могильник – докладчик Д. В. Мещеряков).

Актуальной проблемой в разработке механизма трансформации археологических культур сарматского мира становится исследование социальной истории. Этой теме были посвящены отдельные конференции. Материалы для этого представлены элитными курганами, открытыми в Приуралье, Поволжье и на Дону. На Круглом столе этот вопрос был отражен в докладе А. Х. Гильмитдиновой «Типы погребальных конструкций как маркеры социальной дифференциации ранних кочевников Южного Урала второй половины VI–IV в. до н.э.».

В докладе Л. Н. Коряковой «Саргатская культура в системе культурных миров Евразии» была представлена широкая панорама связей и контактов лесостепной археологической культуры V в. до н.э. – V в. н.э. с соседними и далекими цивилизациями Старого Света. Кратко изложены итоги раскопок последних десятилетий, показан ареал охвата памятников раннего железного века археологическими раскопками. Эта лесостепная культура, занимающая территорию от Зауралья до Барабинской низменности, представлена городищами, поселениями, могильниками и элитными курганами. Все это, по мнению Л. Н. Коряковой, укладывается в трактовку государственного устройства социально-политической истории саргатской общности.

В докладе А. Д. Таирова «Погребения мужчин-воинов могильника Кичигино I» дана характеристика погребального обряда элитного кургана степной полосы Южного Зауралья VI–V вв. до н.э. Дано описание коллективной гробницы с захоронениями воинов с большим количеством золотых украшений, колчаных наборов и ритуальных сосудов. Набор наконечников стрел и предметы искусства характеризуют древнепрохоровскую стадию раннего железного века Южного Зауралья.

Доклад М. К. Хабдулиной «Новые открытия в тасмолинской археологической культуре степной Сарыарки» содержит результаты археологических работ последних десятилетий. Указано, что в монографии М. Г. Мошковой 1974 г. были привлечены материалы тасмолинской культуры для аргументации влияния Тасмолы на формирование раннесарматской (прохоровской) культуры. С

тех пор произошли разительные перемены в исследовании раннего железного века Центрального Казахстана. Открыты и изучаются новые виды памятников: поселения, «царские» курганы, каменные скульптуры. Сделаны массовые радиоуглеродные анализы и получены новые даты. Тасмолинская археологическая культура оказалась культурой раннесакского времени VIII – начала V в. до н.э. По-прежнему загадочно отношение курганов «с усами» к тасмолинской археологической культуре, т.к. часть открытых каменных изваяний обнаружены у каменных дорожек курганов «с усами». Значительные серии предметов искусства получены из «царских» курганов Сарыарки. В целом, тасмолинская культура входит в ареал сакской культурной провинции азиатской части Евразии.

Два доклада были заслушаны по археологии Северного Кавказа. Этот регион дает социально-значимые комплексы для решения вопросов этнической принадлежности, хронологии освоения этих территорий в сарматское время. Дискуссионными остаются проблемы начальной даты проникновения сарматов на запад, в Северное Причерноморье. В докладе В. Е. Маслова, А. Р. Канторовича «Некоторые итоги изучения могильника Новозаведенное III в 2019 г.» (могильники раннескифской эпохи в Георгиевском районе Ставропольского края – прим. авт.) изложены результаты раскопок могильников в последнем полевом сезоне, исследование которых ведется уже много лет. Главной проблемой является вопрос длительного стационарного присутствия ранних скифов на Северном Кавказе. Доклад В. В. Кропотова «Актуальные проблемы изучения раннесарматских

памятников Северного Причерноморья» касается затянувшейся дискуссии о дате и этнической принадлежности памятников ранних сарматов степного Причерноморья.

Восемь выступлений на конференции были посвящены анализу вещей. Многие из докладов являются продолжающимися темами. Например, классификация, построение типологических корреляционных схем были изложены в докладе Л. А. Краевой «История изучения и проблемы классификации сарматской керамики». Л. А. Краева в течение ряда лет изучает керамику сарматских памятников Западного Казахстана и Оренбуржья, и по этой теме ею накоплен значительный объем источников. Исследование керамики крупных курганов Башкирии было представлено в докладе Н. С. Савельева, С. В. Сиротина «Керамические комплексы некрополей Переволочан I и Переволочан II».

Тема жертвенных подношений прозвучала в докладе В. П. Глебова, А. В. Дедюлькина «Ритуальные клады: современное состояние проблемы». В докладе приведены примеры жертвенных подношений (состав, место расположения, датировка). В вопросе функционального назначения указана их коммуникативная роль между миром живых и миром мертвых.

К этой же категории находок относятся бронзовые котлы, широко распространенные в кочевнических комплексах Евразии. На заседании Круглого стола о типологии и предназначении бронзовых котлов, а также об одном из редких видов данных предметов было изложено в докладе С. В. Демиденко, К. С. Огорокова «Об одном из редких типов бронзовых литых котлов Евразии».

Об отдельных категориях вещей, технике их изготовления, происхождении докладывалось в выступлениях О. В. Анисеевой «Каменные печати могильника Филипповка I», В. М. Клепикова «Нестандартное клинковое оружие из погребений IV в. до н.э. в Нижнем Поволжье», Е. В. Лыловой «К вопросу о датировке спиралевидных височных подвесок из погребений ранних кочевников Южного Урала», М. Ю. Трейстер «Импортные статуэтки в погребениях кочевников Азиатской Сарматии».

Доклад С. И. Лукьяшко «Виды охоты у кочевников Евразии в раннем железном веке» был построен по аналогии с видами охоты на диких животных и использовании их приемов у кочевников. Необходимо указать, что это направление подробно анализируется в этнографических исследованиях при описании охоты как метода воинской тактики и обучения у кочевников средневековья. К. С. Огороков представил уже третий доклад на этой конференции по теме «Расшитые бисером рукава женского костюма из погребения 2 кургана 1 некрополя Филипповка I». Материалы элитного могильника Филипповка I, исследованного в 2004–2009 гг. под руководством Л. Т. Яблонского, дали разнообразный материал по предметам быта, торевтике, вооружению, погребальному обряду и будут представлять интерес еще не одному поколению исследователей. Могильник Филипповка I по комплексу вещей датируется второй половиной V–IV в. до н.э.

Таким образом, доклады и дискуссии, развернувшиеся на Круглом столе, посвященном юбилею М. Г. Мошковой, продемонстрировали современное состояние проблем

сарматской археологии: по вопросам хронологии и периодизации (в т.ч. по выделению локальных культурно-хронологических горизонтов), механизмам трансформации, территории происхождения отдельных культурных образований. В перспективе изучения стоят проблемы рассмотрения этнических контактов, связей с античным и переднеазиатским миром,

культурных достижений и др. Открытие элитных курганов ставит перед исследователями задачу изучения духовной культуры, мировоззрения савромато-сарматских кочевников. В настоящее время ярко проступает значение мультикультурного евразийского пространства срединной Евразии во всемирно-историческом процессе.

ЛИТЕРАТУРА

1. 60 лет кафедре археологии МГУ им. М.В. Ломоносова: тез. докл. юбилейной конф., посвящ. 60-летию кафедры археологии исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (г. Москва, 20–24 декабря 1999 г.). М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 1999. 276 с.
2. *Бокоченко Н.А., Мошкова М.Г., Могильников В.А.* Основные проблемы в изучении памятников древних скотоводов Западной Сибири, Южной Сибири и Забайкалья // Степи азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР / отв. ред. М.Г. Мошкова. М.: Наука, 1992. С. 151–160.
3. *Вайнберг Б.В., Горбунова Г.Г., Мошкова М.Г.* Основные проблемы в изучении памятников древних скотоводов Средней Азии и Казахстана // Степи азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР / отв. ред. М.Г. Мошкова. М.: Наука, 1992. С. 21–30.
4. *Мелюкова А.И., Мошкова М.Г.* Введение // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1989. С. 5–8.
5. *Мошкова М.Г.* Производство и основной импорт у сарматов Нижнего Поволжья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.: ИИМК, 1956. 14 с.
6. *Мошкова М.Г.* Памятники прохоровской культуры // САИ. Д1-10. М.: Наука, 1963. 56 с.
7. *Мошкова М.Г.* Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры. М.: Наука, 1974. 52 с.
8. *Мошкова М.Г.* Пути и особенности развития «савромато-сарматской» культурно-исторической общности: научный доклад ... дис. ... докт. ист. наук. М.: ИА АН СССР, 1989а. 47 с.
9. *Мошкова М.Г.* История изучения савромато-сарматских племен // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР / отв. ред. А.И. Мелюкова. М.: Наука, 1989б. С. 158–164.
10. *Мошкова М.Г.* Хозяйство, общественные отношения, связи сарматов с окружающим миром // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР / отв. ред. А.И. Мелюкова. М.: Наука, 1989в. С. 202–214.
11. Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. I. Савроматская эпоха / отв. ред. М.Г. Мошкова. М.: ИА РАН, 1994. 223 с.
12. Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. II. Раннесарматская культура / отв. ред. М.Г. Мошкова. М.: ИА РАН, 1997. 278 с.
13. Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. III. Среднесарматская культура / отв. ред. М.Г. Мошкова. М.: Вост. литература, 2002. 143 с.

14. Статистическая обработка погребальных памятников Азиатской Сарматии. Вып. IV. Позднесарматская культура / отв. ред. М.Г. Мошкова. М.: Вост. литература, 2009. 116 с.

15. *Яблонский Л.Т.* Предисловие // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология: докл. к VI междунар. конф. «Проблемы сарматской археологии и истории» / отв. ред. Л.Т. Яблонский, А.Д. Таиров. Челябинск: ЮУрГУ, 2007. С. 5

Сведения об авторах:

Хабдулина Марал Калымжановна – кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии и этнологии, ЕНУ им. Л.Н. Гумилева (г. Нур-Султан, Казахстан); mk_khabdulina@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7195-5723>

Лукпанова Яна Амангелдиевна – старший научный сотрудник, Западно-Казахстанский центр истории и археологии (г. Уральск, Казахстан); lukpanovayana@gmail.com

**МАРИНА ГЛЕБОВНА МОШКОВАНЫҢ МЕРЕЙТОЙЫНА АРНАЛҒАН
ДӨҢГЕЛЕК ҮСТЕЛДІҢ ЖҰМЫСЫ ТУРАЛЫ**

М. К. Хабдулина, Я. А. Лукпанова

Мақалада 2019 жылғы 12–13 қарашада Мәскеуде РФА АИ-да өткен тарих ғылымдарының докторы, профессор М.Г. Мошкованың мерейтойына арналған Дөңгелек үстелдің жұмысын талдауға арналған. Сондай-ақ мақалада Марига Глебовна Мошкованың өмірбаянының негізгі кезеңдеріне, оның Еуразия археологиясына, савромат-сармат археологиясының мәселелері бойынша жасаған іргелі зерттеулері мен атқарған жұмыстарына және осы мәдени құбылыстың Еуразия кеңістігіндегі ежелгі қауымдастықтардың тарихындағы рөлін зерттеуге қосқан үлесіне қысқаша шолу жасалынады. М.Г. Мошкованың қатысуымен және редакторлық қызметімен жүзеге асырылған далалық Еуразияның ерте темір ғасырының археологиясы туралы жиынтық еңбектерінің маңызы көрсетілген. Мерейтой иесі аймақтық сарматтанушылардың археологиялық мамандарын дайындауға көмектесіп отырды және үнемі қолдау көрсетті. Мақаланың екінші бөлімінде Дөңгелек үстелге қатысушылардың баяндамаларында айтылған, көтерілген негізгі мәселелерге талдау жасалынады. Олар ертесарматтық археологияны зерттеудің дәстүрлі мәселелеріне: хронология, мерзімдеу, этникалық шығу тегіне қатысты болатын.

Түйін сөздер: археология, М.Г. Мошкова, Еуразия, Оңтүстік Орал, савроматтар, сарматтар, мерзімдеу, хронология, шығу тегі, таңдаулы кешендер

**ON THE WORK OF THE ROUND TABLE DEDICATED TO THE ANNIVERSARY
OF MARINA G. MOSHKOVA**

M. K. Khabdulina, Ya. A. Lukpanova

The article contains an analysis of the work of the Round Table dedicated to the anniversary of the Doctor of Historical Sciences, Professor M. G. Moshkova, which took place in Moscow, in the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences on November 12–13, 2019. The article summarizes the main highlights of the biography of Marina G. Moshkova, contribution to the archaeology of Eurasia, to the development and research of fundamental problems of Savromat-sarmatian archaeology and the role of this cultural phenomenon in the history of ancient communities of Eurasian space. The significance of the consolidated works on the archaeology of the Early Iron Age of steppe Eurasia, carried out with the participation and editorial activity of M. G. Moshkova, is indicated. The anniversary celebrant made a huge contribution to the preparation and constant support of

archaeological personnel of regional schools of Sarmatology. The second part of the article provides an analysis of the main problems voiced in the reports of the participants of the Round Table. They deal with the traditional issues of the study of Early Sarmatian archaeology: chronology, periodization, and ethnicity.

Keywords: archaeology, M. G. Moshkova, Eurasia, South Ural, Savromats, Sarmatians, periodization, chronology, origin, elite complexes

REFERENCES

1. *60 let kafedre arheologii MGU im. M.V. Lomonosova (60 years old, Department of Archeology M.V. Lomonosov Moscow State University)*. 1999. Moscow: M.V. Lomonosov Moscow State University Publ. (in Russian).
2. Bokovenko, N. A., Moshkova, M. G., Mogilnikov, V. A. 1992. In Moshkova, M. G. (ed.). *Stepi aziatskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya. Arheologiya SSSR (Steppes of the Asian part of the USSR in Scythian-Sarmatian time. Archeology of the USSR)*. Moscow: “Nauka” Publ., 151–160 (in Russian).
3. Weinberg, B. V., Gorbunova, G. G., Moshkova, M. G. 1992. In Moshkova, M. G. (ed.). *Stepi aziatskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya. Arheologiya SSSR (Steppes of the Asian part of the USSR in Scythian-Sarmatian time. Archeology of the USSR)*. Moscow: “Nauka” Publ., 21–30 (in Russian).
4. Melyukova, A. I., Moshkova, M. G. 1989. In Melyukova, A.I. (ed.). *Stepi evropeyskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya. Arheologiya SSSR (Steppes of the European part of the USSR in Scythian-Sarmatian time. Archeology of the USSR)*. Moscow: “Nauka” Publ., 5–8. (in Russian).
5. Moshkova, M. G. 1956. *Proizvodstvo i osnovnoy import u sarmatov Nizhnego Povolzh'ya: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk (Production and main import on Sarmatians of the Lower Volga: abstract. dis. ... Cand. hist. sciences)*. Moscow: Institute of the History of Material Culture (in Russian).
6. Moshkova, M. G. 1963. In *Svod arheologicheskikh istochnikov (Archaeological sources)*, D1-10. Moscow: “Nauka” Publ. (in Russian).
7. Moshkova, M. G. 1974. *Proiskhozhdenie rannesarmatskoy (prokhorovskoy) kultury (The origin of the Early Sarmatian (Prokhorov) culture)*. Moscow: “Nauka” (in Russian).
8. Moshkova, M. G. 1989a. *Puti i osobennosti razvitiya «savromato-sarmatskoy» kulturno-istoricheskoy obshchnosti: nauchnyi doklad ... dis. ... dokt. ist. nauk (Ways and features of the development of the “Savromato-Sarmatian” cultural-historical community: scientific report ... Dis. ... doctor Hist. Sciences)*. Moscow: Institute of Archeology USSR Academy of Sciences (in Russian).
9. Moshkova, M. G. 1989b. In Melyukova, A.I. (ed.). *Stepi evropejskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya. Arheologiya SSSR (Steppes of the European part of the USSR in Scythian-Sarmatian time. Archeology of the USSR)*. Moscow: “Nauka” Publ., 158–164 (in Russian).
10. Moshkova, M. G. 1989c. In Melyukova, A.I. (ed.). *Stepi evropejskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya. Arheologiya SSSR (Steppes of the European part of the USSR in Scythian-Sarmatian time. Archeology of the USSR)*. Moscow: “Nauka” Publ., 202–214 (in Russian).
11. Moshkova, M. G. (ed.). 1994. *Statisticheskaya obrabotka pogrebalnykh pamyatnikov Aziatskoy Sarmatii. Vyp. I. Savromatskaya epoha (Statistical processing of funeral monuments of Asian Sarmatia. Vol. I. The Savromat era)*. Moscow: Institute of Archeology RAS (in Russian).

12. Moshkova, M. G. (ed.). 1997. *Statisticheskaya obrabotka pogrebalnyh pamyatnikov Aziatskoy Sarmatii. Вып. II. Rannesarmatskaya kultura (Statistical processing of funeral monuments of Asian Sarmatia. Vol. II. Early Sarmatian culture)*. Moscow: Institute of Archeology RAS (in Russian).

13. Moshkova, M. G. (ed.). 2002. *Statisticheskaya obrabotka pogrebalnyh pamyatnikov Aziatskoy Sarmatii. Вып. III. Srednesarmatskaya kultura (Statistical processing of funeral monuments of Asian Sarmatia. Vol. III. Middle Sarmatian culture)*. Moscow: “Vostochnaya literatura” Publ. (in Russian).

14. Moshkova, M. G. (ed.). 2009. *Statisticheskaya obrabotka pogrebalnyh pamyatnikov Aziatskoy Sarmatii. Вып. IV. Pozdnesarmatskaya kultura (Statistical processing of funeral monuments of Asian Sarmatia. Vol. IV. Late Sarmatian culture)*. Moscow: “Vostochnaya literatura” Publ. (in Russian).

15. Yablonskiy, L. T. 2007. In Yablonskiy, L. T., Tairov, A. D. (eds.). *Vooruzhenie sarmatov: regionalnaya tipologiya i hronologiya (Armament of the Sarmatians: regional typology and chronology)*. Chelyabinsk: South Ural State University Publ., 5 (in Russian).

About the Authors:

Khabdulina Maral K. Candidate of historical sciences, associate professor, L.N. Gumilyov Eurasian National University, Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan; mk_khabdulina@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7195-5723>

Lukpanova Yana A. Western Kazakhstan Centre of history and archaeology, Ural'sk, Kazakhstan; lukpanovayana@gmail.com

ЗОЛОТАЯ ОРДА И ЕЕ НАСЛЕДИЕ: Международный симпозиум, посвященный 750-летию государства

© 2020 г. К. Ускенбай

25–26 ноября 2019 года в Стамбуле (Турецкая республика) гуманитарный факультет Стамбульского университета при участии Турецкого исторического общества (Türk Tarih Kurumu), Казанского федерального университета, Института истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан, Фонда Елгинкана (Elginkan vakfı), а также Международного казахско-турецкого университета Ахмеда Ясави провел международный симпозиум «Золотая Орда и ее наследие», посвященный 750-летию со дня основания этого государства. В его работе участвовало 45 ученых из восьми стран Азии и Европы. Самыми многочисленными были делегации Турецкой республики (14 докладчиков) и Российской Федерации (23), из Казахстана прибыли четыре участника (двое из Алматы, а также по одному из Туркестана и Нур-Султана), также прибыли историки из Болгарии, Румынии, Сербии, Украины и Финляндии. В составе российской делегации самой многочисленной была группа из Республики Татарстан (15), были также историки и археологи из Москвы, Санкт-Петербурга, Иркутска и Кургана. Ученые обсудили различные проблемы истории Золотой Орды и ее наследия, поделились новейшими научными разработками, презентовали свои новые труды.

Ключевые слова: археология, Золотая Орда, Таласский курултай, Улус Джучи, 750 лет

Золотая Орда – могущественное средневековое тюрко-монгольское государство, оставившее заметный след в истории многих государств и народов современной Евразии. По мнению некоторых историков, 2019 г. был юбилейным в истории этого государства. Ровно 750 лет назад в 1269 г. на берегу реки Талас на территории современной Жамбылской области Республики Казахстан состоялся курултай (съезд, собрание) монгольской знати, на котором было объявлено о независимости западных улусов бывшей Монгольской империи от ее центра в Ханбалыке (Пекине). Среди этих улусов был улус потомков Джучи, старшего сына Чингиз-хана, ши-

роко известный в литературе под именем Золотая Орда. К этой юбилейной дате были приурочены различные мероприятия в России и Казахстане, в том числе научные форумы и конференции, выставки, концерты и соревнования. Об этом же 25–26 ноября 2019 года в Стамбуле говорили исследователи из стран Европы и Азии в рамках международного симпозиума «Золотая Орда и ее наследие», посвященного 750-летию этого государства. Это научное мероприятие было организовано и проведено гуманитарным факультетом Стамбульского университета. Среди соорганизаторов Турецкое историческое общество (Türk Tarih Kurumu), Казанский феде-

ральный университет, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, Фонд Элгинкана (Elginkan vakfi), а также Международный казахско-турецкий университет Ахмеда Ясави.

Симпозиум открылся гимном Турецкой республики и показом короткометражного фильма об Ататюрке. С приветственными речами перед участниками симпозиума выступили ректор Стамбульского университета профессор, доктор Махмут Ак (Mahmut Ak), декан гуманитарного факультета Стамбульского университета профессор, доктор Хайати Девели (Hayati Develi), помощник ректора Стамбульского университета профессор, доктор Ильяс Топсакал (Ilyas Topsakal), председатель Турецкого исторического общества профессор, доктор Рефик Туран (Refik Turan), от имени российской делегации выступили д.и.н. Рамиль Хайрутдинов (Казанский федеральный университет), д.и.н. Радик Салихов (Институт истории им. Ш. Марджани), д.и.н. Айрат Ситдинов (Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ), от имени ректора казахско-турецкого университета Ахмеда Ясави выступил профессор, доктор Женгиз Томар.

Основная часть симпозиума началась с пленарного заседания, которое было посвящено памяти известного турецкого историка и исследователя истории Золотой Орды профессора, доктора Мустафа Кафалы (1934–2019). Было сделано четыре доклада. Первым на пленарном заседании выступил известный российский историк к.и.н. Ильнур Миргалеев. Его доклад был посвящен курултаю 1269 года. По его мнению, на последнем всемонгольском курултае весной 1269 года потомки Джучи, Чагатая и Угедея заключили между собой мир, обозначили границы своих

владений и признали улусы потомков Тулуя – Хубилая в Китае и Хулагу в Иране. Здесь на берегу Таласа, по мнению Ильнура Миргалеева, Монгольская империя распалась и появились новые независимые государства: Улус Джучи, Улус Чагатая, Улус Угэдэя, Улус Хубилая и Улус Хулагу. С этого же времени правитель Золотой Орды Менгу-Тимур принял титул хан (император).

Известный румынский историк и политик профессор, доктор Тахсин Джемиль (Tahsin Gemil) в своем докладе говорил о необходимости внесения изменений в историю Золотой Орды. Его доклад больше касался судеб современных румынских татар и их национального самосознания. По его мнению, настало время отказаться от навязанного извне имени *tatar* и принять прежнее самоназвание *кипчак* или *куман*, а Золотую Орду называть Золотым государством *Altin Devlet*. Доклад румынского историка вызвал вопросы и некоторые возражения участником симпозиума.

В докладе д.и.н. Искандера Измайлова «Улус Джучи как средневековая империя: мир-системный и кросс-культурный анализ» говорилось о месте Золотой Орды среди цивилизаций Евразии. По словам докладчика, цивилизация Улуса Джучи в полной мере соответствовала самым высшим образцам цивилизаций средневекового мира Евразии.

Турецкий профессор, доктор Ильяс Кемалоглу (Ilyas Kemaloglu) говорил о роли эмиров во внешней политике Золотой Орды и их влиянии на историю этого государства. В частности приводились примеры из биографий Ногая, Мамая и Едиге. Также докладчик поделился воспоминаниями о докторе Мустафа Кафалы и презентовал свою новую книгу

по истории Золотой Орды *Altın Orda Hanlığına Ait Resmî Yazışmalar* (Официальная переписка в Золотой Орде).

Далее симпозиум продолжился в секционном формате и прослушать все доклады не представлялось возможным, но организаторы предоставили всем участникам заранее изданные тезисы докладов. Всего в первый день симпозиума было сделано 24 доклада. Выступили ученые из Казани Рамиль Хайрутдинов, Айрат Ситдинов, Ринат Набиев, Раиль Фахрутдинов и др., из Болгарии – Александар Николов, из Сербии – Александр Узелац и др. В докладе к.и.н. Дмитрия Тимохина «Особенности описания биографии Джучи-хана в арабо-персидских источниках» рассмотрен основной массив арабо-персидских исторических источников (Ибн ал-Асир, ан-Насави, Джузджани, Джувейни, Рашид ад-Дин, Мирхонд, Хондемир), в которых, в большей или меньшей степени содержится информация о Джучи-хане. Люция Гиниятуллина в своем докладе рассказала о результатах деятельности Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М. А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ.

В докладе к.и.н. Марата Гатина «Влияние Золотой Орды на Русь-Россию в трактовках немецких историков» озвучены интересные выводы немецких историков о влиянии Золотой Орды на Русь и Россию. Автор говорит о трех различных концепциях в немецкой историографии по этому вопросу, в которых по-разному оценивается степень влияния татар на русских, на их государственность, культуру, военное дело и т.д. Немецкие историки подчеркивали неевропейскую преемственность русской истории, говорили о том, что

«азиатская кабала» стала хорошей школой для России. Вместе с тем, Золотая Орда, будучи государством с высоким уровнем материальной и духовной культуры, оказала заметное влияние на русское развитие. Она сыграла решающую роль в образовании Русского централизованного государства. Татары оказали влияние на военное дело русских. Немалое количество арабских и персидских слов в русском языке, заимствованных у тюрко-татар, доказывает, что в области одежды и ювелирного ремесла, строительства, питания и вооружения можно наблюдать восточное влияние. Золотая Орда повлияла и на московский дворцовый церемониал. Исследователь из Финляндии доктор Роман Хаутала (Roman Hautala) говорил о деятельности западных миссионеров в Золотой Орде, обратил внимание на обстоятельства широкого распространения латинского миссионерства в Азии, роль в этом итальянских купцов, а также привел сведения о причинах особой благосклонности монгольских правителей, которую они выказывали по отношению к миссионерам из Европы. По мнению автора, присутствие западных миссионеров на Востоке оказывалось выгодным как итальянским купцам, так и монгольским правителям и этим соображением можно объяснить широкое распространение доминиканских и, в первую очередь, францисканских конвентов на просторах Монгольской империи.

Казанский историк к.и.н. Тэймур Галимов говорил о поездке митрополита Киевского и всея Руси Кирилла II (III) в Никею на поставление, о легитимности этого акта и его признании Золотой Ордой. Крымский археолог к.и.н. Эмиль Сейдалиев в своем докладе «Золотоордынский го-

род в юго-восточном Крыму: предположения возникновения и особенности формирования» говорил об особенностях возникновения городов Золотой Орды. По его словам, решающим фактором в создании города была политическая воля правителя Золотой Орды, а его дальнейшему развитию способствовал симбиоз кочевого и оседлого населения, который привел к формированию богатой ордынской культуры, в том числе и ее урбанистической части. Свой тезис автор проследил на примере крымского города Солхат. Этот город возникает и развивается как типичный монгольский город в регионе (таможенный пункт, контролировавший торговые маршруты, или как ям – почтовая станция, на которой гонец мог менять лошадей), где уже достаточно долго существуют города с традиционными принципами формирования и градостроительства. Со временем, с увеличением роли торговли и появлением монетного чекана, поселение Солхат разрастается до размеров города.

Одновременно проходила работа второй секции, где выступали преимущественно турецкие историки. Доктор Altay Taufun Özcan, автор обширного монографического исследования на турецком языке о влиянии Золотой Орды на Россию, в своем докладе говорил о конфликте Бату и Гуюка и начале суверенитета Золотой Орды. Доктор Yücel Öztürk проследил этнокультурную историю Дашт-и Кыпчака на протяжении всего I тыс. н.э., а также обратил внимание на то, что принятие ислама ханами Золотой Орды является одним из важных вопросов, ожидающих освещения сегодня.

Профессор, доктор Наугунниса Alan в своем докладе остановилась на обстоятельствах распада Золотой

Орды и роли в этом амира Тимура. Профессор, доктор Ergin Ayar подробно рассказал о роли женщин-правительниц (хатун) в истории Золотой Орды и постордынских государств. Доктор Serkan Acar говорил о взаимоотношениях постордынских государств с Русским государством и действиях крымского хана Сахиб Гирея. Доктор Dinçer Koç посвятил свой доклад роли чингизидов в Бухарском ханстве. О роли мангытов в Золотой Орде и их дальнейшей исторической судьбе говорилось в докладе доктора Muhammed Bilal Çelik. Профессор, доктор Ali Cin посвятил свой доклад вопросу изучения литературного наследия золотоордынского Хорезма. Доктор Feryal Korkmaz продолжила эту тему и говорила о золотоордынском поэтическом сочинении «Хусрау и Ширин» Кутба. Историк из Казани к.и.н. Эльмира Сейфетдинова остановилась на анализе сочинения Махмуда ал-Булгари.

Второй день работы симпозиума проходил в рамках одной секции и также был насыщен докладами. Всего в этот день было заслушано 17 докладов, из них 11 докладов сделали историки из Российской Федерации, в том числе Рафаэль Валеев, Артур Харинский, Сергей Бочаров, Исмаил Гибадуллин, Виктор Мыц, Лилия Габдрафикова и др.

Известный российский историк д.и.н. Вадим Трепавлов в своем докладе «Чагатайский опыт в поздней Золотой Орде» говорил о влиянии политики амира Тимура и его системы управления в Мавараннахре на деятельность мангытского бека Едиге в Золотой Орде. По его мнению, Едиге (Эдиге) воплотил в Золотой Орде некоторые основные принципы правления Тимура, а его потомки сохранили и развили эти принципы в Ногайской

Орде. Доктор исторических наук, проф. Илья Зайцев рассказал об анонимном сочинении по истории Крымского ханства, которое сохранилось в трёх рукописях (в Париже, Киеве и Санкт-Петербурге). Это сочинение, написанное в конце XVIII в., является уникальным источником по истории Крыма: в нем даны сведения о правлениях ханов, годах их жизни и царствования, наиболее выдающихся событиях правлений, войнах, строительной деятельности. Автор сообщил о том, что в ближайшее время планируется издать это сочинение по трём спискам с разночтениями и русским переводом.

Директор Гуманитарного института Курганского университета, к.и.н., доцент Денис Маслюженко в своем докладе «Сибирская государственность Шибанидов в постордынское время: периодизация, территория, основные элементы» рассмотрел основные проблемы периодизации и хронологии сибирской постордынской государственности, а также вопросы определения ее географических границ. Особое внимание автор обратил на характерные признаки политического устройства, ханской титулатуры и символов власти.

В докладе к.ю.н., профессора Романа Почекаева «Золотоордынское наследие в судебном процессе Крымского ханства» рассмотрены история изучения и источники по вопросам суда, сходство и отличие судебной сферы Золотой Орды и Крымского ханства. В последнем, например, в отличие от Золотой Орды наибольшее распространение получил суд кадиев (суд на основе шариата). Вместе с тем, крымские ханы, как и ханы Сарая, сохранили за собой определенные судебные прерогативы. Еще одной судебной инстанцией был ди-

ван – коллегияльный совещательный орган при хане. В завершении доклада автор остановился на влиянии Турции и России на судебное дело Крыма. В докладе к.и.н. Анвара Аксанова «Ханская Казань как взятый турками Константинополь: идеологические параллели в историческом описании» рассматривается литературный замысел автора «Казанской истории», который никогда не был в Казани и не стремился представить подлинную, с точки зрения современной науки, картину произошедшего. Свою главную задачу он видел в аллегорическом истолковании событий, сравнении взятия Казани с взятием Царьграда турками в 1453 г. По словам докладчика, многие сюжеты, представленные автором Казанской истории, не должны пониматься буквально и напрямую использоваться в конкретно-исторических построениях. Украинский историк Владислав Гулевич в своем докладе «Литва, Крым и Большая Орда в последние годы правления польского короля и великого князя литовского Казимира IV Ягайловича (1486–1492)» рассмотрел особенности международных отношений в Восточной Европе в период ослабления Большой Орды и возвышения Крымского ханства. Активным игроком на политической арене в этот период было Великое княжество Литовское, которое в рассматриваемый период действовало против крымского хана.

В заключительной секции также были заслушаны доклады турецких историков профессора, доктора Abdullah Gündoğdu и доктора Derin Derya Paşaoğlu. Оба докладчика обратились к местным золотоордынским источникам. Доктор Gündoğdu говорил о традиции написания Огуз-наме и Чингиз-наме. К этой

традиции он относит *Тайную историю монголов, Джамии ат-таварих, Историю Утемиш-хаджи, Шибанинаме, Шаджара-ий турк, Умдат ат-таварих, Фирдаус ал-икбал* и тимуридские сочинения. Эти источники, по его словам, дают более достоверную информацию о государственности и этническом составе, административной и социальной структуре, духовной жизни Золотой Орды в сравнении с иностранными источниками. Доктор Разаоғлу в докладе «Место *Умдат ал-ахбар* среди источников по истории Золотой Орды» рассказала о сочинении Абд ал-Гаффара Кырыми «Умдат ал-ахбар», созданного в Крымском ханстве в 1748 г. В этом сочинении охватывается история

тюрков, монголов и татар от эпохи Чингиз-хана до династии крымских Гиреев. Автор говорит о схожести повествования Кырыми с сочинением Утемиша-хаджи (XVI в.). Сочинение Кырыми поможет лучше понять не только труд Утемиш-хаджи, но и процесс исламизации в Золотой Орде, борьбу за власть в Сарае и роль в ней предводителей родов и племен (кланов). Особенно ценны сведения этого источника о роли четырех карачи-беев в Золотой Орде и Крымском ханстве, влиянии киятов, ширинов и ногаев.

На симпозиуме Казахстан, кроме вице-президента казахско-турецкого университета доктора Женгиза Томара, также представляли

Рис. 1. Участники симпозиума в Стамбуле. Слева направо: Тэймур Галимов (Казань, Россия), Владислав Гулевич (Киев, Украина), Роман Хаутала (Оулу, Финляндия), Канат Ускенбай (Алматы, Казахстан)

Fig. 1. Participants of the Symposium in Istanbul. From left to right: Teymur Galimov (Kazan, Russia), Vladislav Gulevich (Kiev, Ukraine), Roman Hautala (Oulu, Finland), Kanat Uskenbay (Almaty, Kazakhstan)

профессор Назарбаев Университета доктор Юлай Шамильоглу, директор Института археологии им. А. Х. Маргулана доктор исторических наук Буржан Байтанаев и кандидат исторических наук Канат Ускенбай. Доктор Томар выступил с приветственной речью на пленарном заседании, доктор Шамильоглу говорил в своем докладе о «черной смерти» (чуме) и наследии Золотой Орды. В докладе Б. Байтанаева «Улытау: сакральный центр Золотой Орды» сообщалось о маршруте похода амира Тимура против Токтамыша через степи Центрального Казахстана. По его мнению, Тимур намерено избрал этот маршрут, чтобы поклониться мавзолею Джучи и посетить сакральные места Улытау. Доклад вызвал оживленную дискуссию, в которой приняли участие Вадим Трепавлов, Роман Хаутала, Ильнур Миргалеев. Канат Ускенбай в своем докладе говорил о возможной локализации кочевий хана Ак-Орды Барака. Им приведены основные сведения источников об этом правителе.

Всего было заслушано 45 докладов. Участники симпозиума прибыли из восьми стран. Самыми многочисленными были делегации Турецкой республики (14 докладчиков) и Российской Федерации (23), из Казахстана прибыли четыре участника (двое из Алматы, а также по одному из Туркестана и Нур-Султана), также прибыли историки из Болгарии, Румынии, Сербии, Украины и Финляндии. Турецкую делегацию представляли уче-

ные ведущих вузов страны, в том числе университеты Стамбула и Анкары, университет Акдениз и технический университет Карадениз, университеты Орду, Думлупинар, Еге, Сакариа и изящных искусств им. Мимара Синана. В составе российской делегации самой многочисленной была группа из Республики Татарстан (15), были также историки и археологи из Москвы, Санкт-Петербурга, Иркутска и Кургана.

Участники симпозиума единодушно отметили не только высокую научную организацию форума, но и замечательную культурную программу. Была организована экскурсия в музей Стамбула, прогулка по городу. В завершение мероприятия ректор Стамбульского университета устроил торжественный ужин для гостей и участников симпозиума.

Симпозиум в Стамбуле оставил самые теплые воспоминания. Многие коллеги снова встретились друг с другом, появились новые знакомства, расширяются научные контакты.

В станах Стамбульского университета обучается много казахстанских студентов, магистрантов и докторантов, которые пришли на симпозиум, послушали доклады специалистов, обогатились новыми знаниями. Возможно, таким образом мы сможем обогатить нашу науку новыми кадрами, и в скором времени у нас появятся свои специалисты по истории Золотой Орды.

Сведения об авторе:

Ускенбай Канат – кандидат исторических наук (г. Алматы, Казахстан); kz.77@inbox.ru

**АЛТЫН ОРДА ЖӘНЕ ОНЫҢ МҰРАСЫ:
Мемлекеттің 750-жылдығына арналған халықаралық симпозиум**

К. Өскенбай

2019 жылдың 25–26 қарашасында Стамбұлда (Түрік республикасы) Стамбұл университеті гуманитарлық факультеті Түрік тарихи қоғамының (Türk Tarih Kurumu), Казан федералдық университетінің, Татарстан Республикасы Ғылым академиясы Ш. Марджани ат. Тарих институтының, Елгинхан қорының (Elginkan vakfi), сондай-ақ Қ.А. Ясауи ат. Халықаралық қазақ-түрік университетінің қатысуымен «Алтын Орда және оның мұрасы» атты осы мемлекеттің негізі қалануының 750-жылдығына арналған халықаралық симпозиум өткізді. Оның жұмысына Азия және Еуропа сегіз елінен 45 ғалым қатынасты. Ең көп делегация Түрік республикасынан қатысты (14 баяндамашы) және Ресей Федерациясынан (23), Қазақстаннан төрт қатысушы (оның екеуі Алматыдан және бір-бірден Түркістан мен Нұр-Сұлтаннан, сонымен қатар Болгариядан, Румыниядан, Сербиядан, Украинадан мен Финляндиядан тарихшылар келді. Ресей делегациясының құрамында Татарстан Республикасы делегациясының тобы басым болды (15), сонымен қатар Москва, Санкт-Петербургтан, Иркутск мен Курганнан тарихшылар мен археологтар болды. Ғалымдар Алтын Орда тарихы мен оның мұрасына қатысты көптеген мәселеледі талқылады және өздерінің жаңа ғылыми жаңалықтарымен бөлісіп, өздерінің ғылыми еңбектерін таныстыды.

Түйін сөздер: археология, Алтын Орда, Талас құрылтайы, Жошы ұлысы, 750 жыл

**THE GOLDEN HORDE AND ITS LEGACY:
International symposium dedicated to the 750th anniversary of the state**

K. Uskenbay

On November 25–26, 2019 in Istanbul (Republic of Turkey) the Faculty of Humanities of Istanbul University with the participation of the Turkish Historical Society (Türk Tarih Kurumu), Kazan Federal University, the Institute of History named after Sh. Marjani of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, the Elginkan Foundation (Elginkan vakfi) and also International Kazakh-Turkish University of Ahmad Yasawi held and international symposium “The Golden Horde and its Heritage” dedicated to the 750th anniversary of the founding of this state. 45 scientists from eight countries of Asia and Europe participated in its work. The most numerous were delegations of the Republic of Turkey (14 contributors) and the Russian Federation (23), four participants arrived from Kazakhstan (two from Almaty, as well as one from Turkistan and one from Nur-Sultan), and historians from Bulgaria, Romania, Serbia, Ukraine and Finland also arrived. As a part of the Russian delegation, the largest was a group from the Republic of Tatarstan (15), as well as historians and archeologists from Moscow, St. Petersburg, Irkutsk and Kurgan. Scientists discussed various problems of the history of the Golden Horde and its heritage, shared the latest scientific developments, and presented their new works.

Keywords: archaeology, Golden Horde, Talas quriltai, Jochi Ulus, 750 years

About the Author:

Uskenbay Kanat Z. Candidate of historical sciences (Almaty, Kazakhstan);
kz.77@inbox.ru

**О РАБОТЕ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
«ДРЕВНОСТИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ,
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И ЮЖНОЙ СИБИРИ
В КОНТЕКСТЕ СВЯЗЕЙ И ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ
В ЕВРАЗИЙСКОМ КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ
(НОВЫЕ ДАННЫЕ И КОНЦЕПЦИИ)»**

© 2020 г. Т. Н. Лошакова, Е. В. Дубягина

18–22 ноября 2019 года в г. Санкт-Петербург на базе Института истории материальной культуры РАН и Государственного Эрмитажа прошла международная конференция «Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции)», посвященная 90-летию со дня рождения В. М. Массона и 80-летию со дня рождения В. С. Бочкарева. В работе конференции приняли участие ученые из 22 стран, было прочитано и обсуждено 232 доклада. Казахстан представляли исследователи из Института археологии им. А. Х. Маргулана, Сарыаркинского археологического института при Карагандинском государственном университете им. академика Е. А. Букетова, Костанайского государственного университета им. А. Байтурсынова, Павлодарского государственного университета им. С. Торайгырова, Международного казахско-турецкого университета имени Х. А. Ясави, Кызыл-Ординского госуниверситета им. Коркыта ата, Центра сближения культур под эгидой ЮНЕСКО (Алматы). Доклады участников были посвящены проблемам хронологии и культурогенеза древних обществ, искусству древнего населения, степным культурам эпохи неолита-бронзы.

Ключевые слова: археология, Евразия, Центральная Азия, Ближний Восток, Европа, Кавказ, неолит, эпоха бронзы, ранний железный век, античность, средневековье, искусство, хронология, культурогенез, городская культура, скотоводы, земледельцы

Работу конференции организаторы разделили на две большие части. Первая - «Древняя Центральная Азия в контексте евразийского культурного пространства (новые данные и концепции)» - была посвящена 90-летию со дня рождения Вадима Михайловича Массона. Вторая часть конференции «Связи, контакты и взаимодействия древних культур Северной Евразии и цивилизаций Востока в эпоху палеометалла» была посвящена 80-летию со дня рождения Вадима Сергеевича Бочкарева (см. материалы на сайте ИИМК РАН: <http://www.archeo.ru/>).

В ходе конференции были обсуждены доклады по следующим на-

правлениям: 1. Проблемы хронологии и культурогенеза древних земледельческих обществ Центральной Азии, Ближнего и Среднего Востока и Юго-Восточной Европы (неолит–ранний железный век); 2. Культура городов Центральной Азии, Ближнего и Среднего Востока в античности и раннем средневековье; 3. Искусство древнего населения Центральной Азии, Ближнего и Среднего Востока от неолита до раннего средневековья; 4. Скотоводы евразийских степей, их контакты с населением земледельческих оазисов в бронзовом и железном веках; 5. Вопросы хронологии и культурогенеза эпохи бронзы Северной Евра-

зии; 6. Культуры Северной Евразии и Древний Китай; 7. Степные культуры эпох энеолита – бронзы Восточной Европы и Кавказа; 8. Эпоха бронзы Волго-Уральского региона.

Открытие конференции прошло в здании Эрмитажного театра, где с приветственным словом к участникам обратились директор ИИМК РАН, д.и.н. В. А. Лапшин, начальник Национального управления по охране, изучению и реставрации памятников истории и культуры Туркменистана, к.и.н. М. А. Мамедов и ректор СГСПУ, д.и.н. О. Д. Мочалов. Участники конференции вспоминали моменты совместной работы с В. М. Массоном, а также тепло поздравили В. С. Бочкарёва с юбилеем.

Об основных вехах жизни и научной деятельности В. М. Массона воспоминаниями о совместной работе поделилась в своем докладе Л. Б. Кирчо. Доклад был проиллюстрирован большим количеством фотографий, на которых исследователь был запечатлён за работой, в кругу коллег и семьи.

Доклады, представленные в первой части конференции, охватили широкий спектр исследований. Сюда вошли исследования теоретической направленности по проблемам использования дефиниций «культура», «комплекс», «период», «слой», «стадия», «фаза», «цивилизация», «эпоха», «этап» в научных публикациях, изыскания, посвященные древностям Южного Туркменистана в свете современного эволюционизма и проблемам ранней урбанизации (3500–1500 гг. до н.э.) Южной Месопотамии, системе расселения и структуре домостроения в VII–III тыс. до н.э.

Серия докладов была посвящена исследованию на территории Туркменистана. Освещение получили проблемы, связанные с вопросами хронологии и архитектуры неолитических и раннеэнеолитических обществ по материалам поселения

Монджуклы-депе, древнеземледельческого центра Алтын-депе, организации очагов и использованию огня в жизни ранних земледельцев Южного Туркменистана. Представлены материалы Дашлы-депе – многослойного доисторического памятника на юге Туркменистана, памятников культуры типа Яз в Серахском оазисе, изложены новые подходы к реконструкции систем древних каналов в долине Мургаба в эпоху бронзы. Анализу местонахождения, сырью, разнообразию форм и обработки крупных каменных изделий Маргианы эпохи бронзы посвящены доклады исследователей из России и Туркменистана.

Материалы, представленные с поселения Гонур-депе, включали в себя итоги краниологических исследований, изучения печатей, были посвящены находке полихромной росписи, результатам рентгенофлюоресцентного анализа металлических зеркал из археологического комплекса, культуре земледелия древнего оазиса. Исследование памятников эпохи бронзы Таджикистана представлены предварительными итогами изучения могильника Фархор, результатами технико-типологического анализа нуклеусов гиссарской культуры на основе материалов неолитической стоянки Гуликандоз.

В серии докладов были подняты проблемы исследования неолита Южного Кавказа, формирования нового социально-культурного пространства – ранней земледельческой культуры Карабаха на Южном Кавказе в эпоху неолита, изучения южнокавказской группы раннеземледельческой культуры Азербайджана по материалам памятника Аликемектепе, погребальных сооружений майкопской культуры в контексте связей Кавказа и Передней Азии в IV тыс. до н.э.

Ряд докладов посвящен изучению памятников зарубежной Азии. В них отразились итоги исследования керамики и артефактов эпохи энеоли-

та с поселения Мергар (Пакистан), вопросы древней металлообработки в южном округе Кухдашт в Луристане, изучение плавильного шлака из Хар-рехсее в раннем железном веке и культурных связей Ирана с сопредельными странами на примере терракотовых антропоморфных статуэток Гиляна в раннем железном веке (I тыс. до н.э.), а также представлено современное понимание проблем изучения раннего железного века в Бактрии на основе материалов Кайритского оазиса.

Большой блок докладов содержал в себе результаты междисциплинарных исследований памятников Колхиды II тыс. до н.э. Представлена реконструкция хозяйственного уклада жителей энеолитического поселения Илгынлы-депе на основе применения лингвистическо-археологического анализа, итоги археозоологических исследований филактериона крепости Узундара.

В работе секции «Культура городов Центральной Азии, Ближнего и Среднего Востока в античности и раннем средневековье» представлены доклады о раннем распространения буддизма за пределы Индии, о македонской кавсии на индо-иранском пограничье, изложены основные этапы развития древнего города Пайкенд, расположенного на юго-западной границе Бухарского оазиса, представлены модели формирования культуры древних земледельцев на территории Южного Приаралья, освещены проблемы формирования и хронологии урбанизированной культуры Хорезмского оазиса. Представлены результаты исследования археологических комплексов поселения Хумбузтепа, изучения фортификации крепости Узундара, рассмотрены вопросы формирования погребального обряда христиан в Центральной Азии домонгольского времени и оседло-земледельческого населения Мавераннахра (VII – начало VIII в.), исследованы этапы развития иконографии и распростране-

ние иранских божеств в Центральной Азии в аршакидский и сасанидский периоды.

Серия докладов посвящена изучению хозяйств древних обществ: сельского хозяйства, продуктов питания, сырья для текстиля и строительства в Сасанидском Мерве, керамического производства и влияния греческой керамики на керамическое производство в Бактрии в эллинистический период, рассмотрена история изучения и перспективы исследований древнебактрийских фляг.

Представлены новые данные по топографии раннесредневекового Пенджикента, архитектурному изучению объекта IV городища Ак-Бешим и цитадели древнего и средневекового Самарканда.

В секции «Искусство древнего населения Центральной Азии, Ближнего и Среднего Востока от неолита до раннего средневековья» представлены сообщения об изобразительных памятниках окуневской культуры, рассмотрен образ быка в искусстве эпохи бронзы Центральной Азии и хтонические изображения хищников на оленных камнях Монголии, поднята проблема датировки битреугольного стиля в наскальном искусстве Центральной Азии и исследования фрагментов росписей древнего Эребуни, освещены истоки возникновения тюркских средневековых неполнофигурных изваяний, доложены результаты изучения антропоморфных фаллических амулетов как свидетельство культурных контактов между номадами и оседлым населением IV–VII вв. н.э., рассмотрены современные проблемы методологии исследования памятников доисторического искусства.

Доклады секции «Скотоводы евразийских степей, их контакты с населением земледельческих оазисов в бронзовом и железном веках» посвящены проблемам формирования и развития евразийского номадизма, взаимодействию подвижных ското-

водов и земледельцев на юге Таджикистана, воинским погребениям сакского времени в Чон-Алае. Особо выделялись доклады, посвященные изучению ямной культуры скотоводов Волго-Уральских степей, шерстяных тканей бронзового века Южной Сибири и шелкового головного убора хуннского времени из кургана № 51 памятника Яломан-II (Центральный Алтай).

Отдельно хочется выделить доклады казахстанских исследователей. В докладе А. Н. Подушкина и А. В. Донца были представлены новые материалы, полученные при исследовании эталонных памятников арысской культуры Южного Казахстана (городище Культобе и Ушбастобе, катакомбные могильники Культобе и Кылышжар). В совместном докладе А. Н. Подушкина с российским исследователем Б. А. Раевым изложены новые материалы по первичной выплавки железа на городище Ушбастобе. История изучения и вопросы хронологии Борижарского могильника отражены в совместном докладе А. А. Ержигитовой и исследователя из Санкт-Петербурга А. И. Торгоева. В коллективном докладе исследователей И. А. Аржанцевой (Россия), Х. Г. Харке (Германия) и А. Тажекеева (Казахстан) освещены основные результаты исследований по проекту «Nomad state formation and urbanization: The early medieval town of Dzhankent (Aral Sea region, Kazakhstan)».

Работа второй части конференции, посвященная 80-летию со дня рождения В. С. Бочкарёва, началась с выступления юбиляра, который выразил благодарность за поздравления, высказанные в его адрес, и активное участие коллег-археологов в работе конференции. В своем выступлении «Археология на перекрестке гуманитарного и естественнонаучного знания» юбиляр обобщил широкий спектр материалов и данных, полученных с применением естественно-

научных методов, привел примеры полученных выводов, которые обогатили современную науку.

В работе секции «Вопросы хронологии и культурогенеза эпохи бронзы Северной Евразии» рассматривались вопросы, связанные с ролью культурных связей в становлении и развитии металлопроизводства ямной культуры на территории Приуралья, определением времени контактов оседлых и пастушеских племен на территории южного Туркменистана; приведены новые данные по радиоуглеродной хронологии эпохи бронзы Минусинской котловины, которые позволили выявить более точные временные рамки существования отдельных археологических культур.

Блок докладов посвящен изучению древних производств. Отдельными исследованиями представлены результаты изучения тиглей и сопел из погребений «кузнецов-литейщиков» раннего и среднего бронзового века Восточной Европы, результаты первых исследований состава и технологии обработки железа в III - первой половине I тыс. до н.э. на юге Восточной Европы, итоги изучения технико-технологического анализа майкопского и лейлатепинского керамического материала, двух стержневидных псалиев из оленьего рога, обнаруженных при раскопках цитадели Трой VI.

Исследователями были представлены новые данные по изучению абашевской культуры Приуралья, жаботинской археологической культуры, по исследованию генезиса и распространения дисковидных псалиев Северной Евразии, по комплексу бронзовых изделий эпохи поздней бронзы с территории курганной группы Войцеховского могильника, культурно-хронологическим индикаторам раннегалльштатского горизонта городища Картал.

В секции «Культуры Северной Евразии и Древний Китай» представлены материалы и результаты исслед-

дований на могильнике афанасьевской культуры Карасук III, по формированию комплекса металлических изделий культуры Сыба (Ганьсуский коридор, Китай), краниологии чемурчекской культуры Западной Монголии, освещены проблемы хронологии и датирования на основе керамических комплексов бронзового века Нижней Ангары, выделены особенности сейминско-турбинских наконечников копий Обь-Иртышья.

Вопросам изучения и эволюции конского снаряжения эпохи поздней бронзы в Древнем Китае, погребений с обрядом трупосожжения в Саянском каньоне Енисея, влияния южных связей на культурогенез населения эпохи поздней бронзы юга Западной Сибири, а также итогам и перспективам исследований тагарской культуры Мариинской лесостепи и специфике формирования начальных этапов палеометалла на юге Западной Сибири посвящена серия докладов российских исследователей.

В докладах изложены результаты по изучению производственно-технологических взаимодействий культур эпохи ранней бронзы Западной Сибири в области металлообработки, предложены выводы, полученные на основе радиоуглеродного датирования курганов с предметами китайского импорта из могильника скифской эпохи Чинета-II, проанализированы особенности формирования андроновских поселений в Минусинской котловине на основе материалов памятника Ключи и проблемы, связанные с изучением данного вида объектов.

Вопросы изучения погребального костюма населения андроновской культуры Алтая, изображения «распростертых» птиц селенгинских писаниц с оградками и их китайские датирующие параллели и особенности формирования жертвенных комплексов в эпоху поздней бронзы на основе материалов могильника Тар-

тас (Барабинская лесостепь) подробно проанализированы в выступлениях российских исследователей.

Предложенная в сообщении реконструкция природных условий и хозяйственной деятельности населения поселения эпохи бронзы Березовая Лука (Алтай), представленная на основе комплексного исследования, вызвала бурное обсуждение присутствующих.

Интерес исследователей вызвали доклады по планиграфии некрополей быстринской культуры Алтая в скифо-сакское время и планиграфии раннескифского «царского» кургана Туннуг.

Локально-хронологические особенности зооархеологических комплексов погребений тагарской культуры освещены в докладе кемеровских исследователей.

В ходе работы секции «Степные культуры эпох энеолита–бронзы Восточной Европы и Кавказа» представлены материалы по изучению древних орудий деревообработки из Майкопского кургана (Ошад), подняты вопросы по проблеме изучения финала среднего–позднего бронзового века Таманского полуострова, представлены результаты археологического и естественнонаучного исследования клада эпохи поздней бронзы «Батарейка», приведена хронологическая атрибуция позднего горизонта городища Рудь-Мэтониум, рассмотрены биосоциальные факторы культурогенеза бронзового века.

Большой блок докладов включал в себя материалы по изучению предметов из металла и развитию металлургического производства, где были выделены две фазы развития в металлопроизводстве раннего этапа средней бронзы Предкавказья и юго-востока Русской равнины, рассмотрены вопросы, связанные с изучением и интерпретацией кладов с изделиями прикубанского очага металлургии и металлообработки позднего бронзо-

вого века, представлены результаты исследований металлопроизводства на памятниках эпохи бронзы Казахстана и бронзы–раннего железа Центрального Кавказа. Отдельный доклад посвящен результатам трасологического исследования «серпов» из клада Сосновая Маза.

На основе технико-технологического анализа рассмотрены вопросы по изучению керамики с примесью ракушки в культуре Триполье-Кукутени, подробно изложены результаты изучения технологии изготовления керамики в раннем железном веке Северного Причерноморья (памятники Поднестровья), представлены кавказские традиции в керамике восточноманычской культуры.

Обширные, аналитические доклады представлены исследователями по вопросам изучения поселений ингульской культуры, проблемам позднего Триполья, культуры Бабино на Нижнем Дону, по новым материалам неолита–энеолита Таловое I на Донском Левобережье и хронологии позднего энеолита Пруто-Днестровского междуречья на основе серии новых дат C¹⁴, которые позволили очертить точные хронологические рамки памятников в общей периодизации.

Исследователями представлены новые материалы по изучению памятников эпохи бронзы: мавзолея 7-го Разменного кургана в Закубанье, поселения комплекса Ноуа-Сабатиновка-Кослоджень-Тараклия-Гайдабул (Молдова), бытованию и датированию трансверсальных наконечников стрел усатовской культуры. Несколько докладов посвящены вопросам изобразительного искусства, где представлены материалы по предметным соответствиям сюжета «охоты» энеолитической стелы из Керносовки и результаты исследования изображений на стенах погребальных сооружений раннекатакомбного времени.

Серия докладов была посвящена вопросам изучения состава населе-

ния Центрального Предкавказья VIII–VII вв. до н.э. и обряда демембрации в катакомбных погребениях Северо-Восточного Приазовья. Этапы развития животноводства ямной и катакомбной культур были представлены в докладе П. А. Косинцева.

В работе секции «Эпоха бронзы Волго-Уральского региона» рассматривались вопросы развития комплексных обществ в степях Восточной Европы по материалам погребального обряда ямной культуры Волго-Уралья, погребений на основе материалов памятников синташтинского и петровского типа, погребальных комплексов абашевской культуры в Оренбургском Предуралье.

Большой блок вопросов был посвящен рассмотрению взаимодействия различных культур. Особое внимание вызвали доклады об особенностях срубно-андроновского взаимодействия на территории Оренбургского Предуралья и Самарского Поволжья в позднем бронзовом веке. На заседании представлены новые материалы полевых исследований поселения Левобережное (Синташта II), материалы по изучению Сосново-Мазинского клада из Хвалынского музея, некоторые итоги по исследованию технологии изготовления керамики населением развитого этапа срубной культуры Волго-Уралья.

Особое внимание привлек доклад российских коллег по исследованию материалов степного Поволжья эпохи бронзы с применением изотопного анализа, в котором авторы изложили свою методику исследования, дали несколько рекомендаций по изъятию проб для проведения анализа.

В особую группу выделим выступления казахстанских коллег. Так, В. А. Новоженев выступил с докладом «Изобразительные памятники как индикатор коммуникаций населения Центральной Азии в эпоху палеометалла». В выступлении Э. Р. Усмановой прозвучали результаты анализа

технологических особенностей изготовления и семантической составляющей андроновского головного убора по материалам могильника Лисаковский I. Казахстанские комплексы елунинского типа были представлены в докладе И. В. Мерца. Вопросам возникновения, развития и перспективам изучения металлопроизводства в Жезказган-Ультауском горно-металлургическом центре посвящен доклад А. С. Ермолаевой и Е. В. Дубягиной, подготовленный совместно с российскими исследователями С. В. Кузьминых и М. Н. Анкушевым. В докладе российского ученого Н. А. Боковенко и В. Хорват рассмотрены некоторые аспекты проникновения центральноазиатского населения в Европейскую Скифию. В совместном сообщении новосибирского исследователя О. А. Митько и У. У. Умиткалиева представлены материалы исследования памятников эпохи бронзы на некрополе Кырыкунгир. В докладе И. В. Шевниной, А. В. Логвина, подготовленном совместно с исследовательницей из США И. П. Па-

нюшкиной, были представлены новые данные междисциплинарных исследований синташтинских памятников Тургайского прогиба (Каратомар, Халвай 3, 5). Вопросы социальной стратификации синташтинских погребений были подробно проанализированы в выступлении сотрудника филиала Института археологии им. А.Х. Маргулана в г. Нур-Султан – А. И. Хаванского.

В ходе работы конференции были также представлены материалы полевых исследований 2018–2019 гг.; на основе новых данных естественнонаучных исследований дана современная оценка уже известным материалам, что вызвало активные дискуссии. Организаторами конференции был задуман большой и сложный в реализации проект, но все удалось! Удалось объединить и сблизить исследователей разных стран, дать толчок к развитию новых направлений в изучении древней истории, заострить внимание на вопросах, связанных с методологией исследований.

Сведения об авторах:

Лошакова Татьяна Николаевна – старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Маргулана (г. Алматы, Казахстан); loshakovat@mail.ru

Дубягина Екатерина Викторовна – научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Маргулана (г. Алматы, Казахстан); nkatykat@gmail.com

Еуразиялық мәдени кеңістігіндегі байланыстар мен өзара қарым қатынастар контекстіндегі Шығыс Еуропа, Орталық Азия және Оңтүстік Сібірдің ежелгі тарихы» (жаңа мәліметтер мен тұжырымдамалар)» атты халықаралық конференцияның жұмысы туралы

Т. Н. Лошакова, Е. В. Дубягина

2019 жылдың 18–22 қарашасында Санкт-Петербург қаласында РФА Материалдық мәдениет тарихы институты және Мемлекеттік Эрмитаждың ұйымдастыруымен «Еуразиялық мәдени кеңістігіндегі байланыстар мен өзара қарым-қатынастар контекстіндегі Шығыс Еуропа, Орталық Азия және Оңтүстік Сібірдің ежелгі тарихы» атты В.М. Массонның 90 жылдық және В.С. Бочкаревтің 80 жылдық мерейтойына арналған халықаралық конференция өтті. Конференцияға 22 мемлекеттің ғалымдары қатысып, 232 баяндамалар оқылып, талқыланды. Қазақстан ғалымдарының құрамында Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының, академик Е.А. Бөкетов атындағы Қарағанды мемлекеттік университеті жанындағы Сарыарқа археологиялық институтының, А. Байтұрсынов атындағы Қостанай мемлекеттік университетінің,

С. Торайғыров атындағы Павлодар мемлекеттік университетінің, Х.Я. Яссауи атындағы Халықаралық қазақ-түрік университетінің, Қорқыт ата атындағы Қызылорда мемлекеттік университетінің, ЮНЕСКО аясындағы Мәдениеттерді жақындастыру орталығының археологтары, ғылыми қызметкерлері мен ғалымдары қатысты. Қатысушылардың жұмыстары ежелгі қоғамның хронологиясы мен мәденигенезіне, ежелгі тұрғындардың мәдениетіне, энеолит-қола дәуірінің далалық мәдениеттеріне арналды.

Түйін сөздер: археология, Еуразия, Орталық Азия, Таяу Шығыс, Еуропа, Кавказ, неолит, қола дәуірі, ерте темір дәуірі, антикалық, ортағасыр, мәдениет, хронология, мәденигенез, қалалық мәдениет, мал шаруашылығы, малшылар, егін шаруашылығы, егіншілер

**ON THE INTERNATIONAL CONFERENCE
«Antiquities of Eastern Europe, Central Asia and South Siberia
in the Context of communication and interaction in the Eurasian cultural space
(new data and concepts)»**

T. N. Loshakova, Ye. V. Dubyagina

On November 18–22, 2019 in St.Petersburg on the basis of the Institute of History of Material Culture of the RAS and the State Hermitage there was held an international conference “Antiquities of Eastern Europe, Central Asia and Southern Siberia in the context of communication and interaction in the Eurasian cultural space (new data and concepts),” dedicated to the 90th anniversary of the birth of V.M. Masson and 80th anniversary of the birth of V.S. Bochkarev. The conference was attended by scientists from 22 countries, 232 reports were read and discussed. Kazakhstan’s scientists were represented by researchers from the A.Kh. Margulan Institute of Archeology, Saryarka Archaeological Institute at Academician E.A. Buketov Karagandy State University, A. Baitursynov Kostanay State University, S. Toraiyrov Pavlodar State University, Kh.A. Yasawi International Kazakh-Turkish University, Korkyt ata Kyzyl-Orda State University, UNESCO Centre for the Rapprochement of Cultures (Almaty). Reports of the participants were dedicated to the problems of history and cultural genesis of ancient societies, art of the ancient population of steppe culture of Eneolithic–Bronze.

Keywords: archaeology, Eurasia, Central Asia, the Middle East, Europe, the Caucasus, Neolithic, Bronze Age, Early Iron Age, Antiquity, Middle Ages, art, chronology, cultural genesis, urban culture, cattle breeders, farmers

About the Authors:

Loshakova Tatyana N. Senior Researcher, A.Kh. Margulan Archeology Institute, Almaty, Kazakhstan; loshakovat@mail.ru

Dubyagina Yekaterina V. Researcher, A.Kh. Margulan Archeology Institute, Almaty, Kazakhstan; nkatykat@gmail.com

**КАЗАХСТАНСКИЙ АРХЕОЛОГ
УДОСТОВЕН ЯПОНСКОЙ НАГРАДЫ
«ОРДЕН ВОСХОДЯЩЕГО СОЛНЦА
С ЗОЛОТЫМИ ЛУЧАМИ, С ЛЕНТОЙ НА ШЕЕ»**

© 2020 г. Т. Б. Мамиров

В статье приводятся некоторые итоги научной деятельности известного археолога Жакена Кожамбетовича Таймагамбетова. Основное внимание уделено становлению Ж. К. Таймагамбетова как ученого, сотрудничеству с японскими археологами, и научном вкладе исследователя в изучение палеолита Казахстана. Научные интересы ученого: антропогенез, история древнейших культур Евразии, проблемы заселения территории Центральной Азии и Казахстана первобытным человеком.

Ключевые слова: археология, Ж. К. Таймагамбетов, наука, ученый, каменный век, палеолит

3 ноября 2019 г. Правительство Японии опубликовало список иностранных граждан, которые будут награждены от имени Императора Японии Нарухито «Орденом Восходящего солнца с золотыми лучами, с лентой на шее». Среди кавалеров ордена отмечен наш соотечественник, один из ведущих археологов страны, член-корреспондент НАН РК, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Национального музея Республики Казахстан Жакен Кожамбетович Таймагамбетов.

Этой наградой от имени Императора Японии награждают иностранных граждан за выдающиеся заслуги в сфере развития дружественных отношений с Японией. До этого времени шесть граждан Казахстана, включая Первого Президента РК Н. А. Назарбаева были удостоены Ордена Японии.

Таймагамбетов Ж. К. отмечен за вклад в углубление научных от-

ношений между Японией и Казахстаном и содействие взаимопонимания между странами, посредством проведения совместных археологических раскопок, конференций, чтения лекций, издания научных трудов в обеих странах.

Международное признание к ученому пришло благодаря научным достижениям, берущим истоки еще со студенческих времен, научной стажировке и за годы учебы в аспирантуре у основателя сибирской археологической школы академика АН СССР А. П. Окладникова в г. Новосибирске, где он знакомится со многими археологами СССР, корифеями в области палеолитоведения – профессорами П. И. Борисковским, В. П. Любиным, З. А. Абрамовой, А. П. Деревянко и др. Новосибирский период, в частности отражен в интервью его научного руководителя А. П. Окладникова: «... У меня много учеников. Самый юный – казах Жакен Таймагамбетов.

Рис. 1. Вручение награды Ж.К. Таймагамбетову Чрезвычайным и Полномочным Послом Японии в Республике Казахстан господином Тацухико Касаи

Fig. 1. Presentation of the award Zh.K. Taimagambetov, Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of Japan to the Republic of Kazakhstan, Mr. Tatsuhiko Kasai

Он с такой энергией, самоотверженно работал на Алтае, участвовал в раскопках, нашел интересные памятники древней культуры. Приятно знать, что есть такие ученики, как Жакен ...» [цит. по: Соловьева, 1983, с. 208]. Несомненно, такое солидное научное окружение и среда оказали значительное влияние на научное мировоззрение и формирование Ж. К. Таймагамбетова как профессионального археолога, безмерно преданного своему делу, вот уже на протяжении 40 лет.

Его научные интересы: антропогенез; история древнейших культур Евразии; проблемы заселения территории Центральной Азии и Казахстана на первобытным человеком, его культура, миграции и этнические связи.

С 1980 года и по сей день Ж. К. Таймагамбетов постоянный ру-

ководитель целого ряда археологических экспедиций по изучению памятников каменного века на территории Казахстана. Совместно с академиком А. П. Деревянко открыл и исследовал десятки археологических объектов в разных регионах Казахстана, в том числе ставшие эталонными и получившие мировую известность – Кошкурган, Шоктас, Кызылтау, Мугоджары, Майбулак, Ушбулак и др.

Он является инициатором и со-руководителем международных программ по комплексному изучению открытых и пещерных памятников палеолита Казахстана таких как Казахстано-Германская экспедиция (с 2015 г. по н.в.); Казахстано-Российская экспедиция (1992–2002 гг., с 2015 г. по н.в.); Казахстано-Японская экспедиция (с 2017 г. по н.в.) с участи-

ем специалистов из США, Германии, Италии, Румынии, Бельгии, Японии, Бразилии, и др. стран.

В статье хотелось бы обратить внимание на контактах Ж. К. Таймагамбетова с японскими археологами. В начале 80-х годов прошлого столетия Жакен Кожаметович, будучи аспирантом, знакомится с археологами из университета Хоккайдо, Саппоро – Хидеаки Кимурой и Харуо Ойи. Тесное же научное сотрудничество с японскими археологами началось в 2008 г., когда Ж. К. Таймагамбетов работал деканом факультета истории, археологии и этнологии КазНУ им. аль-Фараби, которое продолжилось в 2010 году посещением КазНУ им. аль-Фараби археологов из Национального исследовательского Института культурных ценностей Нара, Японского центра Международного сотрудничества и сохранения культурного наследия Токио для налаживания научных контактов. Археологи с главой региональной секции окружающей среды из Токио г-ном Казуя Ямаучи прослушали курс лекций профессора Ж.К. Таймагамбетова об антропогенезе и палеолите Казахстана, познакомились с новейшими достижениями и результатами экспедиции по изучению памятников каменного века Казахстана, посетили места раскопок палеолитических стоянок, обрабатывали коллекции каменных орудий из фонда Музея палеолита.

В 2012 г., по приглашению руководства Национального исследовательского Института культурных ценностей Нара состоялся ответный визит Ж. К. Таймагамбетова в университет Хоккайдо, институт Нара с лекцией для студентов и Ассоциации археологов Японии.

С 2017 г. начинаются работы совместной Казахстано-Японской археологической экспедиции под руководством профессора Ж. К. Таймагамбетова и профессора С. Кунитакэ из Научно-исследовательского института культурных ценностей Нара. За три полевых сезона были открыты новые памятники каменного века на территории Южного Казахстана. Одним из направлений работ стало уточнение стратиграфического разреза на стоянке им. Ч. Валиханова в Южном Казахстане. Если ранее было известно о шести культурных слоях, залегающих *in situ*, то в результате работ последних двух лет, впервые на стоянке в нижних отложениях выявлены еще три культурных слоя, и общее число их достигло девяти, что свидетельствует об обитании древнего человека на протяжении длительного времени в одном и том же месте [Таймагамбетов, Кунитакэ, 2019].

В Жамбылской области, в районе с. Тамды была впервые обнаружена стратифицированная стоянка верхнепалеолитического времени, Буйрек-бастабулак. В результате двухлетних раскопок, выявлены каменные орудия, среди которых пластины и отщепы с ретушью, проколки и резцы, а также большое количество нуклеусов, предназначенных для снятия пластин и отщепов. В 2019 г. обнаружены остатки кострищ и очагов. Для определения абсолютного возраста памятника взяты образцы угля и почвы и отправлены в лабораторию Японии.

Помимо археологических экспедиций научное сотрудничество между нашими странами ведется и в области консервации и реставрации археологических артефактов, стажировках, совместных конференциях,

чтениях лекций. Одним из результатов такого сотрудничества стала презентация коллективной монографии «Изучение верхнепалеолитической культуры в Казахстане» на японском языке в стенах Национального музея РК. В публикации книги приняли участие профессор Ж. К. Таймагамбетов, археологи из Японии С. Кунитакэ, С. Моримото, С. Като, К. Шибата и др.

По его инициативе и руководством в КазНУ им. аль-Фараби создан единственный в СНГ Музей палеолита Казахстана, а затем открыта международная научно-исследовательская лаборатория «Геоархеология», призванная на основе естественнонаучных дисциплин изучать и датировать археологические памятники и артефакты на территории Казахстана и Центральной Азии. В должности замдиректора в Национальном музее РК в Астане им инициировано открытие при музее научно-исследовательского Института «Халық қазынасы».

Профессор Ж. К. Таймагамбетов известен активной педагогиче-

ской работой в археологии. Под его руководством защищены две докторские диссертации PhD, подготовлено девять кандидатов наук, десятки магистров по истории, археологии. Он является руководителем докторских диссертаций соискателей из Кыргызстана. В настоящее время ученики Ж. К. Таймагамбетова работают в Кыргызстане, России, Франции, Японии. Жакен Кожаметович – автор и соавтор более 470 научных работ, из них 50 монографий, учебников, многие из них изданы на 12 языках мира.

Многолетняя научная и педагогическая деятельность Ж. К. Таймагамбетова отмечена многими правительственными и ведомственными наградами РК, в том числе и зарубежными: юбилейной медалью Республики Туркменистан «11 лет Независимости Туркменистана». Сегодня, к этим наградам добавился заслуженный «Орден Восходящего солнца с золотыми лучами, с лентой на шее» Японии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Соловьева Г.С.* Загадка счастья: опыт философского размышления. Алма-Ата: Жалын, 1983. 229 с.
2. *Таймагамбетов Ж., Кунитакэ С.* 60 лет со дня открытия многослойной палеолитической стоянки им. Ч. Валиханова // Қазақстан археологиясы. 2019. № 3 (5). С. 62–71.

Сведения об авторе:

Мамиров Талгат Базарбаевич, кандидат исторических наук, директор, Филиал Института археологии им. А.Х. Маргулана в г. Нур-Султан (г. Нур-Султан, Казахстан); tmamirov@mail.ru

ҚАЗАҚСТАНДЫҚ АРХЕОЛОГ «АЛТЫН ШУАҚ МОЙЫН ЛЕНТАСЫ, КҮНШЫҒЫС ОРДЕНІ» ЖАПОН МАРАПАТЫНА ИЕ БОЛДЫ

Т. Б. Мамиров

Мақалада белгілі археолог Жәкен Қожаметұлы Таймағамбетовтің ғылыми қызметінің кейбір нәтижелері берілген. Негізгі назар Ж.К. Таймағамбетовтің ғалым ретінде қалыптасуына, жапон археологтарымен ынтымақтастықығы және зерттеушінің

Қазақстан палеолитін зерттеудегі ғылыми үлесіне аударылады. Ғалымның ғылыми қызығушылығы: антропогенез, Еуразияның ежелгі мәдениеттерінің тарихы, Орта Азия мен Қазақстанның территориясындағы ежелгі адамдардың қоныстану мәселелері.

Түйін сөздер: археология, Ж.Қ. Таймағамбетов, ғылым, ғалым, тас дәуірі, палеолит

**KAZAKHSTAN ARCHAEOLOGIST AWARDED THE JAPANESE AWARD
«MEDAL OF THE RISING SUN WITH GOLD RAYS,
WITH A TAPE ON THE NECK»**

T. B. Mamirov

The article provides some results of the scientific activity of the famous archaeologist Zh. K. Taimagambetov. The main attention is paid to the formation of Zh.K. Taimagambetov as a scientist-archaeologist, collaborating with Japanese archaeologists, and the scientific contribution of the researcher to the study of the Paleolithic of Kazakhstan. The scientific interests of the scientist: anthropogenesis, the history of the most ancient cultures of Eurasia, the problems of the settlement of the territory of Central Asia and Kazakhstan by primitive man.

Keywords: archaeology, Zh.K. Taimagambetov, science, scientist, Stone Age, Paleolithic.

REFERENCES

1. Soloviyova, G. S. 1983. *Zagadka schastiya: opyt filosofskogo razmyshleniya (The riddle of happiness: the experience of philosophical reflection)*. Alma-Ata: “Jalyn” Publ. (in Russian).
2. Taymagambetov, J., Kunitake, S. 2019. In *Kazakhstan Archeology*, 3 (5), 62–71.

About the Author:

Mamirov Talgat B. Candidate of Historical Sciences, Director, Branch of the A.Kh. Margulan Archeology Institute in Nur-Sultan, Nur-Sultan, Kazakhstan; tmamirov@mail.ru

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 08.01.2020.

ЕКАТЕРИНБУРГ ҚАЛАСЫНА ҒЫЛЫМИ ІС-САПАР ТУРАЛЫ

© 2020 ж. М. С. Шағырбаев

Мақалада 2019 жылдың желтоқсан айында Ресей Ғылым академиясы Орал бөлімі Өсімдіктер және жануарлар экологиясы институтының «Палеоэкология» лабораториясында (Екатеринбург қаласы) өткен ғылыми тағылымдаманың қысқаша қорытындысы беріледі. Ғылыми тағылымдаманың негізгі мақсаты жануар сүйектерін зерттеу методологиясын меңгеру, лаборатория қорындағы эталондармен танысу. Ғылыми-зерттеу жұмыстары жануар сүйектерін археозоологиялық талдаудың толық жүйесін қамтыды. Археозоологиялық зерттеуде остеологиялық материалды жануар түріне қарай топтау, қаңқа элементтерін анықтау, сақталу ерекшеліктерін сипаттау және материалдарды қорда сақтау мен электронды базаға енгізу мәселелері қарастырылды. Жануар сүйегін анықтаудағы жіберілетін басты қактеліктерге назар аударылды. Қаңқа элементтері ұқсас келетін қой мен ешкі, бірқатар ірі қара мен жылқы сүйектерінің диафизі мен эпифиздерінің өзгеріс диапазоңдары анықталды. Жануар түрлерін тізімдеу әдістерінің өзіндік жеке ерекшеліктері қарастырылды.

Түйін сөздер: археология, Екатеринбург қ., Палеоэкология лабораториясы, археозоология, жануар сүйектері, эталон, морфометриялық өлшем, тафономиялық талдау

Археология ғылымы түрлі пәнаралық зерттеулермен тығыз байланыста дамитынын ескерсек, оның ішінде археозоология өз алдына үлкен ғылым саласы болып табылады. Дегенмен отандық археологияда археозоологиялық зерттеулер аса көп жүргізіле бермейді. Мұның басты себебін арнайы палеозоолог мамандардың және эталондық материалдардың жоқтығымен байланыстырамыз. Отандық археология ғылымындағы жануар сүйектеріне қатысты зерттеулердің барлығы дерлік шет елдік мамандардың көмегіне сүйеніп жүргізілетіні жасырын емес. Алайда соңғы жылдары Ә. Х. Марғұлан атындағы Археология институтының ішкі құрылымында бірқатар өзгерістер орын алып,

біраз жылдық үзілістен кейін «Археологиялық технология» лабораториясын қайта қалпына келтіру ісі қолға алынып отыр. Нәтижесінде аталған лаборатория құрамында «археозоология» бөлімін ашу және археозоолог маман дайындау мәселесі бой көтерді. Жас мамандарды жануар сүйектерін талдау әдістеріне үйрету мақсатында белгілі палеозоологтар б.ғ.к. Б. У. Байшашов, б.ғ.к. П. А. Косинцев және б.ғ.к. Д. О. Гимранов жұмысқа шақырылды. Соңғы екі жыл қатарынан аталған ғалымдармен тізе қосып, жұмыс жасау барысында, жануар сүйектерін талдаудың бірқатар тәсілдерін игеруге қол жеткізіп отырмыз. Дегенмен, Институт қорында арнайы эталондардың болмауы және бірқатар лабораториялық

Сур. 1. Палеозоолог П.А. Косинцевпен бірге жануар асықтарын талдау.
Е.Ш. Ақымбектің фотосы

Fig. 1. At the laboratory with the paleozoologist P.A. Kosintsev. Photo by E.Sh. Akymbek

тәсілдердің күрделілігі, аталған іс-шараның толық жұмыс жасауына кедергі келтіргені рас. Осы олқылықтардың орнын толтыру мақсатында 2019 жылдың желтоқсан айында Ә. Х. Марғұлан атындағы Археология институтының басшылығы Екатеринбург қаласындағы Ресей Ғылым Академиясы Орал бөлімінің Өсімдіктер және жануарлар экологиясы институтының «Палеоэкология» лабораториясына ғылыми іс-сапар ұйымдастыруды ұйғарды. Ғылыми іс-сапардың мақсаты жануар түрлеріне қарай арнайы эталондар қорымен танысу, археозоологиялық зерттеудің толық жүйесін (цикл) меңгеру, жануар түрлерін анықтаудағы басты қиындықтардың бірі – сүйек материалдардың өзгеру үдерістерімен танысу және остеологиялық мате-

риалдарды сақтау мен арнайы электронды база құру мәселелерін игеру болып табылады.

«Палеоэкология» лабораториясында тұяқты (лат. Carnivora), жыртқыш (лат. Ungulata) және бауырымен жорғалаушы (лат. Reptilia) жануарлардың бірнеше ондаған түрінің қаңқа элементтері эталон түрінде сақталған. Бір қызығы эталон қоры жануар түріне қарай емес, сүйектердің түріне қарай бөлінеді. Мәселен жұп тұяқты жануарлардың (лат. Artiodactyla) сүйектері жеке қаңқа элементтері бойынша топталған. Егер зерттеушіге қой, ешкі немесе акбөкен секілді ұсақ жануарлардың сан жілігіндегі өзгеріс үдерістерін анықтау қажет болған жағдайда, эталон қорындағы Tibia (сан жілік) бөліміне бару қажет. Мұнда барлық

жүп тұяқты жануарлардың сан жіліктері топтасырылған. Оның ішінде көпшілігі жас ерекшелігіне қарай бірнеше дана болуы да мүмкін. Мұндай бай эталон қорымен жұмыс жасау, зерттеу барысын жылдамдатып қана қоймай, ұсақталып кеткен сүйектерді дәл анықтауға мүмкіндік туғызады.

Ғылыми іс-сапар уақытының басым бөлігі жануар сүйектерін анықтау тәсілін меңгеруге жұмсалды. Сүйек материалдармен жұмыс барысы өз кезегінде бірнеше кезеңдерден тұрады:

1. Сүйектерді жануар түрлеріне қарай топтау;

2. Әрбір жануар түрін қаңқа элементтері бойынша анатомиялық қалыпта жинақтау;

3. Нақты жануардың өлген сәтіндегі индивидуальды жасын анықтау. Жануар жасын анықтау өз ішінде бірнеше күрделі тәсілдерге бөлінеді. Біздің жиі қолданатын әдісіміз жануар тістерінің өсу уақыты, тірек-қимыл жүйесіндегі сүйектердің синозтоз жағдайы (эпифиздердің өсу және жетілу үдерісі) және жануар тістеріндегі дентин мен цемент қабаттарының қалыптасу сызықтары [Клевезаль, 2007, с. 20–49].

4. Қаңқа элементтерінің жыныстық ерекшелігін анықтау. Дегенмен бұл әдіс өте сирек қолданылады. Егер жылқыға қатысты болса тек жылқының айғырында ғана болатын азу тіс арқылы, ал басқа жануарларда сүйектердің көлемі мен пішініндегі өзгерістерге қарап анықтауға болады. Соңғылары тек болжам түрінде болғандықтан, ғылыми жарияланымдарда сирек кездеседі.

5. Сүйек материалдарды сақталу жағдайына қарай сипаттап жазу. Жалпы жануар сүйектерін

сақталуына қарай сипаттаудың ортақ қалыптасқан тұжырымы жоқ. Археозоологиялық зерттеулерде бірнеше нұсқасы жиі қолданылады. Оның біріншісі Е.Е. Антипина [Антипина, 2016, с. 100], екінші Н. Г. Ерохин және О. П. Бачура жасаған тәсілдер [Ерохин, Бачура, 2011, с. 62–69].

6. Жануар түрі бойынша сүйектің бүтін элементтерінің өлшемдерін алу;

7. Патологиялық ерекшелігі сүйектерді жеке сипаттау;

Іс сапар барысында аталған тәсілдер толық қамтылып, мысал ретінде қола дәуірімен мерзімделетін Мурадымов қонысынан 2008 ж. табылған жануар сүйектері алынды. Жоғарыда аталған тәсілдер негізінде талдау арқылы, жануардың алты түрін анықтадық. Оның ішінде ірі қара, жылқы, қой, ешкі, шошқа, сарышұнақ сүйектері. Қосымша талдау барысында өңделген, патологиясы бар, өртенген, эмбрионға тиесілі, остеофагиялы және мүжілген сүйектер анықталды. Жалпы жылқы мен сиыр сүйектері өзара тез анықталады. Ең қиыны, қазба барысында көп кездесетін уақ мал сүйектерін қой мен ешкі түріне қарай ажырату.

Біз төменде ғылыми іс сапар жұмысы кезінде қой мен ешкі сүйектерін ажырату тәжірибесінің кейбір қырларына қысқаша тоқталамыз. Археозоология ғылымында ешкі мен қой сүйектерін ажыратуға тырысқан зерттеулерді көптеп кездестіруге болады. Дегенмен, барлығы да белгілі бір қиындықтардан айналып өте алмайды. Күрделі морфометриялық өлшемдер жасау арқылы, дисперсиялы, регрессионды талдаулар жасап, нәтижелерін түрлі диаг-

раммаларда (көбіне нүктелік диаграмма) көрсету арқылы қой ешкі сүйектерінажыратуға тырысқанымен, соңғы тұжырымдары болжамдық деңгейден қатты алыстамайды. Ғылыми іс-сапар барысында жинақталған тәжірибемізге сүйене отырып, қой мен ешкі сүйектерін анықтаудың бірқатар тәсілдері мен ерекшеліктеріне тоқтала кетсек.

Қой мен ешкінің мойын омыртқаларында тек атлант (№ 1 омыртқа) пен эпистрофей (№ 2 омыртқа) ғана ажыратылады. Басқа омыртқаларды ажырату өте қиын. Бұл жерде морфометриялық өлшемдер арқылы талдаулар жасауға болады. Дегенмен соңғы нәтижелер тек болжам деңгейінен әрі аспайды.

Жануарлардың жауырынын ажырату аса қиын емес. Егер жауырын бүтін болса, теріс жағынан жарыққа қаратып ұстау қажет. Егер ортаңғы акрамион көрінбей, тік орналасса, бұл ешкіге тиесілі, акрамион қисайып жауырын шетінен көрініп тұрса қойға тиесілі.

Тоқпан жіліктің дистальды эпифизінің басы ешкіде цилиндр тәріздес болады, ал қойда конус тәріздес болып, бір шетіне қарай жуандап кетеді. Диафизден дистальды эпифиз блогына қарай кеткен екі жолақ сүйек ешкіде тіке орналасса, қойда екі жаққа шалқайып орналасады.

Қой мен ешкінің кәрі жілігі мен шынтак сүйектерін ажырату қиын. Бірақ менің тәжірибемде мынадай қызықты ерекшелік бар екендігі байқалды. Ешкінің кәрі жілігі мен шынтак сүйегі біріккен жерінде (проксимальды жағы) қорек тесігі болады (ескерту: қорек тесігі өзгеріске бейім келеді). Егер тесік сол жалғасқан жердің үстінде орналасса ешкіге, біріккен жердің тұсында орналасса қойға тиесілі.

Қой мен ешкінің жамбас сүйектері біршама күрделі. Ешкіде тік жолақшалы қырлар бар және ұршық ойығы ешкіде дөңгелек шеңбер, ал қойда сиыр жамбасы тәріздес екі бөліктен тұрады.

Ешкінің метаподиясының дистальды эпифизи ішке қарай симметриялы түрде конус тәріздес қисайып орналасады. Қойда түзу орналасады. Ешкінің сирағы қойдан қысқа және аздап жалпақтау келеді.

Қой мен ешкінің № 1 фалангасын ажыратуға болады. Бірақ № 2 фалангасын ажырату қиын. Себебі жұмыс барысында № 2 фаланганы ажыратуға бірнеше рет талпыныс жасағанымызбен, соңында нақты нәтиже көрінбеді. Жалпы қой мен ешкі сүйектерін ажыратудың бұдан басқа да белгілері көп. Біздің мысалымызда басқа да күрделі тәсілдер қолданылды. Бірақ онда түрлі статистикалық талдаулар орын алатындықтан, алдағы уақытта жеке тоқталуды жөн санап отырмыз.

Археозоологиялық зерттеулердің әдіснамасы жыл сайын жаңа тәсілдермен толығып келеді. Бұған дейін қолданылып келген тәсілдер жаңа технологияның пайда болуына байланысты, жетіліп, күрделі талдаулар жасауға итермелейді. Қазіргі таңда археологиялық қазба барысында табылған жануар сүйектерін жоғарыда аталған тәсілдер негізінде қарастыру дәстүрлі зерттеудің өзегі болғанымен, бірқатар ғылыми тұжырымдар жасауда аздық етеді. Мәселен, соңғы жылдары жануар сүйектерінің ішінде тек асықтарды арнайы геометриялық-морфометриялық өлшемдер негізінде дискриминантты, дисперсиялы, регрессионды және кластерлі талдаулар жасап, жануар тұқымын анықтауға талпыныстар жасалып

отыр [Haruda, 2017]. Жалпы бұл тәсілге ұқсас зерттеулер өте көп. Дегенмен көпшілігі әлі жетілу үстінде.

Қорытынды ретінде, археозоологиялық зерттеу әдістерін меңгеру және тәжірибе жинақтауға мүмкіндік жасап, ғылыми іс-сапарды ұйымдастырған Ә. Х. Марғұлан атындағы Археология институтының директоры академик Б. Ә. Байтанаевқа және Институт

әкімшілігіне, лабораториялық талдаулар мен эталон қорын жинақтауда үнемі қолдау көрсетіп отыратын «Археологиялық технология» лабораториясының меңгерушісі, PhD доктор Е. Ш. Ақымбекке, жануар сүйектерін зерттеуде методологиялық кеңестер беріп, «Палеоэкология» лабораториясындағы эталон қорымен еркін жұмыс жасауға мүмкіндік жасаған б.ғ.к. П. А. Косинцевке алғыс білдіремін.

ӘДЕБИЕТ

1. *Клевезаль Г.А.* Принципы и методы определения возраста млекопитающих. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2007. 283 с.

2. *Антипина Е.Е.* Современная археозоология: задачи и методы исследования // Междисциплинарная интеграция в археологии (по материалам лекций для аспирантов и молодых ученых). М.: ИА РАН, 2016. С. 96–118.

2. *Ерохин Н.Г., Бачура О.П.* Новый подход к компьютерной формализации раздробленности костных остатков млекопитающих в археологических исследованиях // Методика междисциплинарных археологических исследований: сб. науч. ст. и метод. реком. Омск: Омский государственный университет, 2011. С. 62–69.

4. *Haruda, A. F.* Separating Sheep (*Ovis aries* L.) and Goats (*Capra hircus* L.) Using Geometric Morphometric Methods: An Investigation of Astragalus Morphology from Late and Final Bronze Age Central Asian Contexts // *International Journal of Osteoarchaeology*. 2017. № 27. P. 551–562.

Автор туралы мәліметтер:

Шагирбаев Мамбет Сапарбекович – ғылыми қызметкер, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты (Алматы қ., Қазақстан); mambet__87@mail.ru

О НАУЧНОЙ СТАЖИРОВКЕ в г. ЕКАТЕРИНБУРГ

М.С. Шагирбаев

В статье представлены краткие итоги стажировки, проходившей в декабре 2019 г., в лаборатории Палеоэкологии Института экологии растений и животных, Уральского отделения РАН (г. Екатеринбург). Основной целью ставилось овладение методологией исследования костей животных, ознакомление с эталонами в фонде лаборатории. В научно-исследовательскую работу входило изучение полноценной классификации археозоологического анализа костей животных по видам, определение элементов скелета, описание особенностей хранения и внесения материалов в электронную базу. Особое внимание было уделено вопросам определения костей животных – изучались диапазоны изменений диафизов и эпифизов овец и коз, ряда костей крупного рогатого скота и лошадей, сходных с элементами скелета. Также рассматривались особенности составления описания видов животных.

Ключевые слова: археология, г. Екатеринбург, лаборатория Палеоэкологии, археозоология, кости животных, эталон, морфометрические измерения, тафономический анализ

ON THE SCIENTIFIC TRAINING IN YEKATERINBURG

M. S. Shagirbayev

In December 2019, a scientific visit was organized by the “Paleoecology” laboratory of the Institute of Plant and Animal Ecology, Ural branch of the Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russian Federation. The main purpose of the scientific trip was to master the methodology of animal bones research, to get acquainted with the samples in the laboratory fund. The research work included a complete system of archaeozoological analysis of animal bones. The archaeozoological study considered the classification of osteological material by animal species, determining the elements of the skeleton, describing the features of storing and adding materials to the electronic database. Special attention was paid to the definition of animal bones. The ranges of changes in the diaphyses and epiphyses of sheep and goats, a number of bones of cattle and horses similar to the elements of the skeleton were determined. Individual features of methods for describing animal species were considered.

Keywords: archaeology, Yekaterinburg, laboratory of Paleoecology, archaeozoology, animal bones, sample, morphometric measurements, taphonomic analysis

REFERENCES

1. Klevezal, G. A. 2007. *Principy i metody opredeleniya vozrasta mlekopitayushchih (Principles and methods for determining the age of mammals)*. Moscow: “KMK Scientific Publishing House”. Publ. (in Russian).
2. Antipina, E. E. 2016. In *Mezhdisciplinarnaya integraciya v arheologii (Interdisciplinary integration in archeology)*. Moscow: IA RAS Publ., 96–118 (in Russian).
3. Erokhin, N. G., Bachura, O. P. 2011. In *Metodika mezhdisciplinarnyh arheologicheskikh issledovanij (Methodology of Interdisciplinary Archaeological Research)*. Omsk: Omsk State University Publ., 62–69 (in Russian).
4. Haruda, A. F. 2017. In *International Journal of Osteoarchaeology*, 27, 551–562 (in English).

About the Author:

Shagirbayev Mambet S. Researcher, A.Kh. Margulan Archeology Institute, Almaty, Kazakhstan; mambet_87@mail.ru

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 12.02.2020.

ҚЫСҚАРТУЛАР ТІЗІМІ
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ – LIST OF ABBREVIATIONS

г.х. –	год хиджры
ГИМ –	Государственный исторический музей, г. Москва
ГКУ –	Государственное коммунальное учреждение
ГМИИ –	Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина, г. Москва
ЕНУ им. Л.Н. Гумилева –	Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева
ЖАЭ –	Жанкентская/Джанкентская археологическая экспедиция
ИА КН МОН РК –	Институт археологии им. А.Х. Маргулана Комитета науки МОН РК
ИА РАН –	Институт археологии РАН
КазГАСА –	Казахская головная архитектурно-строительная академия
КазНПУ им. Абая –	Казахский национальный педагогический университет им. Абая
КазНУ им. аль Фараби –	Казахский национальный университет им. аль-Фараби
КарГУ –	Карагандинский государственный университет
КемГУ –	Кемеровский государственный университет
КСИИМК –	Краткие сообщения Института истории материальной культуры
Л.с. –	лицевая сторона
МИА СССР –	Материалы и исследования по археологии СССР
НГУ –	Новосибирский государственный университет
НИЦИА «Бегазы-Тасмола» –	Научно-исследовательский центр истории и археологии «Бегазы-Тасмола»
О.с. –	оборотная сторона
СА –	Советская археология
САГУ –	Среднеазиатский государственный университет им. В.И. Ленина, г. Ташкент
ХАЭЭ –	Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция
ЦГМ РК –	Центральный государственный музей Республики Казахстан
ЭВ –	Эпиграфика Востока

**АВТОРЛАРҒА АРНАЛҒАН ЕРЕЖЕЛЕР –
ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ – SUBMISSIONS**

Авторлар үшін мақалаларды беруге, оларды қарау тәртібіне, рецензиялауға, материалдарды рәсімдеу бойынша нұсқаулықтар мен ұсынымдарға, автор мен баспагердің өзара қарым-қатынасын реттейтін сұрақтарға қатысты барлық мәліметтер журналдың сайтында көрсетілген: archeokz.com

Ресімделуі көрсетілген талаптарға сәйкес келмейтін қолжазбаларды редакциялық алқа қарастырмайды!

Осы Ережелер журналда және журналдың сайтында жарияланған сәттен бастап күшіне енеді.

***

Все сведения для авторов, касающиеся подачи статей, порядка их рассмотрения, рецензирования, инструкций и рекомендаций по оформлению материалов, вопросов регулирующих взаимоотношения автора и издателя представлены на сайте журнала по адресу: archeokz.com

Рукописи, оформление которых не соответствует указанным требованиям, редакционной коллегией не рассматриваются!

Настоящие правила вступают в действие с момента опубликования в журнале и на сайте журнала.

***

All information for authors regarding the submission of articles, the procedure for their consideration, review, instructions and recommendations for the design of materials, issues governing the relationship between the author and publisher are presented on the journal's website at: archeokz.com

Manuscripts whose design does not meet the specified requirements are not considered by the editorial board!

These rules come into force from the moment of publication in the journal and on the website of the journal.

Мұқабаның рәсімделуінде керамикадағы мөр бедерінің бейнесі қолданылды. Табылған зат Б.Ә. Байтанаевтың басшылығымен ортағасырлық Сайрамда жүргізілген қазба жұмыстарынан алынған. Суретті Ж. Жанабаев, С. Садықов салды.

В оформлении обложки использовано изображение оттиска штампа на керамике. Находка происходит из раскопок, проводившихся под руководством Б.А. Байтанаева на средневековом Сайраме. Рисунок выполнен Д. Джанабаевым, С. Садықовым.

In the design of the cover, the image of the imprint of the stamp on ceramics is used. The find comes from excavations conducted under the direction of B.A. Baitanayev on medieval Sayram. The drawing was made by J. Janabayev, S. Sadykov.

Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының эмблемасын М.А. Антонов дайындады
Эмблема Института археологии им. А.Х. Маргулана разработана М.А. Антоновым
Emblem of the A.Kh. Margulan Archeology Institute developed by M.A. Antonov.

Журнал 2018 жылдың 26 сәуірінен бастап шығады. ҚР Байланыс және ақпарат министрлігінің Ақпараттар мен архивтер комитетінің мерзімді баспасөз басылымын және (немесе) ақпараттық агенттікті есепке қою туралы 2011 жылғы 14 қарашадағы № 12108-Ж куәлігі берілген

Журнал основан 26 апреля 2018 г. Свидетельство о постановке на учет периодического печатного издания и (или) информационного агентства № 12108-Ж от 14 ноября 2011 г. выдано Комитетом информации и архивов Министерства связи и информации РК

The journal was founded on April 26, 2018. Certificate of registration of periodical print publication and (or) information agency № 12108-Ж dated November 14, 2011 was issued by the Committee of Information and Archives of the Ministry of Communications and Information of the Republic of Kazakhstan

Түпнұсқа макет Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтында дайындалады.
050010 Алматы қаласы, Достық даңғылы, 44

Баспаға 11.03.2020 жылы қол қойылды. Пішім 70×108 1/16
Шартты б.т. 13,33. Times New Roman Гарнитурасы. Таралымы 200 дана.

Оригинал-макет подготовлен в Институте археологии им. А.Х. Маргулана
050010 г. Алматы, пр. Достык, 44

Подписано в печать 11.03.2020. Формат 70×108 1/16
Усл. п. л. 13,33. Гарнитура Times New Roman. Тираж 200 экз.

Original layout prepared at the A.Kh. Margulan Archeology Institute
050010 Almaty, Dostyk Ave., 44

Signed to print 11.03.2020. Format 70 × 108 1/16
Printed sheet 13,33. Times New Roman headset. Circulation 200 copies.

"Хикари" баспаханасында басылған
Отпечатано в типографии «Хикари»
Printed in the printing house "Hikari" hikari.kz24.online